Éditions Russes et Françaises
Jacques Povolozky : Libraire-éditeur
Русское Книгопродавецкое Товарищество
Librairie Bonaparte Paris

4-349-III c

MP
X

1857
1862
1863
1863-64
1864
1867

Minaev, Dmitrii Dmitrievich
Pesni i poemy

ПѢСНИ И ПОЭМЫ

Д. Д. МИНАЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія О. В. Ландсбергъ, Фонтанка, № 87.

1870

PG3461
M7A6
1870

ПѢСНИ И ПОЭМЫ

Д. Д. МИНАЕВА.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

ПОЭМА.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

Чѣмъ важнѣе и серьёзнѣе предметъ, тѣмъ веселѣе нужно разсуждать о немъ.

Гейне.

I.

Прежъ многихъ истинъ обветшалыхъ,
Сентенцій древнихъ, общихъ тэмъ,
Читалъ не рѣдко я въ журналахъ:
„Въ нашъ вѣкъ нельзя писать поэмъ“—
И рядъ рецензій запоздалыхъ
Теперь внушитъ хлопочетъ всѣмъ,
Что ты, Шекспиръ (прости ихъ, Боже!)
И сапоги—одно и тоже.

II.

Чтобъ рецензентовъ не пугать,
Я, отпустивъ поклонъ имъ низкій,
Могу стихи свои назвать —
„Отчетомъ“, сказкою... ревижской,
„Протестомъ противъ буквы *ять*,“
„Отмѣткой“ новою, роспиской.
Иль хоть „статьей передовой“;
Авось замолкнетъ хищный вой.

III.

Я журналистовъ очень трушу:
Сорвется смѣлая строка,
Подчасъ „приличіе“ нарушу
И—сердце сдавитъ мнѣ тоска.
Отдать готовлюсь Богу душу,
Увидя съ палкой гайдука,
Который... Нѣтъ, бойцевъ въ журналахъ
Боюсь я больше, чѣмъ хожалыхъ.

IV.

И потому-то въ древній Римъ,
Въ его сенатъ, на славный форумъ,
Трусливой музою хранимъ,
Хочу идти теперь дозоромъ,
Гдѣ, вѣрно, съ критикомъ моимъ
Не встрѣчусь я съ поникшимъ взоромъ,
Гдѣ я привольно пѣть могу
И сонъ и нервы сберегу.

V.

Увы! Завидую тебѣ я,
Пѣвецъ нашъ, Майковъ Аполлонъ!..
Ступалъ ногой ты, не робѣя,
Въ чертоги Цезарей, матронъ
И, отъ восторга цѣпѣнѣя,
Пѣлъ богомольцевъ капюшонъ
И съ гордой поступью Альбанку
И римскихъ нищихъ перебранку.

VI.

Ты—постигаешь римскій духъ,
А я—постигъ лишь русскій запахъ:
Фонтаны нѣжили твой слухъ,
А я въ однихъ желѣзныхъ шкапахъ
Купался лѣтомъ. Всѣхъ старухъ,
Забывшихъ вдрухъ объ эскулапахъ,
Живишь ты пѣсней съ двухъ страницъ,
А я — пугаю всѣхъ дѣвицъ.

VII.

Мнѣ—„подаютъ вездѣ салазки“,
Тебѣ—вручаютъ всѣ вѣнецъ;
Я—жалкій рыцарь свистопляски,
Ты—первый „праздничный“ пѣвецъ,
Я—слышу брань, ты—шопотъ ласки
И бой чувствительныхъ сердецъ....
И такъ, могу-ль твоей дорогой
Идти, прикрывшись римской тогой?

VIII.

Хочу я въ Римъ перелетѣть
Съ панелей Невскаго проспекта,
Гдѣ такъ опасно стало пѣть
И, можетъ быть, журнальный „нѣкто“
Не станетъ вслѣдъ за мной шипѣть,
Сказавъ: „насилу человѣкъ-то
Понять свое призванье могъ!“
И тутъ же поощритъ мой слогъ.

IX.

Герой мой—Цезарь. Безъ сомнѣнья,
Кай Юлій Цезарь былъ герой
(Светоній былъ того же мнѣнья,
Хоть осуждалъ его порой).
Ты, отрокъ, чтя его значенье,
Живѣй Смарагдова раскрой
И удивляйся той страницѣ,
Гдѣ встрѣтишь: *veni*, *vidi*, *vici*....

X.

Я тѣмъ охотнѣе беру
Его въ герои, сознавая,
Что въ эпилогѣ не совру,
Героя со-свѣта сживая...
Нѣтъ, я скорѣе самъ умру,
Чѣмъ ложью повѣсть прерывая,
Скажу безъ всякаго стыда:
Герой мой умеръ, господа...

XI.

Я, какъ Базарова, не стану
Душить героя. Лишній трудъ!..
Онъ получилъ за раной рану
Не отъ меня. Не такъ ли Брутъ?..
Затѣмъ Тургеневу Ивану
Я подражать не стану тутъ
И какъ романъ „Отцы и Дѣти“
Я не окончу пѣсни эти.

XII.

Тотъ, кто имѣетъ аттестатъ
Отъ двадцати почти столѣтій,
Тотъ, передъ кѣмъ дрожалъ сенатъ,
Предъ кѣмъ самъ Бонапарте Третій
Склонилъ почтительно свой взглядъ,—
Тотъ стоитъ громкихъ междомѣтій.
И такъ, припомнивъ старину,
Тебя я, Цезарь, пѣть начну.

XIII.

Но съ русской риѳмой никогда ты
Жить въ полной дружбѣ не привыкъ:
Поэту злѣе нѣтъ утраты,
Какъ передъ риѳмой стать въ тупикъ.
Однимъ мы знаніемъ богаты,
Что бѣденъ русскій нашъ языкъ,
И въ словѣ *Цезарь* въ дѣлѣ риѳмы
Должны найти подводный рифъ мы.

XIV.

Но Розейгеймовскій глаголъ
Не такъ давно еще раздался,
Что нашъ языкъ вполнѣ „разцвѣлъ“.
Хоть самъ онъ въ риѳмахъ спотыкался...
О, ты, поэзіи Маголъ!
Хоть ты-бъ помочь мнѣ догадался
И риѳму съ тройственной игрой
Тогда узналъ бы мой герой.

XV.

О, древній Римъ! Во время оно
Ты жилъ не такъ, — твой вѣкъ прошелъ.
Гдѣ прежде былъ дворецъ Нерона,
Теперь бредетъ Сабинскій волъ;
Умолкли рѣчи Цицерона, —
Среди аркадъ, пробившихъ полъ,
Плющъ пожелтѣвшій, запыленный
Виситъ, какъ саванъ похоронный.

XVI.

Безжизненъ пышный Регіонъ *).
Нейдетъ съ литаврами на Форумъ
Съ побѣдной пѣсней легіонъ,
Лишь вторитъ эхо галльскимъ шпорамъ
Подъ Колизеемъ межъ колоннъ,
Да англичанинъ, бѣглымъ взоромъ
Все осмотрѣвъ, сложилъ свой гидъ
И въ ресторанъ, ворча, бѣжитъ.

*) Регіонъ—самый лучшій и богатый кварталъ римскаго Форума

XVII.

Иной костюмъ, иные виды...
Вездѣ пиджаки вмѣсто тогъ,
Въ льняной одеждѣ жрецъ Изиды
Не выступаетъ за порогъ.
Разбиты въ прахъ каріотиды
И, тѣнь бросая на песокъ,
Повисли листья кипариса
На мѣстѣ храма Сераписа.

XVIII.

Вездѣ Сатурна видѣнъ гнѣвъ.
Гдѣ львы рычали на аренѣ —
Кричитъ теперь парижскій *левъ*,
Что цѣлый Римъ не стоитъ — пени.
Для лошаковъ устроенъ хлѣвъ
Съ обломкомъ мраморной ступени
И цезарскій громадный залъ
Преобразился въ сѣновалъ.

XIX.

На древній памятникъ этрусскій
Съ тупою важностью глядитъ
„Корреспондентъ газеты русской“
И чичероне всѣхъ бранитъ
За ихъ корысть и взглядъ ихъ узкій...
Корреспондентовъ этихъ видъ
Ужасно мраченъ... Ихъ я часто
Могъ узнавать, хоть саженъ за сто.

XX.

Межъ круглыхъ шляпъ и женскихъ лентъ,
Въ окошкахъ виллы итальянской
Я узнавалъ тебя, „агентъ
Отъ журналистики славянской“,
Тебя, родной корреспондентъ
Съ квартиры въ улицѣ Мѣщанской...
Какъ онъ, о Римѣ я писалъ
И Антонели порицалъ,

XXI.

Какъ онъ, бродилъ подъ аркой Тита.
О капитоліи вздыхалъ
И въ сладкой нѣгѣ сибарита
Въ тѣни Горація читалъ
И восклицая: „вотъ стихи-то!
Я „Carpe diem!“ *) повторялъ...
Лишь жаль одно: тебя, Горацій,
Фетъ перевелъ къ стыду всѣхъ націй.

XXII.

Прекрасенъ Римъ въ оковахъ сна,
Великъ былъ Цезарь — геній свѣта,
Но петербургская весна
Меня влечетъ изъ кабинета
И,—какъ ревнивая жена,
Мѣшаетъ паѳосу поэта,—
Она меня еще съ утра
Къ прогулкѣ гонитъ со двора.

*) „Лови день“ слова Горація.

XXIII.

Весна! Такъ сладко спится людямъ...
Весной мы спать хотимъ вездѣ,
Когда торгуемъ, служимъ, судимъ
Въ конторахъ, въ обществѣ, въ судѣ;
Весной по всюду спать мы будемъ,
Какъ спятъ стрижи въ своемъ гнѣздѣ...
(Стрижи исчезнувшей „Эпохи!“
Среди всеобщей суматохи —

XXIV.

Вы опочили на всегда!
Кладемъ на гробъ вашъ иммортели,
И станемъ многіе года
Припоминать всѣ ваши трели!..)
Придетъ весна, сбѣжитъ вода
И, острымъ воздухомъ въ апрѣлѣ
Огромный городъ утомленъ,
Живетъ и дѣйствуетъ сквозь сонъ.

XXV.

Вотъ наступаетъ май румяный
И сонъ сильнѣе дразнитъ насъ,
И прилетаетъ къ намъ не званый.
При блескѣ солнца, въ ранній часъ,
Театровъ всѣхъ поклонникъ рьяный,
Схвативъ съ собой бинокль для глазъ,
Недавно, въ ясную погоду,
Пошелъ смотрѣть я „Воеводу“.

XXVI.

И вотъ иду межъ разныхъ ногъ:
„Театръ ужъ полонъ, ложи блещутъ“,
Но дремлетъ партеръ и раекъ,
Рѣсницы сонныя трепещутъ
И въ тишинѣ я слышать могъ,
Какъ кучера бичами хлещутъ
Передъ подъѣздомъ рысаковъ,
Подъ звукъ тяжелыхъ ихъ подковъ.

XXVII.

Весь „первый рядъ“ при яркомъ свѣтѣ
Склонился... дремлютъ старики.
Имъ снятся ножки въ кордъ-балетѣ
И пируэты и прыжки.
Во снѣ бросаютъ старцы эти
На сцену пышные вѣнки.
Ихъ грезы старческія долги...
Да, то былъ сонъ... но не на Волгѣ.

XXVIII.

Уснула въ креслахъ молодежь —
Краса салоновъ, канцелярій:
Во снѣ ей снится Ригольбошь,
Напѣвъ, рулада модныхъ арій,
Иль соблазнительная ложь
Кокетокъ злыхъ, иль гонорарій...
А въ глубинѣ блестящихъ ложъ,
Придя въ восторгъ отъ новой драмы,
Закрывши глазки, дремлютъ дамы.

XXIX.

Онѣ... но тайны женскихъ грёзъ
Для насъ всегда темнѣй загадки.
Въ снахъ женскихъ, вѣрно, много слезъ
(Имъ и во снѣ рыданья сладки).
Ихъ бредъ мнѣ слышать привелось
Порой, въ нервическомъ припадкѣ,
Но... здѣсь могу увѣрить дамъ:
Ни кто изъ насъ не вѣритъ снамъ.

XXX.

Но многихъ сонъ теперь отраденъ.
Тѣмъ снится въ грезахъ „высшій кругъ",
Поѣздка въ Ниццу, въ Баденъ-Баденъ;
Тѣ видятъ, будто ихъ супругъ
Сошелъ въ могилу, въ царство гадинъ.
А возлѣ ихъ любимый другъ,
Предупредительный и нѣжный,
Смягчаетъ трауръ неизбѣжный.

XXXI.

Раекъ весь спитъ. Носы гудятъ,
Подобно струнамъ въ контро-басѣ:
Такъ пассажиры часто спятъ
Въ вагонѣ темномъ въ „третьемъ классѣ"
И словно въ запуски храпятъ.
Ихъ сонъ... Но только авторъ „Аси",
Такой задачей не смущенъ,
Живописать бы могъ ихъ сонъ.

XXXII.

Пять актовъ до ночи тянулись:
Въ послѣдній разъ суфлеръ шепнулъ,
Но у него глаза сомкнулись,
Онъ наклонился и — заснулъ.
Всѣ мирно въ креслахъ растянулись,
Я самъ дремалъ, склонясь на стулъ,
И увидалъ во снѣ я тоже,
Что въ *ложе* обратились *ложи*,

XXXIII.

Что всѣхъ въ театрѣ давитъ сонъ,
Спятъ львы и дамы въ общемъ блескѣ,
И тамъ — взглянулъ я на плафонъ,—
Спятъ драматурговъ русскихъ фрески.
Порой лишь въ люстрѣ слышенъ звонъ
Стекла иль треснувшей подвѣски...
Вотъ я глаза раскрылъ во снѣ
И захотѣлось крикнуть мнѣ—

XXXIV.

Изъ креселъ: „автора“! И чтоже?
Кричу и вижу—авторъ спитъ,
Ему всѣхъ лавровъ сонъ дороже
И онъ на сцену не глядитъ,
Гдѣ всѣ артисты дремлютъ тоже,
Какъ рядъ живыхъ каріотидъ.
Я, полный страха, встрепенулся,
Но тутъ.. но тутъ я вдругъ проснулся.

XXXV.

Проснулся я. Театра нѣтъ,
Нѣтъ ложъ, нѣтъ публики, нѣтъ сцены.
Передо мной мой кабинетъ,
Давно знакомыя мнѣ стѣны
И розенгеймовскій портретъ
Глядитъ съ обой безъ перемѣны,
А изъ открытаго окна
Ко мнѣ врывается весна.

XXXVI.

Я радъ обману сновидѣнья.
Весенній сонъ приснился мнѣ
И „Воеводы“ представленье
Не на яву, но въ майскомъ снѣ
Меня повергло въ усыпленье;
Хоть слышалъ я на сторонѣ,
Что на яву всѣ также спали,
Когда піесу ту играли.

XXXVII.

Но есть охотники поспать,
Куда вы ихъ не посадите,
Что не заставьте ихъ читать,
Въ какой театръ не поведите,—
И имъ мнѣ хочется сказать:
„Друзья! Вы лучше вѣчно спите
Отъ раннихъ дней до позднихъ лѣтъ,
А на яву — вамъ дѣла нѣтъ“.

XXXVIII.

Но я иду. День свѣтитъ ярко.
Гулъ экипажей, шумъ и звонъ...
Красавицъ щеки пышутъ жарко,
(Въ ихъ туалетъ я посвященъ)
Забыты мной и Тита арка
И въ мукахъ злыхъ Лаокоонъ
И груды цезарскаго Рима...
Толпа волной несется мимо —

XXXIX.

И подъ ногами лошадей
Прохожихъ возгласы нерѣдки
Къ ушамъ общественныхъ судей,
А „петербургскія отмѣтки"
Принявши образы людей,
Какъ ренскій уксусъ, злы и ѣдки,
Бѣгутъ за мною и въ меня
Бросаютъ „новостями дня":

XL.

— Въ больницѣ М. всѣхъ лечатъ плохо!..
— Писецъ А. К. упалъ въ Неву...
— На дняхъ кончается „Эпоха"...
— Жена N.N. на réndez-vouz
Ходила въ садъ. — „Одинъ пройдоха..."
Но тутъ въ гостинницу „Москву",
Заткнувши уши (въ этомъ каюсь)
Отъ всѣхъ „отмѣтокъ" я спасаюсь.

XLI.

Но, Боже мой, — мнѣ въ Римъ пора...
На нашу публику глазѣя,
Забылъ я дивный храмъ Петра
И дряхлый остовъ Колизея,
Забылъ о цезаряхъ... Съ утра
(Поэтамъ всѣмъ скажу вездѣ я),
Не кончивъ строфъ обычный рядъ.
Нельзя снимать съ себя халатъ.

XLII.

Языкъ мой—врагъ мой... Въ назиданье
Съ другой главы, — даю обѣтъ, —
Начну о Цезарѣ сказанье,
Какъ былъ съ нимъ близокъ Никомедъ
Какъ онъ любилъ завоеванья
И, покоривъ почти весь свѣтъ,
Не покорилъ жену Помпею...
Поправить грѣхъ свой я успѣю.

ПѢСНЯ ВТОРАЯ.

I.

Подъ властью Суллы Римъ стоналъ,
Холопство стало общей модой
И самъ Помпей, склонясь, стоялъ
Насмѣшкой горькой надъ свободой,
Лишь передъ Суллой не дрожалъ
Патрицій, Цезарь безбородый
И на диктаторскій приказъ
Одинъ отвѣтъ прислалъ — отказъ *).

II.

Былъ Цезарь правъ, — мы это знаемъ,
Насъ всѣхъ за то не упрекнутъ:
Мы жонъ своихъ не покидаемъ,
Хоть нравъ иныхъ ужасно крутъ.
Нѣтъ, мы, мужья ихъ, поджидаемъ,
Что жоны сами убѣгутъ, —
Тогда не мы виновны будемъ
И смѣло жонъ своихъ осудимъ.

---

*) Сулла требовалъ, чтобъ Юлій Цезарь, женатый на дочери Цинны, развелся съ своею женою и вступилъ въ бракъ съ его падчерицей. Подъ страхомъ смертной казни Цезарь отказался и бѣжалъ изъ Рима.

III.

Отвергнулъ мужъ съ женой разводъ
Безъ опасенья, безъ боязни,
Хотя разгнѣванный деспотъ
Его готовилъ къ смертной казни,
Но чтобъ не пасть въ тотъ самый годъ
Кровавой жертвой непріязни
И не наткнуться на кинжалъ —
Изъ Рима Цезарь убѣжалъ.

IV.

Не пожелавъ съ женой разлуки,
Онъ бросилъ Римъ, „развратный“ Римъ...
Римъ „добродѣтельные“ внуки
Почтили именемъ такимъ,
Хотя въ дни праздности и скуки
Развратъ отцовъ былъ сладокъ имъ,
Но такъ ведется въ этомъ свѣтѣ —
Отцовъ всегда ругаютъ дѣти.

V.

Я самъ, — мнѣ Богъ проститъ обманъ, —
Кричалъ, бывало, очень рьяно,
Что мой отецъ деспотъ, тиранъ,
Хоть онъ не тронетъ таракана
Вдали отъ Рима и римлянъ
Сжился съ войною Цезарь рано
И въ жизни Юлію война
Не измѣняла, какъ жена.

VI.

Считался Цезарь первымъ франтомъ
Межъ римскихъ дѣвъ и римскихъ жонъ,
Въ своей одеждѣ былъ педантомъ
И тогу розовую онъ
Умѣлъ носить съ большимъ талантомъ
И, по обычью тѣхъ временъ,
Всѣ волоса, что очень смѣло,
Велѣлъ выщипывать изъ тѣла.

VII.

На каждый вѣкъ — обычай есть.
Римляне стриглись очень гладко,
А вотъ у насъ вопила „Вѣсть",
Что дамамъ стричься очень гадко,
Что прессѣ надо ѣсть, да ѣсть
То нарушеніе порядка
И чуть-ли стриженыхъ дѣвицъ
Не нужно выслать изъ столицъ.

VIII.

Но, къ счастью Цезаря, Скарятинъ
Не вилъ тогда гражданскихъ лозъ
И Цезарь могъ до красныхъ пятенъ
Изъ тѣла рвать клочки волосъ,
Хоть тотъ обрядъ не такъ пріятенъ
И доведетъ людей до слезъ,
Но моды кодексы упрямы:
Объ этомъ знаютъ наши дамы.

IX.

Сверлятъ ихъ уши для серегъ,
Палятъ ихъ кудри куаферы
И отъ корсетовъ въ краткій срокъ
Ихъ груди дѣлаются хворы...
О, если бъ складки римскихъ тогъ
Смѣнили новые уборы,
То, можетъ быть, для благъ земли
Всѣ дамы долго жить могли.

X.

Слова поэта повторяя,
Скажу про Цезаря, что онъ
„Строптивыхъ Галловъ“ покоряя,
„Былъ Никомедомъ покоренъ“ *)
Но свистунамъ не вѣрю зря я
Былыхъ и нынѣшнихъ временъ
И этой фразѣ, безъ сомнѣнья,
Не придадите вы значенья.

XI.

И кто же вѣритъ свистунамъ
Свистящимъ съ злобою повсюду?
Не вѣрю я, чтобъ Цезарь самъ
(Я здѣсь со всѣми спорить буду,

*) Ходячая эпиграмма того времени. Вотъ она:

Gallias Caesar subegit, Nicomedes Caesarem.
Ecce Caesar nuc triumphat qui subegit Gallias.
Nicomedes non triumphat, qui subegit Caesatem.

Чтобъ не сказалъ историкъ намъ)
Способенъ былъ на ту причуду,
А потому мы умолчимъ...
По смерти Суллы снова въ Римъ

XII.

Вернулся Цезарь. Восходила
Его звѣзда, — онъ не дремалъ
И въ новой должности Эдила
Народъ на зрѣлища сзывалъ
И, чтобъ толпа его любила,
Въ судахъ кліентовъ защищалъ,
Въ своихъ рѣчахъ передъ сенатомъ
Являлся истымъ демократомъ.

XIII.

Патрицій, дэнди римскій, мотъ
Вдругъ въ демагога обратился,
На игры пышныя народъ
Къ нему восторженно сходился,
Но промотавъ весь свой доходъ,
Онъ популярности добился
И сталъ извѣстенъ въ двадцать лѣтъ,
Хоть въ Римѣ не было газетъ.

XIV.

Блаженный вѣкъ! Безъ указаній
Статей различныхъ и рекламъ
Періодическихъ изданій,
Римляне, жизнь являлась вамъ!
Хотя изъ множества преданій —
Одно я слышалъ: будто, тамъ

Краевскимъ „Голосъ“ издавался,
Но въ томъ я первый сомнѣвался.

XV.

Нѣтъ, если бъ „Голосъ“ въ Римъ проникъ —
Онъ далъ бы Риму миръ счастливый,
Изгналъ развратъ въ единый мигъ;
Самъ Цицеронъ честолюбивый
Навѣрно бъ прикусилъ языкъ
И ропотъ черни прихотливой
Смирилъ бы въ нѣсколько недѣль
Ораторъ „Голоса“ — *В. Л.*

XVI.

Читатель! Я — разскащикъ точный,
Хотя о Цезарѣ Катонъ
Сказалъ, что „въ этотъ Римъ порочный
Явился трезвымъ только *онъ*“,
Но за трапезой полуночной,
Забывъ политику и сонъ,
Любилъ, съ виномъ въ рукахъ, патрицій
Встрѣчаться съ утренней денницей.

XVII.

Вино, любовь, любовь, вино!
Они царятъ повсюду въ мірѣ.
Имъ уживаться суждено
И въ нашей Сѣверной Пальмирѣ...
Съ виномъ — намъ въ жизни не темно,
Съ любовью, — счастье наше шире
И часто Фогтса погребокъ
Спасаетъ насъ отъ всѣхъ тревогъ.

XVIII.

Любовью жонъ чужихъ играя,
Въ мужьяхъ ихъ нажилъ онъ враговъ,
За то, увы! жена вторая
Зловѣщей парою роговъ
Почтила Цезаря... Вчера я
„Средь хладныхъ, невскихъ береговъ“
Съ двойною шишкой носорога
Такихъ супруговъ встрѣтилъ много.

XIX.

Но головной такой уборъ
Ихъ, я замѣтилъ, не тревожитъ.
При томъ же, что тутъ за позоръ?
Жена раскается, быть можетъ,
Въ слезахъ потупитъ скорбный взоръ
И къ сердцу мужа путь проложитъ.
Но Цезарь (я о томъ вздыхалъ)
„Подводный камень“ не читалъ.

XX.

Да, жили въ тьмѣ тогда римляне.
Тамъ, гдѣ авгуръ помочь не могъ,
Они нашли бы въ томъ романѣ
Себѣ разгадку и урокъ
И жонъ прощали бы заранѣ...
Самъ Цезарь не былъ бы жестокъ
И Публій Клавдій,—думать смѣю,—
Привелъ назадъ къ нему Помпею.

XXI.

Однажды Цезаря жена
Шепнула: „Клавдій! стану ждать я...
Сегодня, лишь зайдетъ луна,
Приди чрезъ садъ въ мои объятья...“
И ровно въ полночь у окна
Явился Клавдій въ женскомъ платьѣ
И съ этой ночи, говорятъ,
Кай Юлій Цезарь сталъ рогатъ.

XXII.

Но можно лобъ имѣть рогатый
И быть героемъ... отъ долговъ
Его избавилъ Крассъ богатый...
Благодаря за то боговъ
И духомъ воина объятый,
Среди испанскихъ береговъ
Явился Цезарь: власть манила,
Смущала бывшаго Эдила...

XXIII.

Когда онъ Кадиксъ посѣщалъ
И видя тамъ на пьедесталѣ
Бюстъ Александра,—онъ сказалъ:
— „Въ мои года предъ нимъ всѣ пали.
Кругомъ онъ царства покорялъ,
Его „великимъ“ называли,
А я... меня не знаетъ свѣтъ...“
Когда я самъ держу портретъ,

XXIV.

Гдѣ вижу Фета иль Щербину,
Тогда впадаю я въ хандру,
Тогда я чувствую кручину
И отвращеніе къ перу...
Напрасно я корю судьбину.
Напрасно съ нихъ примѣръ беру,
Но даже съ помощью памфлетовъ
Не стать мнѣ выше тѣхъ поэтовъ...

XXV.

Я долженъ здѣсь упомянуть,
Что Цезарь тоже былъ поэтомъ:
Онъ написалъ поэму „Путь"
И могъ соперничать въ ней съ Фетомъ,
Но, мой читатель, не забудь
Тѣхъ словъ, заученныхъ всѣхъ свѣтомъ,—
(Нерѣдко ими педагогъ
Кончалъ исторіи урокъ

XXVI.

Съ своей каѳедры въ темномъ классѣ)
Что „лучше первымъ быть въ селѣ,
Чѣмъ быть послѣднимъ въ римской расѣ".
Такъ съ смѣлой думой на челѣ
Сказалъ самъ Цезарь. На парнасѣ
Того подвергнемъ мы хулѣ,
Кто съ Розенгеймомъ станетъ рядомъ...
Нѣтъ, отравиться лучше ядомъ,

XXVII.

Идти въ швейцары, въ повара.
Чѣмъ заслужить почетъ и славу
Такого дивнаго пера,
Иль, получивъ себѣ въ забаву
Даръ Боборыкина Петра,
Сзывать всю прессу на облаву
И пищу дать для эпиграммъ...
Пусть всѣхъ минуетъ этотъ срамъ!

XXVIII.

Пѣвцы обоихъ полушарій!
Теперь вамъ слава не нужна:
Она — рулада модныхъ арій,
Неуловимая волна!...
Вамъ нуженъ только гонорарій,
Платимый вѣрно и сполна...
Плывя на невскомъ параходѣ
Я разсуждалъ въ подобномъ родѣ.

XXIX.

И, убаюканный весной
Стихами началъ гнать я скуку:
„Все то, что нѣмецъ выписной
„Казалъ намъ издали, какъ штуку,—
„Онъ подарилъ странѣ родной“,—
Твердилъ я, сѣвъ поближе къ люку,
Неву за холодъ порицалъ
И двухъ сосѣдей созерцалъ.

XXX.

Съ улыбкой очень ядовитой,
Кося глазами часто въ бокъ,
Какой-то писарь, гладко бритый,
Читалъ Арсеньева „Листокъ“,
Да франтъ подъ шляпой глянцовитой
Смотрѣлъ въ бластящій свой сапогъ
И наблюдалъ, чтобъ на перчаткѣ
Не появилось лишней складки.

XXXI.

Я дальше васъ нести бы радъ
На крыльяхъ русскаго пегаса
Въ какой нибудь приневскій садъ
(Не въ садъ лишь русскаго парнаса)
Но ждетъ меня тріумвиратъ
Помпея Цезаря и Красса...
И такъ, теперь я отдохну
И пѣсню новую начну.

ПѢСНЯ ТРЕТЬЯ.

I.

Опять сѣдлаю я Пегаса.
Впередъ, читатель мой, впередъ!...
Подъ маской римскаго Ловласа
Скрывался въ Цезарѣ деспотъ,
Помпея власть и деньги Красса.
Какъ интриганъ, пустилъ онъ въ ходъ
И скоро силу тріумвира
Узнало съ ужасомъ пол-міра.

II.

Искуство грабить и давить
Всѣ звали „славою военной".
—„Придти, увидѣть, побѣдить"
Стремились геніи вселенной,
Чтобъ всю вселенную дивить
И послѣ памятникъ нетлѣнный
Оставить націямъ въ урокъ:
„Онъ былъ герой, хоть былъ жестокъ".

III.

Какъ главный членъ тріумвирата,
Кай Юлій Цезарь не дремалъ.

Среди всеобщаго разврата,
Среди интригъ, Помпей усталъ
И съ возвышеніемъ собрата
Значенье въ Римѣ потерялъ,
А Крассъ въ сраженіи при Каррѣ
Подвергнутъ былъ ужасной карѣ:

IV.

Онъ кончилъ смертью свой походъ.
Парѳяне станъ его разбили
И въ озлобленьи Красса ротъ
Топленымъ золотомъ залили...
А между тѣмъ ужь пятый годъ
Народы Галліи сносили
Удары Цезарской руки:
Какъ тучи, шли его полки...

V.

Но славу римскихъ легіоновъ
И рядъ блестящихъ ихъ побѣдъ
Средь воплей жонъ и дѣтскихъ стоновъ
Пусть воспоетъ другой поэтъ,
Поэтъ воинственный Бурбоновъ,
Иль Розенгеймъ — его сосѣдъ
На нашемъ славномъ Геликонѣ.
Они стихомъ во вкусѣ Кони,

VI.

Призвавъ на помощь рѣзвыхъ музъ,
Опишутъ Галловъ пораженье,
А я — за это не берусь:
Я и при мысли о сраженьѣ

Всегда дрожу, какъ жалкій трусъ,
За что не стою снисхожденья.
Меня война приводитъ въ дрожь,
Хоть въ многомъ съ Цезаремъ я схожъ.

VI.

Я, какъ и Цезарь знаменитый,
Весьма посредственный пѣвецъ *)
И намъ не выданъ листъ открытый
Носить художниковъ вѣнецъ,
Какъ Фетъ иль Майковъ даровитый;
Я, какъ и Цезарь, наконецъ,
Плѣшивъ, къ несчастію, немного,
Что отовсѣхъ скрываю строго **).

VIII.

Я, какъ и онъ, люблю вино,
(За что былъ „Голосомъ" караемъ
Въ одной статьѣ не такъ давно);
Я, какъ и онъ, подчасъ сжигаемъ
Глазами женщины въ окно,
За что былъ тоже порицаемъ,
Но, какъ и онъ, въ себѣ не могъ
Убить большой такой порокъ.

IX.

Я, какъ и Цезарь, туалетомъ
Люблю заняться иногда,

*) Во 2-й пѣснѣ уже было упомянуто, что Юлій Цезарь написалъ поэму „Путь" (Iter).

**) Какъ Байронъ очень часто возмущался своей хромотой, такъ и Юлій Цезарь стыдился лысины и старался зачесывать ее волосами.

Хотя пальто и фракъ съ жилетомъ
И не носили въ тѣ года,—
Мы только разнимся бюджетомъ:
Я — сытъ отъ личнаго труда,
И всѣмъ обязанъ лишь себѣ я,
А Цезарь жилъ на счетъ плебея.

X.

Палъ Юлій Цезарь отъ враговъ.
А я — я самъ жду той минуты,
Когда средь невскихъ береговъ
Въ журнальныхъ латахъ встанутъ Бруты,
Услышу я звукъ ихъ шаговъ
И грозный крикъ: „свою вину ты
Узнай теперь!“ и за вину
Я въ ихъ чернилахъ утону.

XI.

И такъ, во многомъ мы похожи.
Межъ нами разница одна:
Я—на двадцать вѣковъ моложе
И мнѣ не по сердцу война,
Но если вы вглядитесь строже,
То эта разница должна
Поднять меня во мнѣньи свѣта...
Я повторяю громко это!...

XII.

Но все жъ — смиренный я поэтъ,
Но все жъ — я мирный житель невскій:
Писать исторію побѣдъ,
Какъ Михайловскій-Данилевскій,

Во мнѣ охоты вовсе нѣтъ.
Тутъ нуженъ стиль антично-рѣзкій,
Нужны таблицы, пукъ ланд-картъ
И розенгеймовскій азартъ.

XIII.

При томъ читали всѣ разъ триста,
Какъ Цезарь Галловъ покорилъ,
За Рейнъ прогналъ Аріовиста,
Сигамбровъ въ ужасъ приводилъ;
Мы отъ любаго гимназиста
Узнаемъ, какъ онъ проходилъ
Чрезъ Рубиконъ... Его походы
Не вдохновятъ меня на оды.

XIV.

Припомню лучшій эпизодъ:
Разбитъ близь города Форсала,
Помпей въ Египетъ двинулъ флотъ,
Но гостю смерть тамъ угрожала.
Потинъ, Ахиллъ и Теодотъ *)
Въ него вонзили три кинжала
И онъ погибъ въ глазахъ жены
Измѣной гнусною войны.

XV.

Межъ тѣмъ въ Египетъ отдаленный
Явился Цезарь. Край дрожалъ...
Въ шатрѣ роскошномъ вождь безсонный
Вельможъ Египта принималъ;

*) Тринадцатилѣтній царь египетскій Птоломей XII Денисъ царствовалъ подъ опекою этихъ трехъ жестокихъ и хитрыхъ царедворцевъ.

Ахиллъ колѣнопреклоненный
Предъ нимъ, какъ рабъ простой, упалъ:
—„Возьми! Принесъ я для владыки
Помпея голову на пикѣ!

XVI.

„Онъ былъ твой врагъ—и умерщвленъ...“
Но, мечь схвативъ и щитъ свой мѣдный,
Воспрянулъ Цезарь, словно, онъ
Укушенъ былъ змѣей зловредной
И закричалъ:—„Убійца! Вонъ!...
Мой падшій врагъ, Помпей мой бѣдный!
Я отомщу за твой позоръ!...“
И опустѣлъ его шатёръ.

XVII.

Никто владыку не тревожитъ.
Разгнѣванъ, мраченъ и сердитъ,
Онъ свиты видѣть вкругъ не можетъ,
Съ зловѣщей думой онъ сидитъ,
Въ немъ жажда мести сердце гложетъ
И головы кровавой видъ
Зоветъ его на казнь и муки,
Но, чу! онъ слышитъ лиры звуки...

XVIII.

Они неслись издалека...
Вотъ слышны ближе,—нѣжны, сладки...
И чья-то дерзкая рука
На боевой его палаткѣ,
Неторопливо и слегка,
Приподняла у входа складки

И передъ нимъ, какъ призракъ сна,
Явилась чудная жена.

XIX.

Нѣмѣетъ Цезарь пораженный....
Къ нему царица красоты
Въ эгидѣ тонкой, благовонной,
Вошла... Безсмертныя черты!...
Вкругъ плечъ и шеи обнаженной
Сплелись и кудри, и цвѣты,
И драгоцѣнныя каменья...
Въ глазахъ любовь и упоенье.

XX.

Вошла — и стала у шатра,
Горда, недвижна, какъ камея,
И звуки, чище серебра,
И музыкальнѣй пѣсенъ Мея,
Услышалъ Цезарь: „Я — сестра
Царя Египта — Птоломея,
Я—Клеопатра... Въ свой чертогъ
Зову тебя, мой полу-богъ!...

XXI.

„Войди въ мой домъ! Тамъ изваянья
Боговъ Египетскихъ стоятъ;
Тамъ льютъ цвѣты благоуханья,
Курится въ урнахъ ароматъ,
Тамъ всѣми чарами лобзанья
Я оживлю твой мрачный взглядъ
И утомленъ любовью жгучей,
Ты отдохнешь, мой гость могучій!“

XXII.

И Цезарь палъ, забывъ весь міръ,
Къ ногамъ плѣнительной царицы,
А вкругъ неслися звуки лиръ,
Играли флейты и цѣвницы...
Въ ту ночь кипѣлъ полночный пиръ
У Клеопатры до денницы
И заглушалъ гремящій хоръ
Четы влюбленной разговоръ.

XXIII.

Но вѣдь нельзя жъ всегда герою
Лежать въ цвѣтахъ у милыхъ ногъ.
Герой влюбляется, порою,
Но не на долгій только срокъ,—
И съ Птоломеевой сестрою
Простился Цезарь безъ тревогъ.
Весь ядъ любви былъ скоро выпитъ
И онъ ушелъ, смиривъ Египетъ.

XXIV.

Герой! Но гдѣ жъ героевъ нѣтъ?
(При этомъ я замѣчу кстати)
Биткомъ наполненъ ими свѣтъ:
Они геройствуютъ въ развратѣ,
Среди танц-классовъ и газетъ,
Въ своихъ рѣчахъ о меньшемъ братѣ,
Въ конторахъ, въ обществѣ, въ судѣ...
Они геройствуютъ вездѣ:

XXV.

Съ своихъ каѳедръ, въ пріемной барской,
(Герои есть различныхъ цѣнъ)
Въ памфлетахъ, въ удали татарской...
И на канатѣ самъ Блондѐнъ
Герой — и, даже... Ніагарскій...
На дачѣ зритель многихъ сценъ
Я сдѣлалъ умозаключенье
„О героическомъ значеньи“—

XXVI.

Всѣхъ петербуржцевъ. Дождь и градъ...
Сквозь потолокъ сбѣгаютъ лужи,
Отъ вѣтра форточки дрожатъ,
Но не страшась упорной стужи,
По дачамъ жители твердятъ:
„Могло бъ вѣдь быть гораздо хуже!“
Хотя нерѣдко пара клячь
Ихъ на погостъ отвозитъ съ дачь.

XXVII.

Лишь я одинъ (мои потомки
Пускай за то меня бранятъ)
Не побоявшись новой ломки,
Вернулся съ дачи въ Петроградъ
И поселился въ домъ Соломки.
Вотъ адресъ мой, хоть говорятъ:
Еще не принято въ поэмѣ
Переходить къ столь „низкой темѣ“.

XXVIII.

Но темы „избранныхъ натуръ“
Всегда меня бѣжали хмуро.
Я не бросаю корректуръ
На мебель Гамбса или Тура,
Я не читаю „писемъ“ Туръ
И радъ отъ римскаго авгура
Перескочить — приходитъ блажъ!—
Въ скверъ биржевой или въ пассажъ...

XXIX.

Чтожъ за бѣда! По крайней мѣрѣ,
Иныхъ на мысль я наведу
Купить себѣ собачку въ сквэрѣ
Иль въ мѣдной клѣткѣ какаду,
Которымъ въ нашей атмосферѣ
Жить, вѣрно, хуже чѣмъ въ аду...
И такъ, умолкни пѣсня третья...
Отправлюсь въ сквэръ на птицъ смотрѣть я.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Meum servasse, ut essent qui me perderent?
(Fx Pacuvü *Armorum Judicio*.)

I.

Давноль былъ Цезарь демагогъ?
Теперь же, чувствуя заранѣ
Эпоху рабства и тревогъ,
Ему поставили римляне
Статую съ надписью: „ты — богъ!“
Онъ облекаться въ новомъ санѣ
Въ одежды пурпурныя могъ
И возлагалъ вѣнокъ лавровый
Самъ на себя герой суровый.

II.

Диктаторъ дерзко оскорблялъ
Республиканскіе законы;
Бичуя роскошь, самъ бросалъ
Для сатурналій милліоны...
Народъ подавленный ропталъ,
Но Цезарь снова легіоны
Собралъ къ походу на парѳянъ...
Прощальный праздникъ для римлянъ —

III.

Онъ задаетъ въ дворцѣ богатомъ.
Среди блестящихъ колесницъ
Стремится къ цезарскимъ палатамъ
Толпа матронъ и римскихъ львицъ
Въ атласныхъ тогахъ, тканыхъ златомъ...
Чаруетъ блескъ античныхъ лицъ
И въ залахъ въ вихрѣ молодежи
Мелькаютъ римскіе вельможи.

IV.

Вездѣ свѣтильники горятъ...
Издѣлья бронзы, мозаики,
Изъ-за цвѣтовъ на пиръ глядятъ
Боговъ изваяные лики,
Рабы съ амфорами скользятъ
По мановенію владыки.
Веселый пиръ блестящъ и живъ,
Но самъ владыка молчаливъ.

V.

Въ чаду роскошныхъ благовоній —
Ни Цицероновская рѣчь,
Ни звуки сладостныхъ симфоній
Не могутъ Цезаря развлечь.
Напрасно въ оргіи Антоній
Срываетъ тоги съ женскихъ плечь,
Но въ наслажденьи сладострастья
Не принимаетъ онъ участья.

VI.

Оконченъ пиръ. — „Амфоры прочь!..“
И стали гости расходиться.
На вѣчный Римъ спустилась ночь —
Но ночью Цезарю не спится,
Сомнѣній тайныхъ превозмочь
Не можетъ онъ: владыкѣ снится
И на яву тяжелый сонъ.
Кого жъ во снѣ увидѣлъ онъ?

VII.

Быть можетъ, автора „Довольно“.
Тургеневъ разъ признался намъ,
Что снился многимъ онъ невольно...
Законъ не писанъ нашимъ снамъ,
Они родятся произвольно
На зло Сатурну и вѣкамъ,—
Но, впрочемъ, я догадку эту
Не выдаю за правду свѣту.

VIII.

Не спитъ диктаторъ. Дискъ луны
Глядитъ зловѣщею Цибелой,
Но вдругъ средь мертвой тишины
Онъ слышитъ въ спальнѣ шагъ не смѣлый
И голосъ ласковый жены.
Она пришла въ одеждѣ бѣлой
И обняла его рукой
Съ какой-то любящей тоской.

IX.

— „Мой Цезарь! Нынче утромъ рано
Въ Сенатъ пойдешь ты, говорятъ,
Но бойся козней и обмана,—
Не уходи, молю, въ Сенатъ,
Прошу тебя!...“ И, какъ ліана,
Гибка, бросая грустный взглядъ,
Предъ нимъ, отбросивъ покрывало,
Въ слезахъ Калфурнія упала.

X.

„Не уходи!.. Мнѣ снился сонъ,
Что на груди моей, на ложѣ,
Ты былъ кинжалами пронзенъ,
Струилась кровь по бѣлой кожѣ
И, услыхавъ твой смертный стонъ,
Проснулась я... О, для чего-же
Ты все молчишь? Что скажешь ты?“
— „Больныя, женскія мечты

XI.

„Тебя, Калфурнія, тревожатъ.
Сегодня ждетъ меня Сенатъ
И цѣлый Римъ сказать не можетъ,
Что Цезарь — трусъ. Мой путь назадъ
Вѣнками розъ народъ уложитъ
И не опасенъ мнѣ булатъ...
Такъ лягъ уснуть и эти слезы
Осушатъ розовыя грезы!“

XII.

Въ сны вѣрю я. Недавно сонъ
Приснился мнѣ: на погребеньѣ
Я былъ. Печальный Эдельсонъ
Несъ „Библіотеку для чтенья“,
Въ глубокій трауръ облеченъ,
И Боборыкина творенья
На дрогахъ за городъ везли,
А возлѣ факелы несли.

XIII.

Да, всюду — на морѣ, на сушѣ
Не мало бѣдствій и тревогъ
Сны напѣваютъ людямъ въ уши...
Вотъ заалѣлъ въ лучахъ востокъ,
Среди Помпеевой ратуши
Явился Цезарь, важенъ, строгъ;
Въ сіяньи пурпура и злата
Внималъ онъ преніямъ Сената.

XIV.

Его враги стояли тутъ.
Съ ихъ блѣдныхъ лицъ сбѣжала краска:
Кай Кассій, съ нимъ Маркъ Юній Брутъ
И рядомъ юный Публій Каска.
Они къ диктатору идутъ,—
Близка кровавая развязка
И заговорщиковъ кружокъ
Кинжалы спряталъ въ складкахъ тогъ.

XV.

Я склоненъ къ драмамъ буржуазнымъ,
Нѣтъ кровожадности во мнѣ;
Способный къ обморокамъ, къ спазмамъ,
Я не имѣю, какъ Верне,
Пристрастья къ сценамъ безобразнымъ,
Но здѣсь историкъ я вполнѣ.
Нельзя жъ писать, мнѣ, въ самомъ дѣлѣ,
Что Цезарь умеръ на постели!..

XVI.

Своихъ читателей въ обманъ
Я не введу; (необходимо
Кончать безъ вымысла романъ)
И такъ, диктаторъ грозный Рима
Погибъ отъ двадцати трехъ ранъ...
Поражена и недвижима
Въ сенатѣ публика стоитъ:
Предъ ней трупъ Цезаря лежитъ.

XVII.

Чтобъ та кровавая минута
Не забывалась долгій срокъ,
Историкъ новый почему-то
Намъ фразу Цезаря сберегъ —
Онъ палъ, сказавъ: „Tu quoque Brute?“
Но этой фразы я не могъ,
(Боясь въ незнаніи укоровъ)
Найти у древнихъ хроникеровъ.

XVIII.

Но всежъ онъ палъ вблизи колоннъ
Передъ статуею Помпея —
И, какъ Луи Наполеонъ,
Всегда готовъ сказать толпѣ я,
Что Цезарь — геній всѣхъ временъ
И лишь отъ зависти тупѣя,
Кричитъ иной журнальный кротъ,
Что онъ былъ варваръ и деспотъ.

XIX.

Онъ умеръ. Двадцать три кинжала
Въ него впились, а въ этотъ часъ
Надъ кровлей памятнаго зала,
Гдѣ кровь героя пролилась, —
„Природа нагло ликовала“, —
Что, вѣрно, возмутило бъ васъ,
Читатель мой и плачемъ дѣвы
Отозвались бы тотчасъ въ „Днѣ“ вы.

XX.

Конечно, нынче какъ и встарь,
Извѣстенъ былъ въ землѣ славянской
Герой мой. Каждый пономарь
Позналъ, что значитъ—*Юліанскій*
Со старымъ стилемъ календарь,
Нашъ календарь Несторіанскій
И этотъ календарный счетъ
Не отвергаетъ даже Гротъ.

XXI.

Куда бы мы ни заглянули,
А Цезарь съ нами, всюду онъ, —
Его помянемъ мы въ іюлѣ:
Въ іюлѣ Цезарь былъ рожденъ
И чтобъ объ Юліи вздохнули
Хоть разъ въ году, былъ нарѣченъ
Тотъ мѣсяцъ именемъ героя...
Здѣсь положить бы могъ перо я,

XXII.

Но Юліанскій стиль меня
Зоветъ къ сюжету въ старомъ родѣ —
Къ ненастью сѣвернаго дня
И къ нашей сѣверной погодѣ:
Дожди іюньскіе кляня,
Могу ли пѣть я на свободѣ,
Когда природа намъ дала
Пять только градусовъ тепла,

XXIII.

Когда въ садахъ мы не слыхали
Звѣнящихъ трелей соловьевъ
И лишь дивились, какъ въ журналѣ
Сталъ ныть какой-то Соловьевъ,
Струной надорванной въ роялѣ,
Со злобой вѣкъ отжившихъ вдовъ.
(У насъ, вѣдь знаете про то вы—
Литературные есть вдовы).

XXIV.

Но все же городъ лѣтомъ пустъ.
Хоть отвратительна погода,
Но петербуржцу нуженъ кустъ,
Клочокъ пустаго огорода
И садъ, который также густъ,
Какъ кудри дамъ столичныхъ. Мода
Велитъ намъ (слушаемся мы)
На дачахъ жить вплоть до зимы.

XXV.

Пустѣетъ городъ. Какъ руины,
Стоятъ дома... Тоска и сплинъ!..
Не манятъ блескомъ магазины,
Лишь переплетами одинъ
Дивитъ толпу, не безъ причины,
Дюфура книжный магазинъ
И сочиненье Бонапарта
Еще красуется тамъ съ Марта.

XXVI.

И думалъ я, стремясь въ пассажъ:
Издамъ я „Цезаря“, быть можетъ.
О, Іевлевъ! Твой карандашъ
Въ моемъ изданьѣ мнѣ поможетъ
И Вольфъ, издатель славный нашъ
Поэму публикѣ предложитъ:
Поэма въ публику пройдетъ
Хоть за изящный переплетъ.

XXVII.

Поэму кончить—право, тоже,
Что, переплывъ чрезъ Геллеспонтъ,
Склониться съ гордостью на ложе...
Конецъ! хоть въ тучахъ горизонтъ,
На лѣто — лѣто не похоже,
Но я пойду, схвативъ свой зонтъ,
Туда... Болтливъ я чрезвычайно:
Куда пойду я — это тайна.

12 іюня 1865 г.
Л. И.

I.

ДУМЫ, ПѢСНИ И САТИРЫ.

БЕЗУМНЫ.

Безпокойной, тревожной толпой
Мы твердимъ постоянно о дѣлѣ
И плетемся житейской тропой,
Какъ хромые, которыхъ слѣпой
Велъ къ какой-то невѣдомой цѣли.

Мы, волы трудоваго ярма,
За работу хватаемся смѣло,
Но когда окружаетъ насъ тьма,
То сойти мы готовы съ ума:
Отчего не подвинулось дѣло?

Отчего человѣка судьба
Такъ несчастлива многіе годы?
Отчего безполезна борьба?
Отчего только въ грезахъ раба
Появляется образъ свободы?

Мы — безумцы. Ничтоженъ нашъ трудъ,
Потому что въ насъ мысль не созрѣла,
Потому что страстишки насъ мнутъ
И, когда насъ на дѣло зовутъ
За чужое беремся мы дѣло:

Такъ во время пожара, въ дыму,
Мы ребенка въ огнѣ забываемъ
И въ смятеньи бѣжимъ не къ нему,
Но спасаемъ подушки въ дому
И не нужную рухлядь спасаемъ.

Назади, какъ въ грядущемъ, темно...
Промелькнетъ въ человѣчествѣ геній
И опять спитъ во мракѣ оно,
И великаго дѣла зерно
Тонетъ въ массѣ людскихъ преступленій.

Посмотрите: предъ нами встаютъ
Мертво-блѣдныя, жесткія лица.
Имъ на мудрость патенты даютъ,
Имъ при жизни ужъ лавры плетутъ,
Имъ роскошныя ставятъ гробницы.

Я смотрю на тебя, филантропъ!
Ты гуманность довелъ до разврата,
Такъ изящно ты хмуришь свой лобъ
И, пожалуй, полезешь и въ гробъ
Чтобъ обнять истомленнаго брата,

Но въ аптекахъ тотъ ядъ не лежалъ
Тайный ядъ нескончаемой злости:
Филантропъ имъ жену отравлялъ
И кощунство слезами скрывалъ
И въ истерикѣ вылъ на погостѣ.

Изощряетъ свой умъ дипломатъ
Для полемики тонкой и жаркой,
У него проницательный взглядъ
Провести всю Европу онъ радъ
И — обманутъ послѣдней кухаркой.

Вотъ каратель общественныхъ ранъ!
Для толпы онъ теоріи строитъ,
Для себя же — домовъ караванъ;
Онъ за словомъ не лезетъ въ карманъ
И карманъ для долговъ не раскроетъ.

Журналиста въ азартѣ не тронь,
Если онъ обличеньемъ пропитанъ;
Онъ, въ кулакъ сожимая ладонь —
За подпиской — полезетъ въ огонь,
А за мысль — волоска на спалитъ онъ.

— „Я тружусь“, говоритъ бюрокротъ:
Для развитья торговли народной —
И, закутанъ въ роскошный халатъ,
Порицаетъ за блюдомъ цыплятъ
Развращенье дѣвченки голодной.

Стихотворецъ привыкъ воспѣвать
Гражданина, земнаго страдальца,
И на дѣло бойцевъ призывать,
Но готовъ онъ всѣхъ музъ промѣнять
На пожатье сановнаго пальца.

Мѣднолобаго царства шуты,
Фаты мысли, холопы поклоновъ,
Свой языкъ обратили въ кнуты
И въ развратѣ блестящихъ салоновъ
Имъ бичуютъ развратъ нищеты.

Слишкомъ дешево наше проклятье,
Дешева наша битва со зломъ,
Какъ послѣдней блудницы объятья;
Мы за брата нейдемъ на распятье,
А скорѣе его мы распнемъ.

Оттого-то и дѣла нѣтъ въ мірѣ,
Оттого безразсвѣтна въ немъ мгла...
Всѣ оборваны струны на лирѣ
И не нашей беззубой сатирѣ
Свергнуть иго всеобщаго зла.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

Изнуренное, чахлое, жадное,
Какъ чудовище міра громадное,

Каждый часъ, каждый день, каждый годъ
Человѣчество въ гору ползетъ,

И ползетъ и скользитъ и срывается
И со стономъ опять порывается

Доползти до вершины горы,
Гдѣ надъ міромъ ужъ съ давней поры,

Ослѣпляя зловѣщимъ сіяніемъ,
Колоссальнымъ стоитъ изваяніемъ

Силуэтъ золотаго тельца.
И ползетъ и ползетъ безъ конца

Человѣчество имъ опьяненное,
Въ гнойныхъ язвахъ, въ борьбѣ иступленное

И съ уступа скользитъ на уступъ...
Сынъ безумный въ родительскій трупъ,

Какъ гіена, зубами впивается
Для спасенья—но въ бездну срывается

И преступнаго сына рука
Обвила синій трупъ старика:

Ихъ обоихъ, встрѣчая съ проклятіемъ,
Смерть сковала послѣднимъ объятіемъ.

Не стыдится презрѣнная мать
Подъ ногами ребенка топтать:

Въ ней одна теперь страсть ненавистная —
Жажда золота, жажда корыстная.

И все выше и выше ползетъ
Къ одуряющей цѣли народъ,

Люди падаютъ, вновь поднимаются,
Точно гады другъ съ другомъ сплетаются

И капризно бросаетъ судьба
Рядомъ съ гордымъ вельможей раба

И ханжи съ ихъ безкровными лицами
Рука объ руку вмѣстѣ съ блудницами;

Пролетарій и жирный банкиръ —
Всѣхъ равно увлекаетъ куміръ,

Предъ которымъ съ пеленокъ растлѣнная
Пресмыкается въ прахѣ вселенная...

И все выше и выше ползетъ
Обезумленной массой народъ.

Жертвой пошлости, лжи, утомленія —
Исчезаютъ съ земли поколѣнія,

Темный зѣвъ раскрываютъ гроба;
Мысль свѣтившая съ гордаго лба —

Голый черепъ гробницамъ покинула, —
Племя новое моремъ нахлынуло,

Сынъ глядитъ изъ могилы отца
А кумiръ золотаго тельца,

Обаятельный, грозный, сiяющiй
Все стоитъ надъ толпой изнывающей

И смѣясь надъ ея наготой
Не ссылаетъ къ ней дождь золотой,

И все выше и выше взбираются,
Вьются, стонутъ, въ слезахъ надрываются

Люди разныхъ сословiй и кастъ
И, какъ лишнiй ненужный баластъ,

Вкругъ бросаетъ толпа съумасшедшая
Все, что въ даръ принесло ей прошедшее,

Все, что ей завѣщали года,
Все, чѣмъ жизнь человѣка горда:

Честь и совѣсть, румянецъ стыдливости,
Добродѣтель, порывъ справедливости,

Жажду знанья подъ гнетомъ нужды,
Цѣломудріе слезъ и вражды,

Трудолюбье и волю желѣзную,—
Все, какъ тяжесть давно безполезную,

Отъ безумныхъ усилій тупа,
На пути оставляетъ толпа.

И не жаль ей того, что растеряно:
Это дикое стадо увѣрено,

Что теперь, обратившись въ звѣрей,
До вершины достигнетъ скорѣй,

Что въ дорогѣ душа непорочная —
Лишній грузъ и опора непрочная.

И чѣмъ ближе и ближе кумиръ,
Тѣмъ пошлѣе становится міръ,

Тѣмъ страшнѣе ползущія гадины,
У которыхъ всѣ чувства украдены

И одно наслажденье—корысть
Можетъ гнусное сердце ихъ грысть.

Наконецъ, на вершинѣ избранники!
И—ужасны бездушные странники:

Въ нихъ, достигшихъ завѣтныхъ чудесъ,
Человѣческій образъ исчезъ,

Обезчесченный, смятый, поруганный...
Съ мертвымъ сердцемъ, съ душенкой запуганной,

Заглушилъ въ себѣ искры добра
Человѣкъ еще честный вчера

И, по горло засыпанный золотомъ,
Сталъ для ближнихъ карающимъ молотомъ

И безстрастный, сухой, какъ скелетъ
Ихъ топталъ и давилъ много лѣтъ.

А когда по тропѣ, имъ изученной
Доползетъ къ нему странникъ измученный,

Утомленный, разбитый, нагой—
Онъ отброситъ страдальца ногой

И съ звѣринымъ слѣдитъ наслажденіемъ
За его неизбѣжнымъ паденіемъ

И на встрѣчу протянутыхъ рукъ,
На мольбы человѣческихъ мукъ,

Въ темный омутъ, гдѣ племя ихъ плавало—
Отвѣчаетъ онъ хохотомъ дьявола,—

А толпа, какъ и прежде, ползетъ
Каждый часъ, каждый день, каждый годъ

И на міръ разливаетъ сіяніе
Золотаго тельца изваяніе.

ТОРНЫЯ ДОРОГИ.

Азіатскія привычки
Перешли къ намъ отъ татаръ,
Хоть и носимъ всѣ мы клички
Именитыхъ русскихъ баръ.
Вѣчной спячкой наслаждаясь,
Мы лежимъ, уткнувшись въ пыль,
На привычку опираясь,
Какъ на дѣдовскій костыль.
Вѣрны предкамъ ихъ потомки,
Спины гнутся, какъ тросникъ,
Потому что къ этой ломкѣ
Славянинъ давно привыкъ.

Насъ привычка заѣдаетъ,
Какъ зараза, какъ чума,
Но весь міръ ее считаетъ
Краше свѣта и ума.
Внукъ ползетъ тропинкой дѣда,
Сынъ — дорогою отца
И смущаетъ ихъ побѣда

Геніальнаго творца,
Приговоры мысли новой,
Смѣлой истины языкъ
И носить вѣнокъ терновый
Узкій черепъ не привыкъ.

Привыкая съ колыбели
Лгать подъ гнетомъ вѣчной тьмы,
Лжемъ безъ пользы, лжемъ безъ цѣли,
Лжемъ отъ скуки праздной мы.
Лжемъ съ трибунъ литературныхъ,
У налоя подъ вѣнцомъ,
Лжемъ въ наборѣ фразъ мишурныхъ,
Лжемъ и кистью и рѣзцомъ...
Безъ сознанья лжетъ ребенокъ,
Лжетъ сознательно старикъ,
Ложью вѣчною съ пеленокъ
Міръ румяниться привыкъ.

— „Взятки — это язва вѣка,
Лихоимство — нашъ позоръ“, —
Съ языка у человѣка
Не сходило съ давнихъ поръ.
Но подъ грохотъ общей брани
Лихоимецъ хохоталъ
И таилъ въ своемъ карманѣ
Нагло взятый капиталъ.
Лихоимство всѣхъ тревожитъ,
Это зло народъ постигъ,
Но безъ взятокъ жить не можетъ,
Потому что къ нимъ привыкъ.

Порицаемые строго,
Педагоги свято чтутъ
Розги — силу педагога,

Розги — школьный атрибутъ.
Съ наказаньемъ и грозою
Въ храмъ наукъ они спѣшатъ
И подъ свѣжею лозою
Зрѣетъ знанья виноградъ.
Розги — старое наслѣдство.
Педагогъ и ученикъ
Къ развлеченьямъ этимъ съ дѣтства
Одинаково привыкъ.

Мужъ жену терпѣть не можетъ,
Опротивѣлъ мужъ женѣ,
Ихъ обоихъ злоба гложетъ
На яву и въ смутномъ снѣ.
Тѣсно, тяжко жить обоимъ,—
Выходъ есть изъ кутерьмы—
Но, какъ къ мебели, къ обоямъ
Привыкаемъ часто мы,
Такъ и тутъ живутъ супруги
И — хоть жизнь ихъ не красна —
Мужъ привыкъ къ своей подругѣ,
А къ сожителю — жена.

По привычкѣ въ часъ задора
Бьемъ мы робкаго слугу,
Жмемъ въ гостиной руку вора
И сгибаемся въ дугу,
Грабимъ, совѣстью торгуемъ,
Губимъ женщины покой,
Внѣшней честностью чаруемъ
И гражданскою тоской...
Правды свѣтъ насъ поражаетъ,
Увлекаетъ часто, но...
Намъ привычка вновь вжигаетъ
Въ лобъ зловѣщее клеймо.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

1.

Въ бѣлыхъ перчаткахъ съ утра,
Фракъ — красоты обаятельной,
Въ запонкахъ — солнца игра...
Выѣхалъ онъ со двора
Свѣжій, довольный, блистательный.
Статные кони храпятъ,
Бьютъ у подъѣзда копытами...
Милъ отъ затылка до пятъ
Цѣлое утро нашъ фатъ
Занятъ, какъ дѣломъ, визитами.

2.

Словно картина безъ рамъ,
Съ самой довольною миною

Рыщетъ герой по дворамъ,
Смѣло скользитъ по коврамъ,
Смѣло влетаетъ въ гостиную
И — началась болтовня.
Слушаютъ дамы крахмальныя,
На бокъ головки склоня,
Сплетни вчерашняго дня,
Сплетни вполнѣ геніальныя.

3.

Умъ для подобныхъ господъ
Есть достоянье плебейское,
Нищихъ голодныхъ доходъ;
Пышнаго фата спасетъ —
Тактъ — это сила житейская.
Съ тактомъ болтаетъ онъ вздоръ;
Кончитъ уступкою споръ,
Скрывъ въ себѣ ненависть тайную,
Съ тактомъ прерветъ разговоръ,
Броситъ интригу случайную.

4.

Пошлость, — обиленъ ей свѣтъ, —
Въ немъ не родитъ озлобленія;
Честнаго гнѣва въ немъ нѣтъ,
Но старомодный жилетъ
Есть для него — преступленіе.
Смѣлаго юноши взглядъ,
Вспышку его благородную
Встрѣтитъ съ презрѣніемъ фатъ.
Нравственный этотъ кастратъ
Сдѣлался вѣшалкой модною.

5.

Знаетъ весь Невскій проспектъ
Баловня шумнаго Питера.
Вотъ онъ, — о, что за эффектъ! —
Съ полной корзинкой конфектъ
Вышелъ изъ лавки кондитера,
Бросилъ поклонъ для иныхъ
Съ граціей франта привычнаго,
Бичь кредиторовъ шальныхъ,
Гордость столичныхъ портныхъ,
Левъ полусвѣта столичнаго.

6.

Стали въ тупикъ бѣдняки:
Тянетъ онъ вина прекрасныя,
Деньги ему — пустяки,
Кровны его рысаки,
Пышны — халаты атласные.
Счастливъ, безъ дѣла всегда
Бродитъ онъ праздно — гуляющій...
Чѣмъ же живетъ безъ труда
Многіе дни и года
Этотъ счастливецъ сіяющій?...

7.

Чѣмъ же?... Въ Коломнѣ есть домъ.
Съ гнусной и грязною драмою
Связана память о немъ.
Тамъ мы не рѣдко найдемъ
Льва вмѣстѣ съ старою дамою.
Это — одна изъ сивиллъ,
Страсти смирить не успѣвшая,

Стоя у двери могилъ.
Слоемъ румянъ и бѣлилъ
Скрыто лицо опошлѣвшее.

8.

Брать не рѣшались гроба
Трупа ея безобразнаго;
Въ ней-то послала судьба
Счастье для крѣпкаго лба,
Кладъ для развратника грязнаго.
Фату свобода дана,
Блескъ и комфортъ ослѣпительный...
Опыту жизни вѣрна,
Золотомъ платитъ она
За поцалуй отвратительный.

9.

Нагло и шумно живетъ,
Силенъ однимъ убѣжденіемъ
Этотъ безнравственный мотъ:
Свѣтъ имъ въ лицо не плюетъ
И не казнитъ ихъ презрѣніемъ.
Даже мы можемъ найти,—
Въ это глубоко я вѣрую,—
Много людей на пути
Къ счастью готовыхъ идти
Той же презрѣнной карьерою.

Сказка о восточныхъ посолахъ.

Слетъ намъ гостинцы востокъ
Вмѣстѣ съ посольствомъ особымъ.
— Ну-ка, веди, мужичекъ,
Ихъ по родимымъ трущобамъ.
Ходятъ. Все степи, да лѣсъ,
Все, какъ дремотой одѣто...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!...

Въ села заходятъ. Вросли
Въ землю, согнувшись, избенки,
Чахлое стадо пасли
Дѣти въ одной рубашенкѣ;
Крытый соломой навѣсъ...
Голосъ рыдающій гдѣ-то...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!...

Городъ предъ ними. Въ умахъ
Мысль, какъ и въ селахъ, дремала,
Шепчутъ о чемъ-то въ потьмахъ
Два-три усталыхъ журнала.
Ласки продажныхъ метрессъ...
Грозныя цифры бюджета...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

Трудъ отъ зори до зори,
Бѣдность — что дальше, то хуже:
Голодъ, лохмотья — внутри,
Блескъ и довольство — снаружи.
Шалости старыхъ повѣсъ,
Тающихъ въ креслахъ балета...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

— Гдѣ-жъ мы, скажи намъ, вожакъ?
Эти зеленыя зимы,
Голыя степи и мракъ...
Полно, туда-ли зашли мы?
Ты намъ скажи наотрѣзъ,
Ждемъ мы прямого отвѣта:
Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ.

Родилась она въ сорочкѣ.
Воспріемникъ знатный могъ
Положить для крестной дочки
Десять тысячь на зубокъ
Ярко-розовыя щечки...
Хороша, какъ херувимъ...
Шепчетъ мать гостямъ своимъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

Строгъ за дѣвочкой надзоръ,
Къ ней приставлены съ купели
Парижанинъ — гувернеръ,
Англичанка мистрисъ Нелли.
Чудной дѣвочкѣ дарятъ
Платья, куклы и платочки
И родные говорятъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

Строго держится, горда,
Не играетъ, какъ всѣ дѣти,
Не захочетъ никогда
Сѣсть въ извощичьей каретѣ
И въ романѣ не прочтетъ
Ни за что единой строчки,
Если онъ — запретный плодъ...
Родилась она въ сорочкѣ.

Съ бѣднымъ юношей — тоска.
Но о чемъ бѣднякъ хлопочетъ?
Надъ признаньемъ бѣдняка
Звонко барышня хохочетъ,
Не читая въ печкѣ жжетъ
Писемъ смятые листочки...
Жениховъ богатыхъ ждетъ
Дочь рожденная въ сорочкѣ.

На балы, какъ на базаръ
Появляется невѣста.
Тамъ въ чаду кадрильныхъ паръ
Орденовъ-то сколько, звѣздъ-то!...
За собой она ведетъ
Жениховъ, какъ на шнурочкѣ,
Холодна, какъ невскій ледъ...
Родилась она въ сорочкѣ.

Страсть, какъ фразу мелодрамъ
Оцѣнить она умѣла
И парадный чепчикъ дамъ
Наконецъ-таки надѣла.
Мужъ богатъ, не старъ и глупъ...
Для чего тутъ проволочки?
И твердитъ семейный клубъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

Мужъ въ балетахъ гонитъ сонъ,
Завелся какой-то Миной,
Съ львиной гривою баронъ
Не выходитъ изъ гостиной.
Списокъ жениныхъ интригъ
Знаетъ свѣтъ по одиночкѣ,
Но твердитъ одно привыкъ:
Родилась она въ сорочкѣ.

Жертва горькой нищеты
И холоднаго соблазна!
Передъ дамой этой ты
И страшна и безобразна...
Надъ тобою судъ жестокъ;
Но своей любимой дочкѣ
Свѣтъ проститъ любой порокъ:
Родилась она въ сорочкѣ!...

МИЛЛІОНЕРЪ.

Живя по милости аптекъ,
Онъ въ тридцать лѣтъ—со всѣмъ старикъ.
Истасканъ, блѣденъ точно снѣгъ...
Мотая деньги цѣлый вѣкъ,
Онъ съ раннихъ лѣтъ къ долгамъ привыкъ;
Его почти-что каждый годъ
Ждетъ раззоренье отъ аферъ,
Но—смотришь—братъ скупой умретъ:
Милліонеръ наслѣдства ждетъ,
Наслѣдства ждетъ милліонеръ.

Опять ростетъ долговъ итогъ,
Вездѣ открытъ ему кредитъ
И по призыву за порогъ
Въ его блистательный чертогъ
Толпа гостей съ утра валитъ.
Опять дивитъ весь божій міръ

Безумной роскоши примѣръ.
Домашней челяди кумиръ,
Милліонеръ живетъ, какъ Киръ,
Какъ Киръ живетъ милліонеръ.

Чтобъ быть Калифомъ хоть на часъ
Онъ броситъ тысячъ двадцать пять
На зимній праздникъ изъ проказъ,
За тѣмъ, чтобъ пыль пустить для глазъ
И шопотъ лести услыхать.
Вчера онъ былъ — надутый фатъ,
Сегодня сталъ — акціонеръ,
А завтра — щедрый меценатъ...
Милліонеръ мѣнялъ нарядъ,
Мѣнялъ нарядъ милліонеръ.

Былъ на Руси въ ходу прогрессъ —
И въ блескѣ пышныхъ, свѣтлыхъ залъ
Дивилъ онъ спичами повѣсъ
И за прогрессъ изъ кожи лѣзъ
Вчера рожденный либералъ.
Но убѣгали всѣ съ тоской
Отъ тьмы новѣйшихъ всѣхъ химеръ:
Цѣня и праздность и покой,
Милліонеръ махнулъ рукой,
Махнулъ рукой милліонеръ.

Журнальной славою плѣненъ,
Завелъ онъ собственный журналъ,
Шутовъ домашнихъ выгналъ вонъ
И либеральный свой салонъ
Для журналистовъ открывалъ.
Но этотъ скучный маскарадъ
Онъ позабылъ для новыхъ сферъ,
Закрылъ изданье меценатъ

И вновь вернулъ шутовъ назадъ,
Шутовъ вернулъ милліонеръ.

Литературу на балетъ,
На пикники онъ промѣнялъ;
Давалъ то ужинъ, то обѣдъ
И въ лѣто тысячи ракетъ
Въ саду подъ музыку сжигалъ.
Когда-жъ онъ тѣшить устаетъ
Льстецовъ домашнихъ и гетэръ,
То для забавъ на цѣлый годъ
Милліонеръ въ Парижъ махнетъ.
Махнетъ въ Парижъ милліонеръ.

ЛИРИКЪ.

I.

Лѣтъ... неизвѣстныхъ онъ лѣтъ.
Ясный, какъ день, напомаженный —
Ходитъ счастливый поэтъ,
Словно амуръ переряженный,
Смотритъ на всѣхъ съ высока...
Барышни лѣтъ сорока
Шлютъ ему съ краской дѣвической
Вздохи любви платонической.

II.

Кудри отбросивъ назадъ,
Въ пѣснѣ искуственно-пламенной
Въ каждой гостиной онъ радъ
Бросить свой стихъ отчеканенный,

Нѣжа и сердце и слухъ
Пудрой затертыхъ старухъ,
Фатовъ безъ дѣла скучающихъ
И старичковъ расцвѣтающихъ.

III.

Льется блестящій каскадъ,
Звуки холодные, лживые...
Блескомъ подобнымъ горятъ
Всѣ брилліанты фальшивые.
Въ залѣ молчанье царитъ:
Только поэтъ говоритъ,
Какъ онъ однажды въ Неаполѣ
Съ нимфой бесѣдовалъ нà-полѣ.

IV.

Чуждый житейскихъ тревогъ,
Бредитъ онъ небомъ Италіи;
Въ пѣснѣ не скажетъ — сапогъ,
Скажетъ навѣрно — сандаліи.
Въ Римъ переноситъ насъ онъ:
Образы римскихъ матронъ,
Лѣсъ кипарисный и тополи...
Всѣ мы нейстово топали —

V.

Въ залѣ, когда онъ читалъ
Стансы свои вдохновенные.
Даже, я самъ замѣчалъ:
Лысины очень почтенныя
Въ сани влѣзая съ крыльца
Вслухъ поощряли пѣвца,

Скрыть не могли одобренія
Послѣ публичнаго чтенія.

VI.

Конченъ парадный обѣдъ,
Общество все дожидается,
Вотъ, наконецъ, самъ поэтъ
Изъ-за стола поднимается,
Сдѣлалъ классическій жестъ
(Публика больше не ѣстъ)
И съ граціозной свободою
Вдругъ разрѣшается одою.

VII.

Жалокъ отпѣтый творецъ!
Въ прессѣ надъ нимъ насмѣхаются,
Но не робѣетъ пѣвецъ:
Имъ и теперь увлекаются —
Барышни лѣтъ сорока,
Два-три сѣдыхъ старика
И межъ своими знакомыми
Онъ осаждаемъ альбомами.

ДВУЛИКІЙ ЯНУСЪ.

I.

Жизни камень философскій
Я постигъ и помирилъ
Строгій опытъ стариковскій
Съ порываньемъ юныхъ силъ.
Всюду лѣзу я изъ кожи,
Поспѣваю здѣсь и тамъ,
Угождаю молодежи,
Потакаю старичкамъ.
Всѣмъ сочувствую я живо,
И хоть часто мелютъ вздоръ:
—„Совершенно справедливо!“
Я вставляю въ разговоръ.

II.

Молодаго поколѣнья
Уважая идеалъ,

Прогрессивныя стремленья
Я съ восторгомъ раздѣлялъ;
Но когда внималъ въ гостиной
Приговорамъ стариковъ,
Возвѣщавшихъ съ кислой миной:
„Новый вѣкъ нашъ безтолковъ.
Отъ мальчишекъ ждать-ли дива?
Въ грошъ они не ставятъ насъ“...
— „Совершенно справедливо!“
Я подхватывалъ тотчасъ.

III.

Тамъ, гдѣ нужно, полный смѣтки,
Громко гласность защищалъ;
„Петербургскія Отмѣтки“
Даже въ „Голосъ“ посылалъ.
Но когда мое начальство
Разъ изволило сказать:
„Эта гласность — верхъ нахальства,
Эту гласность нужно гнать...
Мы живемъ и такъ счастливо“...
Я отвѣтить тороплюсь:
— „Совершенно справедливо!
Гласность губитъ нашу Русь“...

IV.

Вредъ закрытыхъ заведеній
Прогрессисты признаютъ.
— „Я такихъ же точно мнѣній“—
Замѣчаю смѣло тутъ.
Но когда про зло гимназій
Слышны крики матерей:
„То—разсадникъ безобразій,

Ядъ для нашихъ дочерей...
Тамъ научатъ только лживо
Ихъ всѣ вещи понимать"...
— „Совершенно справедливо!"
Тороплюсь я отвѣчать.

V.

„Я бѣжать хочу отъ мужа!"
Мнѣ супруга говоритъ:
„Онъ тиранъ!.." — „Такъ почему же,
Васъ никто не обвинитъ?"
Мужъ же мнѣ твердитъ, какъ другу:
„Другъ! хоть ты бы мнѣ помогъ:
Чтобъ спасти, свою супругу—
Посажу я подъ замокъ.
Нигилизмъ испортитъ живо —
Эту женщину... потомъ..."
— „Совершенно справедливо!
Пусть побудетъ подъ замкомъ".

VI.

Хоть скиталецъ вѣчно праздный
Дѣловымъ я всѣмъ кажусь
И, какъ умъ разнообразный,
Всякихъ принциповъ держусь...
Управлять людьми не трудно—
Изучите ихъ коньки:
Люди сами безразсудно
Попадуться къ вамъ въ силки.
Пусть всѣ врутъ самолюбиво,
Мой отвѣтъ готовъ давно:
— „Совершенно справедливо!
Это дѣльно и умно".

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Судя себя довольно строго,
Я вѣренъ истинѣ одной:
Дано талантовъ мнѣ не много,
Но награжденъ я, волей Бога,
Терпѣньемъ въ школѣ педагога
И очень гибкою спиной.
Такими свойствами владѣя,
Я началъ смѣло въ жизни путь.
Лишь объ одномъ себѣ радѣя,
И шла со мной,—съ ней жилъ вездѣ я,—
Руководящая идея:
Гдѣ нужно, круто спину гнуть.

Я былъ лѣньтяемъ первымъ въ школѣ,
Но тихъ и скроменъ, какъ овца.
Моихъ товарищей пороли,
Но льстя начальству въ новой роли

Я съ нимъ поладилъ по неволѣ
Въ безсмѣнной должности льстеца.
Какъ неучь, чисто идеальный
Я шелъ съ другими вмѣстѣ въ рядъ
И кончивъ курсъ свой спеціальный
Изъ рукъ начальства въ день прощальный
Имѣлъ я честь взять „листъ похвальный“
И очень лестный аттестатъ.

Я очутился въ новой сферѣ.
Въ дни торжества, одѣтъ во фракъ,
Передъ начальствомъ нылъ у двери
И въ годъ одинъ, по крайней мѣрѣ,
Къ моей блистательной карьерѣ
Явилась зависть у писакъ.
Начальникъ мой... покорной маски
Предъ нимъ съ лица я не снималъ;
Его супруга изъ коляски
При встрѣчѣ дѣлала мнѣ глазки...
И къ Рождеству и къ свѣтлой Пасхѣ
Я награжденье получалъ.

По жизни былъ я сыномъ Спарты.
Меня хвалилъ иной старикъ:
„Въ такіе годы, словно старъ ты!...“
Не пилъ вина я, проклялъ карты,
Умѣлъ спѣть арію изъ „Марты“
И не читалъ новѣйшихъ книгъ.
Я съ либераломъ — либераленъ,
Я съ ретроградомъ — ретроградъ,
Съ унылой барыней — печаленъ,
Съ веселой горничной — нахаленъ,
На службѣ кучей дѣлъ заваленъ
И быть для всѣхъ полезнымъ радъ.

Любовь меня не волновала.
Знавалъ я дѣвушку. Она
Меня такъ нѣжно обнимала...
Увы! она воображала,
Что въ домъ ко мнѣ безъ капитала
Когда нибудь войдетъ жена.
Но къ идиллическимъ отрадамъ
Во мнѣ влеченья вовсе нѣтъ.
Жизнь въ шалашѣ считалъ я адомъ:
Руководимъ подобнымъ взглядомъ
Я пересталъ къ ней ѣздить на домъ
И ей оставилъ свой портретъ.

Женился я. Хоть рискъ огромный
Чрезмѣрно бойкую жену
Взять съ репутаціей скоромной,
За то есть деньги, домикъ скромный...
Съ супругой въ сдѣлкѣ полюбовной
Я выношу свой бракъ неровный
И новой жизни не кляну.
Хоть о женѣ все хуже, хуже
Молва злословитъ въ тишинѣ,
Но волноваться мнѣ къ чему же?
При томъ, болтливость обнаружа,
Никто не станетъ вѣдь при мужѣ
Твердить вздоръ разный о женѣ...

Какой нибудь мудрецъ подвальный
Или философъ съ чердака
Въ меня швырнетъ статьей опальной
И съ точки зрѣнья идеальной
Мой путь земной, вполнѣ похвальный,
Осудитъ рѣзко съ высока,
Но онъ — безсильной злобой болѣнъ;
Я брань подобную слыхалъ

Не разъ съ журнальныхъ колоколенъ,
Но самъ собою такъ доволенъ,
Что если бъ въ томъ былъ только воленъ—
Я-бъ самъ себя разцѣловалъ.

ОБЩІЙ ДРУГЪ.

Общій другъ нашъ вѣчно занятъ,
Съ цѣлымъ городомъ знакомъ
И его съ утра ужъ тянетъ
Забѣгать изъ дома въ домъ.
Слухъ нашъ новостями тѣша,
Онъ, отъ сна возставъ чуть свѣтъ,
Какъ двуногая депеша,
Замѣняетъ сто газетъ.
Ѣздитъ онъ и къ важнымъ лицамъ,
Посѣщаетъ средній кругъ
И извѣстенъ двумъ столицамъ
Подъ названьемъ „общій другъ“.

Молодымъ быть — онъ хлопочетъ
И, прикрывшись парикомъ,
Самъ себя признать не хочетъ
Совершеннымъ старикомъ.

И — вѣдь всякій согласится —
Онъ на старца не похожъ:
Въ сферѣ барышень кружится,
Забавляетъ молодежь,
Остроумнымъ анекдотомъ
Разсмѣшитъ не рѣдко вдругъ,
Иль романсъ споетъ по нотамъ...
Нуженъ всюду „общій другъ“.

Невскій публикой блистаетъ,
„Полусвѣтъ“ несется, знать...
Только шляпу успѣваетъ
Онъ знакомымъ поднимать.
Съ комплементомъ очень лестнымъ
Львицъ сажаетъ въ шарабанъ,
Съ литераторомъ извѣстнымъ
Забѣгаетъ въ ресторанъ,
Жметъ съ особеннымъ искуствомъ
По дорогѣ сотни рукъ
И толпа лепечетъ съ чувствомъ:
Вонъ онъ, вотъ нашъ „общій другъ!“

На крестинахъ — кумъ парадный;
Шаферамъ всѣмъ образецъ,
Надъ невѣстою нарядной
Въ церкви держитъ онъ вѣнецъ...
Вотъ въ процессіи печальной
Гробъ проносятъ на погостъ —
Онъ съ фигурой погребальной
Тамъ ужъ занялъ главный постъ
И — поборникъ всѣхъ приличій —
Первый, послѣ похоронъ,
Въ темный склѣпъ, храня обычай,
Горсть земли бросаетъ онъ.

На любительскомъ спектаклѣ
Онъ, навѣрно, тутъ — какъ тутъ,
Наблюдаетъ зорко: такъ-ли
Репетиціи идутъ,
Хорошо-ли всѣ одѣты,—
Поспѣваетъ здѣсь и тамъ
И развозитъ самъ билеты
За недѣлю по домамъ,
А во время представленья,
Не жалѣя ногъ и рукъ,
„Bis“! кричитъ до иступленья
Безкорыстный „общій другъ“.

Вышла (знаетъ онъ заранѣ)
Книга новая, — она
Ужъ лежитъ въ его карманѣ,
Для друзей принесена.
Завернетъ онъ для приманки
Съ кучей сплетенъ и газетъ
И на раутъ къ куртизанкѣ
И въ ученый кабинетъ.
Вотъ скользитъ онъ на паркетѣ,
Дамы ждутъ его услугъ,
Ждутъ игрушекъ новыхъ дѣти...
Нуженъ всюду „общій другъ“.

На балахъ — онъ въ первой парѣ,
Въ маскарадѣ — съ домино,
Онъ болтаетъ въ бенуарѣ,
И, когда еще темно,
Даже газъ не зажигали,
Прискакавъ на бенефисъ —
Терпѣливо бродитъ въ залѣ
Вѣрный гражданинъ кулисъ.

Тайны жизни закулисной
Узнаетъ изъ первыхъ рукъ
Нашъ знакомецъ безкорыстный,
Безкорыстный „общій другъ“.

ГОВОРЯЩІЙ ДУХЪ.

I.

Среди вертящихся столовъ,
Старухъ и старцевъ полуспящихъ,
Проборовъ, косъ, буклей, головъ
И лысинъ празднично-блестящихъ,
Духовъ незримо говорящихъ,
Дѣвицъ въ безмолвіи сидящихъ,
Согнутыхъ спинъ, склоненныхъ шей
Я слышалъ визгъ карандашей
И созерцалъ, какъ былъ неистовъ
Соборъ столичныхъ спиритистовъ.

II.

Въ забвеньи будничныхъ тревогъ,
Ко всѣмъ явленьямъ жизни глухи,
Въ особый избранный мірокъ
Слились и дѣти и старухи.
Молчатъ,—полётъ былъ слышенъ мухи,—
Тому, что предрекаютъ духи,

Тому, что медіумъ гласитъ
Внимаетъ новомодный скитъ,
И каждый гость похожъ на мага
Среди того ареопага.

III.

Межъ всѣхъ духовъ, болтавшихъ тамъ
Въ гостиной свѣтлой и громадной,
Къ большому ужасу всѣхъ дамъ,
Къ досадѣ публики парадной,
Блестящей, пышной и нарядной,
Попался духъ одинъ злорадный,
Безжалостный, капризный духъ...
Блѣднѣетъ медіумъ, но вслухъ,
Стараясь скрыть свое смущенье,
Читаетъ духа изрѣченья.

IV.

Всѣ гости повставали съ мѣстъ,
Всѣ лица стали въ красныхъ пятнахъ.
Духъ засидѣвшихся невѣстъ
Лишалъ на бракъ надеждъ пріятныхъ,—
Въ словахъ весьма не деликатныхъ
Удѣлъ чиновниковъ заштатныхъ
Чиновнымъ старцамъ предрекалъ,
Мужьямъ предсказывалъ скандалъ,
Морщины львицамъ набѣленнымъ
И гробъ—старухамъ пораженнымъ.

V.

Умолкнулъ медіумъ. Безъ словъ
Сидитъ кружокъ гостей печальныхъ,

Завитыхъ франтовъ, томныхъ вдовъ,
Плеяда барышень крахмальныхъ,
Поблекшихъ дамъ сентиментальныхъ,
Физіономій погребальныхъ,
Раскрытыхъ ртовъ и кислыхъ минъ...
Лишь только медіумъ одинъ,
Всѣхъ спиритистовъ сбившій съ толку,
Со мной смѣялся въ тихомолку.

НА УЛИЦѢ.

(Четыре мгновенія.)

I.

Утро. Весь городъ отъ сна просыпается,
Люди рабочіе всюду бѣгутъ.
Гулъ и движеніе... Кто-то ругается
И... непремѣнно кого нибудь бьютъ.

II.

Полдень. Столица какъ будто наряднѣе,
Взадъ и впередъ экипажи снуютъ,
Трескъ: на переднихъ наѣхали задніе
И... непремѣнно кого нибудь бьютъ.

III.

Вечеръ. По улицамъ газъ зажигается,
Рѣчи свободнѣй слетаютъ и кнутъ

Какъ-то живѣе въ рукѣ поднимается
И... непремѣнно кого нибудь бьютъ.

IV.

Ночь. Люди спятъ уже. Время приспѣло имъ
Кончить поденный свой трудъ,
Если же шагъ мы по улицѣ сдѣлаемъ —
Тамъ непремѣнно кого нибудь бьютъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬНАЯ ДАМА.

Свѣта уставы — законъ,
Свѣта уставы — вериги...
Падшія дѣвы изъ Риги!
Вами весь міръ возмущенъ,
Пишетъ на васъ эпиграммы
Рыцарь въ журнальной бронѣ,
Мнѣ же... все грезится мнѣ
Типъ „добродѣтельной дамы“.

Гордость какая въ лицѣ!
Смотритъ едва-ли не свято...
На обручальномъ кольцѣ
Надпись: „вѣнчались тогда-то“...
Насъ не поставятъ въ тупикъ
Брака продажнаго драмы...
Каждый цѣнитъ въ ней привыкъ
Типъ добродѣтельной дамы.

Что за величье души!
Въ пышномъ парадномъ уборѣ
Послѣ обѣдни въ соборѣ
Нищимъ бросаетъ гроши,
Сѣла въ карету: упрямы,
Бойки и злы рысаки...
Шлютъ свой поклонъ бѣдняки
Въ слѣдъ добродѣтельной дамы.

Списокъ любовныхъ побѣдъ
Милая дама, скажи намъ!
По неизвѣстнымъ причинамъ
Къ нимъ снисходителенъ свѣтъ.
Ей извиняемъ всегда мы
Скрытый приличьемъ развратъ,
Всѣ ѳиміамы курятъ
Вкругъ добродѣтельной дамы.

Какъ носовые платки,
Львица мѣняла интриги,
Но не касалась до книги
Пальцами нѣжной руки,
Если о жизни блудницы
Въ ней попадался разсказъ...
Что же! понятенъ для насъ
Гнѣвъ добродѣтельной львицы...

Кто святотатственно могъ
Съ злымъ, ядовитымъ упрекомъ
Съ этимъ блестящимъ порокомъ
Сравнивать грязный порокъ?
Падшей мѣщанкѣ въ глаза мы
Бросимъ всегда приговоръ,
Но и позоръ не въ позоръ
Для „добродѣтельной дамы“.

Бѣдная дочь нищеты!
Нѣтъ въ насъ къ тебѣ сожалѣнья.
Купишь цѣною паденья
Уголъ нетопленный ты,
Право на день настоящій,
Право быть сытой, дышать...
Какъ же тебя намъ ровнять
Съ этою дамой блестящей?

Нѣтъ, не продажна она.
Женщина эта богата
И, какъ гранитъ, холодна.
Милъ ей развратъ для разврата,
Тонкій, изящный развратъ,
Бракомъ и модой прикрытый...
Вотъ она — бросьте свой взглядъ —
Мчится въ коляскѣ открытой.

Прочь! разступитесь вокругъ
Передъ красавицей модной!
Рядомъ — любовникъ дородный,
Сзади — ливрейный гайдукъ,
Всюду — улыбки, поклоны...
Прочь! сторонитесь скорѣй!...
Барышни! кланяйтесь ей,
Зависть къ ней чувствуйте жоны!...

Съ невскихъ береговъ.

(*В. П. Д—новой.*)

Я къ вамъ пишу случайно, право,
Не знаю какъ и для чего....

М. Лермонтовъ.

Я не случайно къ вамъ пишу.
Могу-ль писать я къ вамъ случайно?
Иною цѣлью я грѣшу.

Мнѣ захотѣлось чрезвычайно
Два дѣла разомъ совершить
И это, видите, не тайна:

Вамъ перепиской угодить,
Исполнивъ давнее желанье,
И въ тоже время также быть

Исправнымъ данникомъ изданья —
И услужить для двухъ сторонъ:
Для васъ—писать свои посланья,

Для большинства же—фельетонъ.
Что́ стыдъ другимъ, то намъ прилично
И я, задачей не смущенъ,

Готовъ бесѣдовать публично.
Межъ нами тайнъ, ко счастью, нѣтъ;
Заочно, также, какъ и лично

Безумной страсти юныхъ лѣтъ
Я къ вамъ не зналъ; мы не пускались,
Принявъ за чувство дѣтскій бредъ,

Въ микроскопическій анализъ
Своихъ движеній; я и вы
Безъ слезъ на долго разставались

И не теряли головы.
А потому я безопасно
Съ гранитныхъ береговъ Невы

Начну бесѣду съ вами *гласно*.
Оно и къ стати въ сентябрѣ:
Погода осени ненастна,

Дождь, вѣтеръ, лужи на дворѣ,
Стихъ проситъ мѣста и свободы,
Вертится риѳма на перѣ.

(То свойство сѣверной природы:
Пѣвцы въ дни осени грозятъ
Всѣхъ усыплять напѣвомъ оды).

И такъ, пять лѣтъ тому назадъ
Покинутъ вами невскій берегъ,
Когда нашъ юный Петроградъ

Былъ прогрессивенъ до истерикъ,
Кумиры старые свергалъ
И даже буквы *еръ* и *ерикъ*

Изъ русской азбуки изгналъ;
Когда шумѣла бойко пресса,
Кричалъ старикъ: я либералъ!

И горячился, какъ повѣса,
Когда вчерашній самодуръ
Игралъ комедію прогресса

И увлекалъ столичныхъ дуръ
И гибли пошлость и рутина
Подъ кипяткомъ каррикатуръ,

Подъ адскимъ свистомъ славянина...
Такъ жили мы пять лѣтъ назадъ,
Но надоѣла намъ личина

И прогрессивный маскарадъ.
Глядимъ: опять все таже нива,
Опять вкругъ насъ заглохшій садъ,

Гдѣ жизнь шевелится лѣниво
И сквозь мишурные цвѣты
Полѣзла старая крапива.

Такъ иногда замруть мечты
Въ груди у дѣвы перезрѣлой,
Мечты отцвѣтшей красоты,

Она покойна мѣсяцъ цѣлый
И снова вдругъ, не зная сна,
Не зная слезъ, какъ призракъ бѣлый,

Дрожитъ и мечется она...
Въ столичныхъ сферахъ и гостиныхъ
Не долго рѣчь была слышна

Объ общемъ злѣ, его причинахъ,
Не долго мы могли карать
Позоръ ушей своихъ ослиныхъ,

И полюбили ихъ опять,
Какъ безобразнаго ребенка
Любить умѣетъ только мать.

Мы раскричались очень звонко,
Забыли съ гласностей игру
И разсудили очень тонко,

Что намъ прогрессъ „не ко двору",
Что намъ безъ гласности не скучно:
Все въ мірѣ клонится къ добру

И „обстоитъ благополучно"
И даже пресса начала
Намъ то доказывать „научно",

На свистуновъ бездушныхъ зла...
И такъ, не вѣрьте, бога ради,
Когда молва вамъ налгала

О прогрессивномъ Петроградѣ.
„Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ",
Онъ въ прежнемъ будничномъ нарядѣ

Ни въ чемъ мѣняться не спѣшитъ
И ужъ слезами гражданина
Не орошаетъ невскихъ плитъ.

Преобразилась вся картина:
Нарядный, свѣтлый, какъ женихъ,
Какъ старцы, съ полученьемъ чина,

(Минуты слаще нѣтъ для нихъ)
Весь Петербургъ пустился въ пляску,
Затанцовалъ въ домахъ своихъ,

Затанцовалъ, сорвавши маску,
По клубамъ, дачамъ и садамъ
И полюбилъ, какъ дѣти сказку,

Носиться въ вихрѣ бальныхъ дамъ
Въ сіяньи роскоши и газа,
Въ цвѣтахъ, повисшихъ здѣсь и тамъ.

Лото и танцы, какъ зараза,
Вездѣ проникли. Весь народъ,
Весь городъ, не смыкая глаза

Танцуетъ ночи на пролетъ
Въ тѣни колоннъ, въ тѣни акацій,
Иль въ клубы съ трепетомъ несетъ

Пучки послѣднихъ ассигнацій
И забываетъ за игрой
Дѣла, забавы, невскихъ грацій

Корысти преданной герой.
Въ гоньбѣ за счастіемъ упрямы,
До ѹтра ранняго, порой,

У тѣхъ столовъ сидятъ и дамы.
Иная модница до тла
Все проигравъ, къ финалу драмы

Падетъ безъ чувства у стола.
Лото и танцы, какъ недуги,
Ждутъ изъ-за каждаго угла

Невинныхъ жертвъ и на досугѣ
Среди баловъ сбиваютъ съ ногъ,
Иль у супруга и супруги

Опустошаютъ кошелекъ...
Въ антрактахъ сильныхъ ощущеній
Живетъ весь городъ безъ тревогъ,

На службѣ жаждетъ повышеній,
Ацтековъ смотритъ на ходу,
Въ театрахъ ищетъ развлеченій,

Ругаетъ „новую“ среду
И обезьянъ пугаетъ въ клѣткѣ
Въ зоологическомъ саду...

Да,—исключенья очень рѣдки,—
Читаетъ вмѣсто дѣльныхъ книгъ
Лишь „Петербургскія Отмѣтки“,

Къ которымъ старчески привыкъ...
Еще чѣмъ занятъ городъ? Это
Я, признаюсь вамъ, не постигъ

И вовсе здѣсь не дамъ отвѣта.
Пока прощайте. Впрочемъ, васъ
Я не оставлю безъ совѣта:

Чтобъ быть веселой лишній часъ
(Не все жъ на жизнь смотрѣть сурово)
Прочтите, книгой заручась,

Собранье критикъ Соловьева.
Тамъ перловъ драгоцѣнныхъ тьма,
Что не страница—то обнова.

„Фу, братецъ, сколько тамъ ума!“
О нихъ сказалъ бы Репитиловъ.
И такъ — до новаго письма.

* * *

О, не смотри, мой другъ, впередъ!
Тамъ все темно, тамъ безотрадно.
Насъ впереди страданье ждетъ,
Чтобъ сердце грызть и мучить жадно.

О, не гляди, мой другъ, назадъ,
Не вспоминай того, что было:
Тамъ рядъ могилъ, тамъ слѣдъ утратъ,
Тамъ все мертво, что прежде жило.

Нѣтъ, будемъ жить послѣднимъ днемъ,
Днемъ настоящимъ, днемъ текущимъ
И не вспомянемъ, не вздохнемъ
Ни о быломъ, ни о грядущемъ.

Лучь свѣта дорогъ въ царствѣ тьмы...
Повѣрь: подобно многимъ людямъ,
О томъ, какъ нынче любимъ мы —
Мы завтра, можетъ быть, забудемъ.

Начнемъ же жить, любить пока,
Короткимъ счастьемъ полны оба,
А тамъ опять придетъ тоска
И одиночество и злоба.

30 декабря. 1864 г.

КТО ОНЪ?

I.

Кто онъ? Ради Бога
Дайте намъ отвѣтъ..
Говоритъ немного,
Больше *да* и *нѣтъ*,
Сядетъ молча, строго
Съ кипою газетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

II.

Всѣ его встрѣчали,
Но не зналъ никто,
Въ театральной залѣ,
Въ клубѣ у лото.

Для него дорога
Не закрыта въ свѣтъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

III.

Въ дверь у Доменика
Входитъ, „Вѣсть“ беретъ...
—„Вотъ онъ! посмотри-ка!..“
Кто нибудь шепнетъ.
Общая тревога...
Опустѣлъ буфетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

IV.

Утромъ въ день пріемный
Жунарлисту онъ
Съ рукописью скромной
Отдавалъ поклонъ,
Корчилъ демагога,
Порицалъ бюджетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

V.

Въ залѣ Бенардаки
Чтеніе... народъ...
Онъ ужъ въ черномъ фракѣ
Пробрался впередъ
Слушать прелесть слога
И живой куплетъ...

Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ...

VI.

Ночью въ часъ урочный
Начался шпиц-балъ, —
Какъ депеша, точный
Онъ ужъ тамъ—и взялъ
Въ кассѣ у порога
Даровой билетъ...
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ.

VII.

Тучи вкругъ нависли...
Въ слякоть, черезъ мостъ
Труженика мысли
Тащатъ на погостъ...
Поотставъ немного
Онъ бредетъ во слѣдъ...
Кто жъ онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ....

II.

ПЕРЕВОДЫ

БАУДИНИА.

ПОЭМА

АЛЬФРЕДА ДЕ-ВИНЬИ.

(*Н. С. Курочкину.*)

L'adultère attend le soir, et se dit; Aucun oeil ne me verra; et il se cache le visage, car la lumière est pour lui comme la mort.

Iob, ch. XXIV, v. 15—17.

I.

Алоемъ, миррою мой одръ благоухаетъ,
„Душистый киннамонъ здѣсь воздухъ опьяняетъ,

„Изъ ароматныхъ травъ коверъ у ногъ лежитъ,
„Въ каменьяхъ, въ золотѣ чело мое горитъ...

„Мой милый! Приходи для жаркаго привѣта!
„Прійди—и я твоя до самаго разсвѣта...

„Супругъ мой далеко,—я жду тебя одна...“
Такъ ночью темною безумная жена

Въ тѣни нѣмыхъ вѣтвей, съ открытой, плоской крыши
Звала любовника. Подъ кедромъ, въ узкой ниши

Открылась тихо дверь... опущенъ вновь запоръ...
Чу! шепотъ слышится: „Вотъ непорочный взоръ,

„Которымъ я смущенъ, колѣнопреклоненный!...
„Чело твое—цвѣтокъ долины благовонной;

„Дыханьемъ вешнихъ розъ манятъ твои уста,
„Твой голосъ — музыка, любовь твоя чиста!

„О, сбрось же ты съ себя блестящіе уборы,
„Сбрось ожерелья прочь,—ихъ ярче блещутъ взоры!“

—„О, нѣтъ, мой милый, нѣтъ! Позволь мнѣ поскорѣй
„Рукою отряхнуть росу съ твоихъ кудрей:

„Вѣдь для меня лицо твое оледѣнѣло...“
—„Но сердце—все въ огнѣ! любовь меня согрѣла,

„И я у ногъ твоихъ, смотрю въ твои глаза!..
„Что мнѣ опасности и холодъ, и гроза,

„Когда я слышу здѣсь плѣнительный твой лепетъ
„И поднимаетъ грудь любви священный трепетъ.“

—„Да, но постой, постой... чей это голосъ тамъ?
„Я слышу звонкій шагъ по каменнымъ плитамъ...“

—„Не бойся, милая, полуночнаго звона:
„Къ молитвѣ сталъ звонить сынъ старца Аарона.

„Что жъ ты блѣднѣешь такъ? Пусть поцалуй любви
„Смиритъ волненіе и жаръ въ твоей крови.

„Отказомъ робости меня, мой другъ, не мучай:
„Пусть первый стыдъ любви потухнетъ въ ласкѣ жгучей...“

И смолкло все кругомъ въ глухой, полночный часъ,
И въ лампахъ бронзовыхъ огонь вездѣ погасъ.

II.

Когда лучами дня позолотились нивы
И на святой горѣ зеленыя оливы,

Когда верблюды шли, и пыльный караванъ
Несъ изъ чужихъ пустынь дары въ еврейскій станъ,

И пастырь въ сѣдинахъ, рукой раздвинувъ складки,
Смотрѣлъ изъ-за дверей простой своей палатки,

Какъ въ небѣ таяли ночная мгла и тѣнь,
И звалъ свою семью молитвой встрѣтить день, —

Въ тотъ ранній часъ бѣжалъ любовникъ пресыщенный
Отъ бѣдной женщины, обманутой, смущенной.

Она сидитъ одна; на блѣдное чело
Уже раскаянье зловѣщее легло.

Ей жаль, что эта ночь промчалась слишкомъ скоро,
Ночь — соучастница безславнаго позора;

Она хотѣла бы, чтобъ длилась эта ночь
И не могла заря тьму долго превозмочь;

Но тьму развѣяла румяная денница,
И съ ужасомъ глядитъ вокругъ себя блудница.

Съ руками сжатыми, недвижна и блѣдна
Отъ двери потайной не сводитъ глазъ она.

Казалось, смерть сама лицо ея сковала
И только лишь, порой, рыданье выдавало,

Что эта женщина не спитъ могильнымъ сномъ.
Такую грѣшницу ужъ видѣлъ разъ Содомъ,

Въ тѣ дни, когда Творецъ разгнѣванный, карая,
Сжегъ огненнымъ дождемъ два ненавистныхъ края:

Защитою небесъ она пренебрегла,
Осилить тайнаго желанья не могла,

Чтобъ не взглянуть назадъ, откуда шла дорога,
И тайну разгадать карающаго Бога.

Но вдругъ она стоитъ... ей съ мѣста не сойдти
И солянымъ столбомъ осталась на пути,

Лишь шелъ впередъ старикъ, нетронутый судьбою,
Но ужъ шаговъ жены не слышалъ за собою.

III.

И такова была еврейка въ этотъ мигъ.
Но съ ней ребенокъ есть. За чѣмъ онъ къ ней приникъ?

Малютка ждетъ въ слезахъ и робостью волнуемъ,
Что мать къ нему придетъ, какъ прежде, съ поцалуемъ.

И къ ней подкрался онъ въ ребяческой тоскѣ
И личико прижалъ къ сырой ея щекѣ.

Какъ сладко бы теперь разцѣловать тѣ губки!
Но сынъ напомнилъ ей о мужѣ, о проступкѣ...

Предъ тѣми сводами, предъ этимъ ложемъ сна,
Гдѣ тайна брачная была осквернена,

За чувство матери, несчастная, краснѣетъ
И до невинныхъ устъ коснуться не посмѣетъ.

Хотѣла бъ говорить, излить любовь въ словахъ,
Но звуки замерли на трепетныхъ губахъ,

Лишь вздохъ болѣзненный вдругъ вырвался изъ груди:
Такъ предъ кончиною вздыхаютъ только люди.

Въ душѣ ея теперь—лишь страхъ нѣмой и стыдъ:
Малютку оттолкнувъ, къ дверямъ она бѣжитъ,

Но, изнуренная, безсильная, упала...
Такъ статуя, порой, спадаетъ съ пьедестала.

IV.

Изъ Тира въ тотъ же день черезъ зеленый валъ
Тамъ путешественникъ богатый проѣзжалъ.

Довольство путника усталаго не скрыто:
И кони кровные, и въ пышныхъ тогахъ свита,

Склонивши голову шли тихо лошаки.
На спинахъ ихъ лежатъ огромные тюки

Товаровъ и богатствъ, восточныхъ тканей груды;
Лѣниво двигались усталые верблюды

Подъ крики вожаковъ, и молча шли вокругъ
Подъ ношей пурпура двѣнадцать черныхъ слугъ.

И странникъ говоритъ: теперь, моя Сефора,
Ты думаешь о томъ: „Мой мужъ вернется-ль скоро?“

Ты плачешь съ шепотомъ: „Онъ отъ меня далекъ!
„Уже краснѣетъ степь, уже зардѣлъ востокъ.

„Но все еще нейдетъ, желанный мой, изъ Тира...“
Но будешь ты со мной, вздыхать забудешь сиро,

И я тогда скажу: „Дары мои бери!
„Вотъ пурпуръ для тебя, шелки и янтари,

„Вотъ ткани нѣжныя, ковры и опахало,
„А вотъ и зеркала,—ты ихъ давно желала.“

Такъ путникъ говорилъ и, обогнавъ толпу,
Глазами сталъ искать знакомую тропу.

V.

Въ дни праздниковъ большихъ, шумя вдоль по дорогѣ,
Еврейская толпа стремится къ синагогѣ.

Тамъ дѣти, старики бредутъ рука съ рукой;
Полны раскаянья, убитые тоской.

Не въ силахъ затаить ни слезъ, ни муки тайной,
Проходятъ женщины походкою печальной.

И плачущій слѣпецъ, съ дырявою сумой,
И прокаженный рабъ, разслабленный, больной, —

У ногъ Спасителя всѣ ищутъ исцѣленья
И громко шлютъ ему свои благословенья.

Онъ, неимущихъ царь, всѣмъ руку простиралъ
И всюду чудеса въ народѣ расточалъ

И съ чистыхъ устъ его пророчества слетали.
Онъ съ человѣчествомъ дѣлилъ его печали,

Онъ братьями считалъ убогихъ бѣдняковъ.
Семья простыхъ людей—его учениковъ,

Которыхъ увлекла чарующая сила,
Вслѣдъ за Учителемъ почтительно ходила:

Въ божественныхъ лучахъ всегда сверкало имъ
Чело Спасителя сіяньемъ не земнымъ.

VI.

Кругомъ толкаема толпою раздраженной,
Съ косой, распущенной по шеи обнаженной,

Явилась женщина, цѣпями обвита,
И брошена къ ногамъ безмолвнаго Христа.

При общемъ ужасѣ и ропотѣ народномъ,
Сбирались книжники, и въ гнѣвѣ благородномъ

Сказалъ одинъ изъ нихъ: „Учитель! вотъ жена,
„Вотъ эта женщина была обольщена!

„За этотъ гнусный грѣхъ суди ты дочь позора,
„Какъ повелѣлъ законъ!“ И въ страхѣ приговора

Она глядитъ вокругъ, и словно ищетъ взглядъ
Вблизи знакомыхъ лицъ, но съ бѣшенствомъ кричатъ

Въ толпѣ озлобленной: „Впередъ, впередъ за нами!
„Блудницѣ казнь и смерть! Побить ее камнями!“

Нѣмѣетъ женщина, роняя капли слезъ,
Но вдругъ передъ толпой уста раскрылъ Христосъ:

„О, пусть же тотъ изъ васъ, кто праведенъ—для казни
„Подниметъ первый здѣсь свой камень безъ боязни!“

Сказалъ—и со стыдомъ отхлынули жиды,
И разбрелись безъ словъ смущенные ряды,

А онъ сидѣлъ одинъ съ божественной тоскою
И на пескѣ чертилъ опущенной рукою

Слова, которыхъ смыслъ, загадкой ставшій намъ,
Понятенъ только былъ ему, да небесамъ.

Когда-жъ онъ поднялъ вверхъ пророческое око,
Толпа еврейская была уже далеко.

САТИРА ЮВЕНАЛА.

Semper ego auditor tantum? numquamne reponam,
Vexatus toties rauci Theseïde Cordi?
Impune ergo mihi recitaverit ille togatas,
Hic elegos? impune diem consumpserit ingens
Telephus aut summi plena iam margine libri
Scriptus et in tergo nec dum finitus Orestes?

Yuvenalis, *Satira I.*

Нежъ тѣмъ, какъ предо мной, на чтеніи публичномъ,
Поэты сходятся съ кривляньемъ неприличнымъ

Для декламаціи, элегій и поэмъ, —
Какъ вѣчный слушатель, уже ль я буду нѣмъ?

Когда передъ толпой, читая *Ѳезеиду*,
Охлипнулъ жалкій Кодръ *), уже ль впередъ не выйду?

---

*) Подъ именемъ *Кодра* (имя вѣроятно вымышленное) нужно разумѣть поэта, который читалъ такую огромную поэму (*Ѳезеиду*), что даже охрипъ отъ этого.

Уже ли никогда фигляру-риѳмачу
За наглость ритора ни чѣмъ не отплачу,

И слушая его весь день, не вставши съ мѣста,
За то, въ лицо ему не брошу я протеста?

Нѣтъ, никому изъ насъ такъ близко не знакомъ
Семьи своей порогъ и собственный свой домъ,

Какъ стали мнѣ теперь, къ несчатію, знякомы
Мальчишекъ-риторовъ казенные пріемы

И общія мѣста: сады, гдѣ Марсъ живетъ,
Вулкана мрачнаго уединенный гротъ,

Мученіе тѣней въ подземной тьмѣ Эака,
И низверженіе Язона въ царство мрака,

Откуда вынесъ онъ завѣтное руно —
Вотъ, вотъ о чемъ твердятъ давнымъ давно

Всѣ представители классическаго тона
Предъ римской публикой, пришедшей въ залъ Фронтона *),

Гдѣ отъ кричащихъ нотъ бездарнаго чтеца,
Терзающаго слухъ весь вечеръ, безъ конца,

Колонны трескались надъ возвышеньемъ сцены
И лопались кругомъ всѣ мраморныя стѣны.

Ничтожество вездѣ! Теперь различья нѣтъ —
Что жалкій виршеплетъ, что лучшій нашъ поэтъ!..

---

*) *Фронтонъ* былъ, нужно думать, богатый покровитель поэтовъ, предлагавшій свою залу для публичныхъ чтеній.

Но вѣдь мальчишкой я когда-то самъ былъ тоже!
Забывъ учебники, я также лѣзъ изъ кожи

И вирши вздутыя съ экстазомъ распѣвалъ,
Гдѣ Суллѣ самому я даже предлагалъ

Забыть диктаторство, разстаться съ важнымъ чиномъ
И жить въ отечествѣ лишь частнымъ гражданиномъ.

Нѣтъ, глупо скромничать, не смѣть раскрыть свой ротъ.
Бумагу ли беречь? — она и такъ сгніетъ.

Могу ли я молчать въ великомъ Римѣ этомъ,
Гдѣ ступишь шагъ одинъ,—и встрѣтишься съ поэтомъ?

Зачѣмъ же, скажутъ мнѣ, войду я въ римскій міръ
Путемъ Луцилія *), отца родныхъ сатиръ?

Зачѣмъ на перекоръ всему пойду упрямо?
Зачѣмъ? вы спросите, — я вамъ отвѣчу прямо:

* * *

Когда заразою вездѣ ползетъ развратъ,
Когда измученный безсиліемъ кастратъ

Беретъ жену себѣ — и дремлетъ бичь закона;
Когда презрѣнная безстыдница Матрона,

Грудь нагло обнаживъ, чтобъ видѣлъ весь народъ,
Съ стальнымъ копьемъ въ рукѣ въ амфитеатръ идетъ

И вепря дикаго сражаетъ на аренѣ;
Когда тотъ брадобрѣй, — дивиться ль перемѣнѣ? —

---

*) *Луцилій*—сатирикъ, писавшій до Горація, Персія и Ювенала.

Который нѣкогда мнѣ бороду скоблилъ,
Всѣхъ горожанъ теперь богатствами дивилъ;

Когда и самъ Криспинъ *), цвѣтъ нильскаго холопа,
Изъ черни выскочка, рабъ, взятый изъ Канопа,

Въ плащѣ изъ пурпура въ толпѣ пройдетъ не разъ,
Съ перстнями потныхъ рукъ, открытыхъ на показъ;

Когда порокъ вездѣ воздвигъ свои кумиры —
Могу ль молчать теперь и не писать сатиры?

***

Кто въ этомъ городѣ безсилія и лжи
Съумѣетъ скрыть свой гнѣвъ,—о, римлянинъ, скажи!—

Когда встрѣчаются средь уличнаго звона
Носилки пышныя подъячаго Маѳона *),

И тѣло жирное едва вмѣщаетъ онъ
Въ огромной лектикѣ? А вотъ и самъ шпіонъ!

Пуская по-міру остатки римской знати,
За деньги онъ готовъ доносъ писать о братѣ...

Чѣмъ выражу свой гнѣвъ, который мозгъ терзалъ
И внутренность мою на части разрывалъ,

Когда съ ватагою мерзавцевъ мчался мимо,
Давя кругомъ народъ средь грязныхъ улицъ Рима.

Бездушный опекунъ, ограбившій сиротъ;
Когда на оргіяхъ дни, ночи на пролетъ,

---

*) *Криспинъ*—любимецъ Домиціана, рабъ, выведенный изъ Египта.

**) *Маѳонъ*—стряпчій, который до того былъ жиренъ, что едва помѣщался въ носилкахъ.

Въ сообществѣ развратныхъ, мерзкихъ тварей
Сидитъ средь пиршества проконсулъ римскій Марій **)

И пѣнится вино, и льется черезъ край,
А ты, ограбленный и разоренный край,

Ты слезы льешь!.. Къ чему жъ беречь удары?
Уже ль развратный Римъ не стоитъ грозной кары,

Проклятій бѣшеныхъ и огненныхъ сатиръ?
И чѣмъ же лучше ихъ жизнь миѳовъ, темный міръ

Съ его мечтательнымъ и смутнымъ идеаломъ,
Съ его героями, Икаромъ и Дедаломъ?..

Когда за золото мужья со всѣхъ сторонъ
Готовы отдавать своихъ несчастныхъ женъ,

И къ деньгамъ жадные, съ одной корыстной цѣлью
Торгуютъ собственной супружеской постелью;

Когда растратившій богатства пошлый мотъ,
Для кровныхъ скакуновъ проживший свой доходъ,

Почетной должности въ лѣнивомъ войскѣ ищетъ,
И по окрестностямъ на колесницѣ рыщетъ,

Одежды на себя роскошныя надѣвъ, —
То я желалъ бы тутъ, пока силенъ мой гнѣвъ,

---

*) *Марій Присъ* — былъ судимъ сенатомъ за то, что ограбилъ провинцію Африку. Онъ былъ присужденъ возвратить провинціи деньги, но это не было исполнено, и Марій, не смотря на опалу, продолжалъ жить въ роскоши.

Пока слова мои озлобленны и жестки,
Сатиру написать на первомъ перекресткѣ...

Вотъ шесть наемщиковъ носилки волочатъ.
Въ носилкахъ развалясь, какъ римскій Меценатъ *),

Усѣлся дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній.
Богатства онъ достигъ безъ всякихъ дарованій:

Кускомъ пергамента съ печатью накладной.
А вотъ мы встрѣтились съ извѣстною женой.

Когда ея супругъ захочетъ пить, для мужа
Она готовитъ смерть. Себя не обнаружа, —

(Какъ руки женщины при этомъ не дрожатъ?)
Въ каленское вино подмѣшиваетъ ядъ;

И, какъ къ Локустѣ **), къ ней сбираются матроны,
Чтобъ взять себѣ урокъ — устроить похороны,

И въ землю поскорѣй спустить своихъ мужей,
При тайномъ шепотѣ всѣхъ сплетницъ и ханжей.

Лишь только тотъ изъ насъ жить можетъ нынче въ Римѣ,
Кто сталъ готовъ на все съ пороками своими —

И ссылку испытать, и сгнить въ стѣнахъ тюрьмы.
Нѣтъ больше честности средь этой общей тьмы!

Она къ намъ явится и тотчасъ замерзаетъ...
Лишь преступленье здѣсь безславно утопаетъ

---

*) *Меценатъ*—отличался своей изнѣженностью, на что и намекаетъ здѣсь Ювеналъ.

**) *Локуста*—знаменитая римская отравительница.

Въ безумной роскоши, въ забавахъ мотовства,
Подъ крики гаеровъ, холоповъ шутовства...

Смотри: вонъ на коврахъ средь мраморнаго пола
Сидятъ прелестницы отъ мужескаго пола,

Красавицы въ плащахъ, съ истомой блѣдныхъ лицъ:
Послѣдній, жалкій родъ наряженныхъ блудницъ.

Такъ мнѣ ль молчать теперь? Нѣтъ, пусть пишу я вяло,
Пускай пѣвцу въ стихѣ природа отказала,

Но буду ль я сидѣть, какъ прежде, нѣмъ и тихъ?
Негодованіе родитъ суровый стихъ,

И въ этомъ мірѣ зла, поднявъ чело, пойду я
Съ сатирой грозною, кляня и негодуя.

ПѢСНЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ РАБОТНИКОВЪ.

(Изъ Дюпона.)

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнетъ пѣтухъ въ ночь безсонную,
Чьи истомленные спины сгибаются
Предъ наковальней, въ огнѣ расколенною:
Мы, у которыхъ работа гнетущая
Съ дѣтства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее
Холодъ, недуги, да старость голодную—

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ—
Пропьемъ.

Доля работника — чѣмъ не счастливая!
Въ грубыхъ рукахъ его — перлы, да золото,
Онъ снаряжаетъ все барство спѣсивое
Силою мышцъ да желѣзнаго молота.

Выхолитъ въ полѣ онъ рожь золотистую,
Пóтомъ его вся земля обливается...
Добрыя овцы! Ихъ шкурой волнистою
Сытая праздность вездѣ одѣвается.

Братцы! давъ отдыхъ трýду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пòтомъ—
Пропьемъ.

Трудъ завѣщалъ намъ тоску безъисходную,
Чахлыя груди, да слезы горючія;
Словно какъ машину, въ дѣлѣ негодную,
Терпятъ всѣхъ насъ лишь до перваго случая.
Нашей рукой чудеса совершаются,
Словно у пчёлъ—наша участь суровая:
Пчёлы снесутъ только дани медовыя
И, безпріютныя, вновь разлетаются.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пòтомъ,—
Пропьемъ.

Дѣти вельможъ, худосочныя, блѣдныя
Женъ нашихъ грудью здоровой питаются,
Если-же выростутъ лбы эти мѣдные —
Съ краской стыда съ ними послѣ встрѣчаются.
Насъ стерегутъ всюду— наглость безчестная,
Брань да пинки отъ любаго привратника;
У дочерей нашихъ — доля извѣстная —
Доля наложницъ—въ хоромахъ развратника.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,

И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ—
Пропьемъ.

Въ темныхъ подвалахъ, полуобнаженные,
Гдѣ лишь лохмотья намъ служатъ обновами,
Тянемъ мы жизнь даже солнца лишенные,
Словно родились ворами иль сóвами,
Словно въ насъ кровь не играетъ кипучая,
Словно туда наше сердце не просится,
Гдѣ разростаются рощи дремучія,
Гдѣ благовонное лѣто проносится.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ—
Пропьемъ.

Много ужь лѣтъ наша кровь проливалася
Лишь по шальному капризу тиранами,
Но еще силы довольно осталося
Въ тѣлѣ, измученномъ гнойными ранами.
Будемъ-же силу беречь мы могучую,
Сладкой надеждой пусть сердце согрѣется:
Солнце свободы — за черною тучею,
Вѣтеръ подуетъ — и туча разсѣется.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ —
Пропьемъ.

ВЪ ГАРЕМѢ.

(Изъ Байрона.)

1.

Въ гаремѣ ночь. Лишь кое-гдѣ горятъ
Полночныя лампады тихимъ свѣтомъ.
Красавицы на мягкихъ ложахъ спятъ...
О, если духи бродятъ въ мірѣ этомъ,
Они должны могилы покидать
И въ одѣяніяхъ воздушныхъ здѣсь летать.
Они бы этимъ вкусъ свой доказали
И отъ развалинъ дикихъ отвыкали.

2.

Спятъ женщины, прекрасны, какъ цвѣты
Различныхъ странъ въ теплицѣ благовонной.
Гдѣ охраняютъ блескъ ихъ красоты,
Взлелѣянной заботою безсонной.

Вотъ спитъ съ косой каштановой одна:
Какъ нѣжный плодъ, головка склонена,
И между устъ румяныхъ обнаруженъ
Рядъ двойственный сверкающихъ жемчужинъ.

3.

Другая спитъ горячимъ, свѣтлымъ сномъ,
А на щекахъ ея пылаютъ розы,
Спадаютъ кудри черные кругомъ
И губы улыбаются сквозь грезы:
Такъ изъ-за тучъ глядитъ порой луна...
На ложѣ разметалася она
И обнажила полночи ревнивой
Всю прелесть красоты своей стыдливой.

4.

Вотъ третья спитъ, тяжелый видитъ сонъ.
Она лежитъ, какъ статуя страданья,
И снится ей далекій небосклонъ,
Трепещетъ грудь отъ тайнаго желанья,
И край родной встаетъ въ обманѣ грезъ,
А на рѣсницахъ видны капли слезъ:
Такъ иногда въ часъ ночи не пробудной
Блеститъ роса на вѣткѣ изумрудной.

5.

Четвертая недвижна и блѣдна
Раскинулась прекраснымъ изваяньемъ...
Она бѣла, чиста и холодна,
Какъ ручеекъ въ минуту замерзанья,
Какъ снѣжный столбъ, какъ Лотова жена,
Но болѣе казалась мнѣ она

Статуею съ лицомъ отроковицы,
Поставленной у мраморной гробницы.

6.

Вотъ пятая. Она—„извѣстныхъ лѣтъ“,
Иначе—дама въ лѣтахъ. Я не знаю
Числа ея годовъ (мнѣ дѣла нѣтъ,
Я годы только въ юности считаю...),
Но красоты, увы! въ ней не найти.
Она дошла ужь до того пути,
Гдѣ женщины отъ свѣта убѣгаютъ
И о грѣхахъ минувшихъ размышляютъ.

ПИСЬМО ЮЛИИ КЪ ДОНЪ-ЖУАНУ.

(*Изъ Байрона.*)

Вы ѣдете.... Теперь все рѣшено.
Пусть будетъ такъ, хотя бы я страдала...
Мнѣ правъ надъ сердцемъ вашимъ не дано,
Я счастья впереди не ожидала.
Любить, любить—вотъ все, что я могла,
Вотъ все, что я отъ жизни сберегла...
Вы ждете слезъ въ письмѣ моемъ,—не такъ ли?
Не ждите ихъ,—онѣ давно изсякли.

Я васъ люблю, люблю до этихъ поръ,
Снося гоненье свѣта и презрѣнье,
Но не тяжелъ мнѣ собственный позоръ
И прошлому я шлю благословенье.
Я смѣло сознаюсь въ своей винѣ,
Моя вина давно извѣстна мнѣ,
Но я пишу невольно эти строки,—
Не нужны мнѣ ни ласки, ни упреки.

Любовь мущины—краткій эпизодъ,
А женщина вся отдается страсти.
Вамъ лавры вьютъ, васъ въ мірѣ слава ждетъ,
Трудъ, почести иль упоенье власти,
Мечъ воина уноситъ васъ на бой,
Вы, честолюбцы, боретесь съ судьбой,
Повсюду жизнь васъ къ дѣлу призываетъ,
А женщина лишь любитъ и страдаетъ.

Да, ваша жизнь привольно побѣжитъ;
Любя другихъ, вы будете любимы,
А я—всему конецъ!—печаль моя и стыдъ
На днѣ души останутся хранимы!
Ихъ я снесу, но власть мнѣ не дана
Забыть любовь, которая сильна.
Прощайте же! Любви просить не смѣю,
Но замолчать о ней не въ силахъ, не умѣю.

Въ разбитомъ сердцѣ силы больше нѣтъ,
Но всежъ могу очнуться я отъ горя,
Играетъ кровь игрой минувшихъ лѣтъ,
Какъ послѣ долгой бури волны моря.
Я—женщина, забвенье насъ бѣжитъ,
Насъ милый образъ всюду сторожитъ.
Любовь живетъ, хотя глубоко скрыта:
Такъ къ полюсу влечетъ стрѣлу магнита.

Я кончила, но все не тороплюсь
Сложить письма. И чтожъ меня тревожитъ?
Нѣтъ, смѣлости своей не устрашусь,—
Еще сильнѣй несчастья быть не можетъ.
Зачѣмъ отъ горя я не умерла?
Нѣтъ, даже смерть на зовъ ко мнѣ не шла
И мнѣ осталось съ жизнью помириться,
Чтобъ васъ любить и чтобъ за васъ молиться.

МОСТЪ.

(Изъ Лонгфелло.)

Въ глубокую полночь я былъ на мосту
Съ своею тоскою всегдашней;
Надъ городомъ соннымъ всплывала луна
За темной церковною башней.

Луна отражалась внизу подо мной
Въ недвижимомъ водномъ просторѣ,
Какъ кубокъ червонный, который скользилъ
Ко дну темно-синяго моря.

И въ эту іюльскую, дивную ночь
На западѣ, въ дымкахъ тумана,
Краснѣе луны золотая заря
Была и тепла и румяна.

Межъ двухъ береговъ по теченью воды
Широкая тѣнь трепетала,

Съ приливомъ морскимъ набѣгала волна
И, словно, ту тѣнь отгоняла.

Надъ тѣнью неслась и скользила рѣка,
Журчала, какъ ласка привѣта,
И травы морскія влекла за собой
Въ сіяніи луннаго свѣта.

Какъ этотъ прозрачный потокъ водяной
Кипѣлъ подъ моими ногами,
Такъ былъ я охваченъ потоками думъ
И очи сверкнули слезами.

Какъ часто, какъ часто въ минувшіе дни,
Въ давно невозвратные годы,
Въ глубокую полночь я съ моста глядѣлъ
На синее небо и воды.

Какъ часто, какъ часто тогда я желалъ,
Чтобъ волны отлива морскаго
Меня унесли бы съ собой въ океанъ,
Подальше отъ міра людскаго.

Изнѣженный жизнью, тогда я былъ юнъ,
Кровь быстро бѣжала по жиламъ
И тяжесть, давившая сердце мое,
Казалось, была не по силамъ.

Теперь эта тяжесть свалилась съ души,
Исчезла и канула въ море
И ныньче смущаютъ лишь только меня
Собратьевъ страданье и горе.

Но все же, когда я иду чрезъ рѣку
И съ моста на волны взгляну я,

Въ умѣ моемъ прошлыя думы встаютъ,
Безсонную память волнуя.

И думаю я: сколько тысячъ людей,
Которыхъ страданье казнило
И тяжкою ношей давила печаль,
Съ тѣхъ поръ черезъ мостъ проходило.

Я вижу: проходятъ рядами они
То взадъ, то впередъ предо мною,
Одни—молодые, съ горячей душой,
Другіе—блестя сѣдиною.

И вѣчно, и вѣчно въ полуночный часъ,—
Такъ долго, какъ рѣчки журчанье,
Такъ долго, какъ въ сердцѣ живущая страсть,
Такъ долго, какъ жизни страданье,—

Луна съ отраженьемъ въ рѣчной глубинѣ
И тѣни здѣсь будутъ являться
И станутъ небеснымъ символомъ любви
На грѣшной землѣ отражаться.

СЪУМАЗБРОДЪ.

(Съ итальянскаго.)

I.

Ученымъ, докторскимъ дипломомъ
Дорогу въ жизни проложу-ль?
Нѣтъ, проглоти хоть томъ за томомъ,
А межъ людей все вышелъ нуль.
Изъ школьныхъ стѣнъ идемъ мы смѣло
И—вдругъ каменья на пути:
Увы! отъ слова и до дѣла
Не такъ легко теперь дойти.

II.

Я, признаюсь, любилъ уроки,
Но не съ каѳедры слушать... нѣтъ!—
Мы не должны быть такъ жестоки
Къ проказамъ нашихъ юныхъ лѣтъ.

Уставъ отъ лекцій педагога,
Какъ не развлечься, наконецъ?
Быть можетъ вѣтреннымъ немного
И патентованный мудрецъ!..

III.

Костюмъ студенческій мнѣ дорогъ,
Какъ нашъ студенческій кружекъ,
Гдѣ съ словомъ *ты*, безъ оговорокъ,
Являться смѣло каждый могъ.
Теперь насъ жизнь свела съ развратомъ,
Ложь поселилась въ нашу грудь;
„Вы“ говоримъ мы предъ собратомъ
Его сбираясь обмануть.

IV.

Въ нашъ вѣкъ пустой банкирскихъ сдѣлокъ,
Мѣщанской, пошлой суеты,
Стыдъ бѣдняка казался мелокъ
Намъ, честнымъ дѣтямъ нищеты.
Мы нищету сносили твердо,
Терпѣли голодъ мы не разъ
И локти прорванные гордо
Всѣмъ выставляли на показъ.

V.

Гдѣ-жъ вечера и наши споры,
Дни безъ волненій и заботъ,
Насмѣшки, шутки, разговоры
Подъ градомъ тысячи остротъ?
О, позабуду-ли тѣ годы,
Когда такъ весело жилось:

Мы не терзали ради моды
Ни убѣжденій, ни волосъ.

VI.

Сократы юные! Куда же
Васъ разбросала жизнь сама?
Иной — сталъ плутомъ гнусной кражи,
Иной — совсѣмъ спрыгнулъ съ ума...
И грустны такъ примѣры эти,
Что я воскликну: правый Богъ!
Устрой, чтобъ мы на этомъ свѣтѣ
Не заживались лишній срокъ.

VII.

Такъ пусть же смѣхъ стучиться въ двери,
Пусть въ лаврахъ спитъ ученый міръ:
Пусть будетъ такъ, по крайней мѣрѣ,
Сегодня — книги, завтра — пиръ.
Пора жъ упрекамъ прекратиться,
Пора бы всѣмъ давно понять,
Что юность любитъ веселиться,
А старость — любитъ поворчать.

VIII.

А вы, сухіе моралисты
Судите насъ уже потомъ:
Вы сами на руку нечисты
И только мыслите о томъ,
Кому-бъ продать свою душенку
И, честь отдавъ за барыши,
Другъ передъ другомъ въ перегонку
Съ живыхъ и мертвыхъ драть гроши.

IX.

Мнѣ краше жизнь такого рода:
Сигара, пуншъ у камелька,
Порой — проказа съумазброда
Подъ самымъ носомъ дурака.
Люблю, порою, бить баклуши,
Работать не по ремеслу
Иль вдругъ классическія уши
Приставить важному ослу.

X.

Я въ этомъ каюсь по охотѣ,
Но все, что слушая молву,
Вы съумазбродствомъ назовете,
Я — добрымъ дѣломъ назову.
Повѣрьте тотъ, кто смѣхъ порочитъ,
Въ комъ есть надутость, чванство есть,
Тотъ въ тайнѣ непремѣнно хочетъ
Кому-нибудь на шею сѣсть...

XI.

Гдѣ-жъ вы теперь? Вы разжирѣли,
Въ грязи ползли изъ-за чиновъ;
И честь и стыдъ забыть умѣли
Подъ грязной маскою лгуновъ;
А мы, — безумцы! — по прихожимъ
Мы не сгибаемся въ кольцо,
Не льстимъ балованнымъ вельможамъ
И смотримъ бодро всѣмъ въ лицо.

XII.

Вы — фарисеи и пролазы,
Которыхъ міръ давно постигъ:

Отъ васъ бѣгутъ, какъ отъ заразы,
Держа на привязи языкъ.
А мы — любимы всѣмъ народомъ,
Намъ каждый руку подаетъ, —
Такъ лучше быть ужъ съумазбродомъ —
Ну, съумазбродъ, такъ съумазбродъ...

ВОЛКИ.

(Изъ „Deutschland“ — Гейне.)

Темной ночью тащился по лѣсу рыдванъ;
Вдругъ повозка треща закачалась,
Колесо соскочило. Мы стали. Бѣда
Мнѣ забавной совсѣмъ не казалась.

Почтальонъ убѣжалъ деревеньку искать
И одинъ я въ лѣсу оставался;
А отвсюду кругомъ въ эту темную ночь
Несмолкающій вой раздавался.

Изморенные голодомъ, пасти раскрывъ,
Это волки въ лѣсу завывали
И во мракѣ ночномъ ихъ глаза, какъ огни,
Межъ деревьевъ, порою, сверкали.

Вѣроятно, они о прибытьи моемъ
Услыхавъ, поднимаютъ тревогу,
Заливаются хоромъ и сотнями глазъ
Освѣщаютъ пришельцу дорогу.

Серенаду такую я понялъ: они
Торжество мнѣ устроить желали.
Я въ позицію сталъ, чтобъ привѣтствовать ихъ
И слова мои чувствомъ звучали:

—„Сотоварищи волки! Я счастливъ межъ васъ,
Гдѣ встрѣчаю радушія знаки,
Гдѣ такъ много прямыхъ, благородныхъ сердецъ
Мнѣ сочувственно воютъ во мракѣ.

Словъ не знаю, чтобъ выразить чувства мои,
Благодарность моя безконечна...
Для меня, о друзья, эта дивная ночь
Незабвенной останется вѣчно!..

Я сочувствіе ваше, повѣрьте, цѣню,
Вы его мнѣ давно доказали—
Въ дни иные моихъ испытаній и бѣдъ
И въ годину глубокой печали.

Сотоварищи волки! Во мнѣ никогда
Не могли еще вы сомнѣваться
И словамъ негодяевъ не вѣрили вы —
Будто сталъ я съ собаками знаться.

Будто я измѣнилъ и въ овчарню войду
Я надворнымъ совѣтникомъ скоро...
Отвѣчать на подобную гнусную ложь
Я считалъ всегда верхомъ позора.

Прикрывался, порою, я шкурой овцы
Лишь за тѣмъ, что она согрѣвала,
Но о счастьѣ овечьемъ мечтать я не могъ:
Это счастье меня не плѣняло.

Я не песъ, не надворный совѣтникъ, пока
И овцой никому не казался...
Это сердце и зубы—закала волковъ,
Я былъ волкомъ и волкомъ остался.

Я былъ волкомъ и имъ остаюсь навсегда,
Стану выть я по волчьи съ волками...
Да, намъ небо поможетъ!... Лишь вѣрьте въ меня
И себя защищайте клыками"...

Такъ экспромтомъ съ волками витійствовалъ я.
Эту рѣчь, выраженія эти
Озадаченный Кольбъ поспѣшилъ не спросясь
Напечатать въ какой-то газетѣ.

НОЧНАЯ БЕСѢДА.

(*Изъ Гейне.*)

Я стоялъ свѣтлой ночью на Рейнскомъ мосту
И съ него въ этотъ часъ предо мною
Открывался старинный пріятель мой Рейнъ,
Озаренный полночной луною.

— „Здравствуй, батюшка Рейнъ! Какъ живешь
ты теперь?
Я давно ужь съ тобой не видался
И не разъ въ одиночествѣ, съ тайной тоской
Я къ твоимъ берегамъ порывался“.

Говорилъ я—и слышу: въ рѣчной глубинѣ,
Посреди водянаго журчанья,
Раздается то старческій кашель, то гулъ,
То несдержанный вздохъ, то ворчанье:

— „А, здорово, мой милый! Спасибо, что ты
Не забылъ эти синія воды...
Лѣтъ тринадцать прошло, какъ не видѣлись мы:
Я прескверно провелъ эти годы.

„Въ Биберихѣ я много камней проглотилъ
И, хоть вкусъ отвратительный въ камнѣ,
Но стихами тяжелыми Беккеръ Никласъ
Еще больше надѣлалъ вреда мнѣ.

„Онъ въ стихахъ увѣряетъ, что будто бы я
Цѣломудріемъ дѣвы плѣняю,
И свою непорочность съ румянцемъ стыда
И до нынѣ еще охраняю.

„Эту пошлую пѣсню услышу теперь
И—готовъ свою бороду рвать я,
Самъ въ себѣ я тогда утопиться готовъ,
Утопиться съ словами проклятья.

„На невинную дѣву я мало похожъ,
Всѣ французы давно это знали:
Не они ли когда-то въ былые года
Эти воды не разъ оскверняли?

„Пѣсню пошлую выдумалъ этотъ пошлякъ!
Эта пѣсня мой слухъ оскорбила,
И при томъ въ политическомъ морѣ она
Недостойно меня очернила.

„И когда къ намъ французы вернутся опять,
Мнѣ краснѣть передъ ними придется,
Мнѣ, который давно ужь съ слезами въ глазахъ
Возвращенья ихъ ждетъ не дождется.

„Мнѣ французики были всегда по душѣ.
Какъ живутъ теперь эти малютки?
Также-ль прыгаютъ въ бѣлыхъ штанишкахъ
своихъ?
Тѣ же-ль пѣсни, забавы и шутки?

„Я теперь бы съ охотой ихъ всѣхъ повидалъ.
Не могу лишь подумать безъ злости,
Что по милости пѣсни проклятой меня
Могутъ на смѣхъ поднять эти гости.

„И Альфредъ де-Мюссе,—онъ сорви-голова
И лихой барабанщикъ ихъ роты,—
День и ночь барабанить начнетъ предо мной
Ядовитыя, злыя остроты!“

Такъ въ ту ночь предо мной, упрекая судьбу,
Въ горькихъ жалобахъ Рейнъ изливался,
Но его успокоить я тотчасъ спѣшилъ
И утѣшить бѣднягу старался.

— „О, небойся французовъ, ты, батюшка Рейнъ,
Шутки ихъ мы давно позабыли...
Нѣтъ, они ужъ не тѣ, какъ въ минувшіе дни,
Ихъ въ другія штаны нарядили.

„И не бѣлыя—красныя носятъ штаны,
Даже пуговки прежнія сняли;
Рѣзвыхъ танцевъ и пѣсенъ кругомъ не слыхать,
Только головы никнутъ съ печали;

„Лишь о Кантѣ, о Гегелѣ спорятъ они,
Всѣ глядятъ въ мудрецы записные,
Такъ же курятъ табакъ, пиво кружками пьютъ,
Даже въ кегли играютъ иные.

„Какъ и мы, филистерами стали они,
Да, пожалуй, и насъ перегнали:
Ихъ скорѣе теперь увлечетъ Генстенбергъ,
А Вольтера какъ будто не знали.

„А Альфредъ де-Мюссе хоть сорви-голова
И острякъ очень ловкій, положимъ,
Но не бойся напрасно: его язычекъ
Удержать мы на привязи можемъ.

„Если жъ онъ барабанить начнетъ и острить,
Мы въ долгу оставаться не будемъ:
О его приключеньяхъ любовныхъ тогда
Пропоемъ свою пѣсенку людямъ.

„Не тужи и забудь же ты, батюшка Рейнъ,
Пошлой пѣсни безсильное слово:
Скоро лучшую пѣсню услышишь, старикъ...
Такъ прощай же!.. увидимся снова“...

БАЛЪ.

ПОЭМА

АЛЬФРЕДА ДЕ-ВИНЬИ.

Еще не смолкли флейты звуки
И арфы слышится напѣвъ,
Веселый вальсъ сплетаетъ руки
Довольныхъ юношей и дѣвъ.
Мелькали группы въ бальной залѣ,
Толпа безпечно весела
И въ яркомъ блескѣ отражали
Парадныхъ комнатъ зеркала —
Газъ, ленты, бархатъ, фермуары,
Нарядъ скользившихъ въ залѣ дамъ
И вкругъ танцующія пары
То здѣсь свивалися, то тамъ.

Упоена движеньемъ бала
Кружилась жрица красоты
И изъ кудрей своихъ цвѣты
Роняя въ вальсѣ, ихъ топтала.
Гремитъ оркестра стройный хоръ...
Склонясь къ рукѣ, она мелькаетъ
И въ утомленьи опускаетъ
Въ разбѣгѣ танца робкій взоръ.

На балъ! на балъ! Сіяетъ зала...
Спѣшите: кратокъ счастья срокъ.
Ужъ подалъ знакъ къ началу бала,
Подъ звуки музыки, смычокъ.

Танцуйте! Въ волосы вплетайте
Вѣнкомъ душистыя цвѣты
И по паркету пролетайте
Въ круженьи общей суеты.
Танцуйте! строгія дуэньи
Васъ завтра въ лѣни упрекнутъ,
Работы ваши, безъ сомнѣнья,
Изъ рукъ усталыхъ упадутъ.
Иголку бросивши на пяльцы,
Вы съ скукой встрѣтитесь опять
И по клавишамъ ваши пальцы
Не вѣрно будутъ пробѣгать.
Танцуйте! Утромъ, послѣ бала,
Возьмете въ руки книгу вы,
Но въ ней,—васъ книга тѣшитъ мало,—
Вамъ не прочесть одной главы.—
Мелькаютъ строчекъ вереницы...
Грудь поднимается слегка
И отъ нечитанной страницы
Мысль ваша будетъ далека:
Она васъ носитъ въ бальной сферѣ

И дразнитъ и уноситъ прочь...
Старайтесь же, по крайней мѣрѣ,
Продлить по-дольше эту ночь.

Танцуйте! въ пляскѣ беззаботной
Съ лица гоните скуки тѣнь:
За этой ночью мимолетной
Настанетъ длинный, длинный день.
Оркестра тающіе звуки —
Замрутъ,—настанетъ тишина,
Придутъ часы холодной скуки
На смѣну радужнаго сна.
Танцуйте! Жизнь зоветъ къ веселью!
Обвейтесь въ блонды, въ газъ и шолкъ,
Пока надъ дѣтской колыбелью
Васъ не склонилъ священный долгъ
И первый дѣтскій крикъ малютки
Къ иному жребію не звалъ,—
Тогда прости — и пышный балъ,
И блескъ, и шумъ, и смѣхъ, и шутки,
И бальный праздничный нарядъ,—
И лишь въ часы уединенья,
Минувшимъ днямъ бросая взглядъ,
Давно прожитыя мгновенья,
И бальный блескъ, и увлеченья,
И первый юности любовь
Съ улыбкой вспомните вы вновь.
Жена и мать!.. Иныя цѣли
Она преслѣдовать должна,
Она у дѣтской колыбели
Сидитъ, заботамъ предана,
И свѣта шумъ не опьяняетъ
Ея склоненной головы
И бальный грохотъ долетаетъ
Къ ней на крылахъ одной молвы.

Танцуйте же подъ эти звуки,
Надѣвъ прозрачный свой нарядъ!
Сплетайте розовыя руки!
Пусть жжетъ огнемъ вашъ яркій взглядъ,
И пусть подъ этотъ бальный ропотъ,
Въ пылу забавъ, въ пылу утѣхъ,
Неумолкаетъ звонкій смѣхъ
И затаенный, тихій шопотъ...

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

(*Изъ Томаса Гуда.*)

(*Посвящ. И. И. Дмитріеву.*)

Въ лохмотьяхъ нищенскихъ, измучена работой,
Съ глазами красными, опухшими безъ сна,
Склонясь сидитъ швея и все поетъ она
И пѣсня та звучитъ болѣзненною нотой.
Поетъ и шьетъ, поетъ и шьетъ,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
Въ грязи и холодѣ, въ сыромъ своемъ углу,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая:

„Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока пѣтухъ вдали кричать не станетъ;—
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока хоръ звѣздъ сквозь крышу не проглянетъ.

О, лучше бъ быть рабой у Турковъ мнѣ
И отъ работы тяжкой задохнуться:
Вѣдь въ ихъ не-христіанской сторонѣ
Язычники о душахъ не пекутся!...

„Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока твой мозгъ больной не станетъ расплываться,
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока глаза твои совсѣмъ не помутятся.
Переходи отъ ластовицы къ шву...
Швы, складки, пуговки и строчки...
Работу сонъ смѣнилъ, но словно на яву
Я и въ тревожномъ снѣ все вижу шовъ сорочки.

„О, вы, которыхъ жизнь тепла такъ и легка,
Вы, грязной нищеты не вѣдавшіе люди —
Вы не бѣльемъ прикрыли ваши груди,
Нѣтъ, не бѣльемъ, но жизнью бѣдняка.
Во тмѣ и холодѣ, чужая людямъ, свѣту,
Сиди и шей съ склоненной головой...
Когда нибудь, какъ и рубашку эту,
Сошью сама себѣ я саванъ гробовой.

„Но для чего теперь я вспомнила о смерти?
Она-ли устрашитъ разсудокъ бѣдный мой?
Вѣдь я сама похожа такъ,—повѣрьте,—
На этотъ призракъ страшный и нѣмой.
Да, я сама на эту смерть похожа.
Всегда голодная, вѣдь я едва жива...
За чѣмъ же хлѣбъ такъ дорогъ, правый Боже,
А кровь людей повсюду дешева?

„Работай, нищая, не вѣдая истомы,
Работай безъ конца! Твой трудъ всегда съ тобой,
Твой трудъ вознагражденъ: кровать есть изъ соломы,
Лохмотья грязныя, да черствый хлѣбъ съ водой,

Прогнившій, ветхій полъ, и потолокъ съ дырою,
Разбитый стулъ, подобіе стола,
Да стѣны голыя; казалось мнѣ, порою,—
Съ нихъ даже тѣнь моя свалиться бы могла...

„Сиди и шей и спину гни,
Съ работы не сводя взоръ тусклый, утомленный...
Сиди и шей и спину гни,
Какъ спину гнетъ въ тюрьмѣ преступникъ заключенный.
Сиди и шей;—работа не легка,—
Работай—день. работай—ночь настанетъ,
Пока разбитый мозгъ безчувственнымъ не станетъ,
Какъ и моя усталая рука.

„Работай въ зимній день безъ солнечнаго свѣта,
Не покидай иглы, когда настанутъ дни,
Дни благовоннаго ликующаго лѣта...
Сиди и шей и спину гни,
Когда на зелени появятся росинки
И гнѣзда ласточки свиваютъ у окна
И блещутъ при лучахъ ихъ радужныя спинки
И въ уголъ твой врывается-весна.

„О, если бъ я могла, вонъ тамъ, надъ головою
Увидѣть небеса безъ темныхъ облаковъ,
Увидѣть пышный лугъ съ зеленою травою,
Могла упиться запахомъ цвѣтовъ —
И бѣлой буквицы и розы бѣлоснѣжной,—
То этотъ краткій часъ я помнила всегда,
Узнала бы вполнѣ я цѣну скорби прежней,
Узнала бъ, какъ горька безсмѣнная нужда.

„За часъ одинъ, за отдыхъ самый краткій,
Неблагодарною остаться я могла-ль?

Вѣдь мнѣ, истерзанной холодной лихорадкой
Понятна лишь одна безмолвная печаль.
Рыданье, говорятъ, намъ сердце облегчаетъ,
Но будьте сухи вы, усталые глаза,
Не проливайте слезъ: работѣ помѣшаетъ
Мной каждая пролитая слеза...“

Въ лохмотьяхъ нищенскихъ, измучена работой,
Съ глазами красными, опухшими безъ сна,
Склонясь сидитъ швея и все поетъ она,
И пѣсня та звучитъ болѣзненною нотой.
Поетъ и шьетъ, поетъ и шьетъ,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
Въ грязи и холодѣ, въ сыромъ своемъ углу,
Поетъ и шьетъ она, спины не разгибая.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ БЛЮДО.

(Повѣсть изъ римской жизни.)

Лишь ночь смѣнилася денницей,
На площадяхъ запѣлъ народъ:
„Гитонъ, богатый нашъ патрицій
Сегодня праздникъ задаетъ“...
У входа пышняго чертога,
Гдѣ старый нищій, павши ницъ,
Ждалъ подаянья у порога,
Запружена кругомъ дорога
Рядами гордыхъ колесницъ.
На приглашенный пиръ Гитона
Подъ звуки флейтъ въ условный срокъ
Вся знать великаго Нерона
Сошлась въ сіяющій чертогъ.
Въ туникахъ розовыхъ мелькали
Любимцы римскаго двора...
Рабы колонны увивали

Цвѣтами съ самаго утра.
Льетъ благовонья коллонада...
Въ тѣни аркадъ, гдѣ плющъ виситъ,
Съ лозой живаго винограда
Статуя Бахуса стоитъ.
На пьедесталѣ поднимался
Пріапа мраморный кумиръ...
Подъ грохотъ трубный раздавался
Звукъ сладострастно-нѣжныхъ лиръ.

По знаку римскаго вельможи
Зажглась и амбра и смола
И вотъ на пурпурное ложе
Ложатся гости вкругъ стола.
Роскошныхъ яствъ дымятся груды...
Неуловимы для пера
Трапезы тонкія причуды...
Блестятъ коринѳскіе сосуды
Межъ чашъ литыхъ изъ серебра.
Плоды съ душистой ѳивской нивы
Румянцемъ нѣжнымъ дразнятъ глазъ
И ароматъ сирійской сливы
Смѣшался съ запахомъ колбасъ.
Раскрыты стройныя амфоры,
Бѣжитъ фалернское вино
И сатурналій просятъ взоры,
Имъ распаленные давно.
Вотъ всталъ одинъ. То былъ патрицій,
Съ кудрями нѣжными, какъ ленъ,
Какъ солнце въ небѣ, розолицый.
Поднявши чашу къ верху, онъ
Сказалъ, какъ истинный римлянинъ:
„Къ чему виномъ мутимъ мы кровь?
„Безъ женщинъ пиръ—и дикъ и страненъ:
„Въ слѣдъ за виномъ идетъ любовь...

„Триѳены нѣтъ!.. Гдѣ ты, гетэра?
„Мы просимъ, ждемъ твоихъ оковъ...
„На праздникъ Бахуса Венера
„Всегда сходила съ облаковъ“.
Умолкъ—и взрывъ рукоплесканья
Гремитъ въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ,
Не прерывая лишь молчанья
Сидѣлъ одинъ Амфитріонъ.
Но всталъ и онъ... Умолкли хоры
И смолкъ гостей блестящій рядъ;
Надъ головой поднявъ амфоры
Рабы недвижные стоятъ.
— „Я угощу васъ нынче чудомъ!..“
Амфитріонъ тогда сказалъ:
Съ серебрянымъ, огромнымъ блюдомъ
Два эфіопа входятъ въ залъ.
— „Снимите крышку!“
И оттуда
Она снята. Толпа глядитъ:
Среди серебрянаго блюда
Тиѳена голая лежитъ.
Ткань драгоцѣнная не смѣла
Мѣшать въ тріумфѣ красотѣ
И бѣломраморное тѣло
Сверкало въ полной наготѣ.
При кликахъ вспрянула гетэра
И оживила шумный пиръ:
Такъ точно нѣкогда Венера
Изъ пѣны волнъ явилась въ міръ.

Эпилогъ.

Свершилась римская причуда,
Гетэра съ праздника ушла,
Но и серебряное блюдо
Домой съ собою увезла.

ПРЕРВАННЫЕ КУПЛЕТЫ.

Безъ страха писать я начну
Цензурныя, скромныя строчки,
Когда жъ очень смѣло шагну—
Опомнюсь и выставлю... точки.

Однажды,—кончалась весна,—
Въ убогомъ своемъ уголочкѣ
Я жадно читалъ у окна...
Позвольте поставить здѣсь точки.

Случайно я поднялъ глаза,
Смотрю: въ бѣлоснѣжной сорочкѣ
Сосѣдка, гибка, какъ лоза...
Позвольте поставить здѣсь точки.

Посредствомъ различныхъ проказъ
И писемъ на гладкомъ листочкѣ

Достигъ я, какъ новый Ловласъ...
Позвольте поставить здѣсь точки.

Чрезъ мѣсяцъ я былъ съ ней знакомъ
И, въ страсти боясь проволочки,
Разъ, вечеромъ темнымъ, тайкомъ...
Позвольте поставить здѣсь точки.

За тѣмъ каждый день къ воротамъ
Она выбѣгала въ платочкѣ,
Мы вмѣстѣ сходились, а тамъ...
Позвольте поставить здѣсь точки.

Но тутъ приключилась бѣда,
Мнѣ горько писать эти строчки,—
Я сталъ примѣчать иногда...
Позвольте поставить здѣсь точки.

Мной было уже рѣшено
Жениться на ней безъ отсрочки.
Какъ вдругъ неожиданно... но,
Позвольте поставить здѣсь точки.

Пѣвцы! вотъ вамъ добрый совѣтъ:
Держите языкъ на цѣпочкѣ,
А если сорвется куплетъ...
Позвольте поставить здѣсь точки.

ДВОЕ.

Я слушалъ бесѣду двухъ старцевъ въ гостиной,
Мой басъ превратился въ дискантъ:
Одинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
Другой—генералъ-лейтенантъ.

Внимая рѣчамъ ихъ, забился я въ уголъ
И дергалъ на галстухѣ бантъ...
Одинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
Другой—генералъ-лейтенантъ.

Профессоръ мой мудрый! Припомнилъ тебя я,
Но ты передъ ними педантъ...
Одинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
Другой—генералъ-лейтенантъ.

Они порицали нашъ вѣкъ развращенный,
„Что дѣлать?“, Прудона, Жоржъ-Зандъ...

Одинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
Другой—генералъ-лейтенантъ.

И думалъ я, слушая старцевъ бесѣду:
Что, люди, вашъ умъ и талантъ?
Одинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
Другой—генералъ-лейтенантъ.

ДОБРЫЙ МАЛЫЙ.

I.

Горжусь я, что во мнѣ
Плебейской крови нѣтъ.
По деньгамъ, по роднѣ
Попалъ я въ высшій свѣтъ.
Хоть бродитъ слухъ одинъ,
Что мать мою когда-то
Какой-то мѣщанинъ
Любилъ не очень свято, —
Что, говорятъ, потомъ...
Я умолчу о томъ.

II.

Я въ школѣ былъ хитеръ:
Товарищей кружекъ
Затѣялъ заговоръ,
Но строгій педагогъ,
Услыша мой доносъ,

За то далъ листъ похвальный,
Хоть въ школѣ быть пришлось
Мнѣ жертвою печальной
И... умолчу о томъ,
Что я терпѣлъ потомъ.

III.

Отецъ мой былъ богатъ.
Но жилъ всегда въ обрѣзъ;
Отецъ былъ скуповатъ,
Я—жить любилъ какъ Крезъ.
Съ досады у отца
Я ключъ укралъ въ кроватѣ
Отъ крѣпкаго ларца
И, ночью, вставъ, въ халатѣ....
Но умолчу о томъ,
Что сдѣлалъ я потомъ.

IV.

Мнѣ нравилась одна
Купеческая дочь
И съ ней,—вѣдь страсть сильна,—
Сойтись я былъ не прочь,
Но братъ ея старикъ
Поймалъ меня въ бесѣдкѣ,
Сбилъ на-землю, мужикъ,
И я въ одной жилеткѣ....
Я умолчу о томъ,
Что сдѣлалъ онъ потомъ.

V.

Случайно подъ хмѣлькомъ
Соврать случилось мнѣ,

Что я хожу тайкомъ
Къ пріятеля женѣ.
Ревнивый мужъ узналъ
И въ обществѣ однажды,—
Смотрѣлъ на насъ весь залъ,—
Меня рѣшился дважды....
Я умолчу о томъ,
Что сдѣлалъ онъ потомъ.

VI.

Я не платилъ долговъ.—
Великая бѣда!—
Ходить безъ сапоговъ
Не могъ я никогда.
Пошла кругомъ молва,
Лишить хотятъ наслѣдства,
Но старая вдова
Мнѣ предложила средство...
И—умолчу о томъ,
Что сдѣлалъ я потомъ.

VII.

Шла дама.—„Обниму,
Хотите раза три?“
Кричатъ: „куда ему!“
И — я держалъ пари,
Схватилъ ее слегка
За шелковыя складки,
Но вдругъ ея рука
Въ затянутой перчаткѣ...
Я умолчу о томъ,
Чѣмъ кончилось потомъ.

VIII.

Все въ мірѣ—трынъ-трава,
А совѣсть—нищихъ кладъ.
Еще мнѣ жизнь нова:
Я молодъ и богатъ,
А старость подойдетъ—
Не спрашивайте строго:
Какая въ жизни ждетъ
Потомъ меня дорога?
Чѣмъ буду я потомъ?...
Я не скажу о томъ.

МОДНЫЙ ВРАЧЪ.

Въ гостиныхъ пышныхъ, на балахъ,
Гдѣ блескъ, и свѣтъ, и ароматъ,
Служить идеѣ.... на словахъ
Я очень радъ, я очень радъ!
Но все, что вздумалось сказать—
Потомъ съ ребячествомъ точь въ точь
На дѣлѣ въ жизни доказать...
Подите прочь, подите прочь!

Кончая стразбургскій пирогъ,
Болтать о томъ, что меньшій братъ
Несчастливъ, бѣденъ и убогъ —
Я очень радъ, я очень радъ!
Когда жъ плебей зарвется въ споръ
И воду вздумаетъ толочь—
Чтобъ я вступилъ съ нимъ въ разговоръ?!..
Подите прочь, подите прочь!

Въ почетной должности врача,
Въ покояхъ княжескихъ палатъ
Лечить больнаго богача—
Я очень радъ, я очень радъ!..
Когда жъ какой нибудь бѣднякъ
Зоветъ меня взглянуть на дочь,—
Чтобъ я сталъ лазить на чердакъ?!..
Подите прочь, подите прочь!

Писать рецепты для княгинь,
Когда больны онѣ лежатъ
Среди батистовыхъ простынь—
Я очень радъ, я очень радъ!
Но если, — дерзость какова? —
За мной пришлетъ въ глухую ночь
Съ Песковъ убогая вдова...
Подите прочь, подите прочь!

Научный принципъ мой таковъ:
Лечи какъ практики велятъ,
И чтить систему стариковъ,
Я очень радъ, я очень радъ!
Но, чтобъ обставясь грудой книгъ,
Хандру и праздность превозмочь,
Чтобъ я въ науку глубже вникъ...
Подите прочь, подите прочь!..

Когда мнѣ платитъ за визитъ
Рублей.....ну, сорокъ, пятьдесятъ
Рукою щедрой сибаритъ—
Я очень радъ, я очень радъ,
Но даромъ пользовать людей,
Безъ платы нищему помочь—
Я не держусь такихъ идей...
Подите прочь, подите прочь!...

ПОДАЙТЕ СОДОВОЙ ВОДЫ.

О, Муза! Пѣсенъ не жалѣй!
Готовъ я биться о закладъ,
Что непремѣнно пригласятъ,
Насъ на столѣтній юбилей...
Прославлю я крѣпостниковъ,
Прославлю Общества труды...
(Жена! дай содовой воды
И не болтай мнѣ пустяковъ!)

Мнѣ уже чудится обѣдъ,
Парадный съѣздъ, бокаловъ звукъ...
Ко мнѣ простерты сотни рукъ
И, какъ обѣденный поэтъ,
Встаю... къ молчанью поданъ знакъ....
Я свѣтелъ, радостенъ, какъ май...
(Иванъ! жилетъ мнѣ вынимай
И юбилейный, чорный фракъ).

Цѣня принципъ газеты „Вѣсть“
И поднимая свой бокалъ,
Я не скуплюсь на рядъ похвалъ,
На поэтическую лесть.
Стихами липкими, какъ клей,
Я славлю силу высшихъ расъ...
(О, я предчувствую, сейчасъ
За мной пришлютъ на юбилей).

Умолкъ—и робости тоску
Я позабылъ въ короткій срокъ:
Летаютъ шляпы въ потолокъ,
Лятятъ салфетки къ потолку.
Мнѣ старцы шлютъ любезный взоръ,
Жметъ крѣпко руку важный мужъ...
(Но вотъ что странно... почему жъ
За мной не шлютъ до этихъ поръ?)

Стихи готовы... заучилъ
Я ихъ, какъ школьникъ дважды два.
Дрожу... кружится голова,
Но, чу! тамъ кто-то позвонилъ.
За мной идутъ... стою едва...
Живѣе, Ванька, дуралей!
(Ну, что? зовутъ на юбилей?
—Нѣтъ-съ, просятъ денегъ за дрова).

Ужель забытъ я ими? Нѣтъ,
Скорѣй сорвется съ оси міръ,
Зальется ядомъ весь эфиръ,
Чѣмъ я, обѣденный поэтъ,
На тотъ обѣдъ не попаду...
Тотъ юбилей теряетъ шикъ,
Гдѣ я не испускаю крикъ,
Какъ юбилейный какаду.

Такъ это правда, наконецъ?
О, Муза, плачь!... Плачь, Аполлонъ!
Вѣнка послѣдняго лишенъ,
Послѣдній лирикъ и пѣвецъ...
На юбилеѣ я не могъ
Прославить Общества труды!..
(*Подайте содовой воды*
И... дайте... носовой платокъ!)

Семейный очагъ.

Скучая жизнью холостою,
Я порѣшилъ разумно такъ:
„Чтобъ положить предѣлъ застою,
Вступлю-ка я въ законный бракъ“.
И вотъ я въ храмъ вошелъ съ невѣстой.
Хоть послѣ брачнаго вѣнца
Я не нашолъ невѣсту Вестой,
Но былъ съ ней нѣженъ безъ конца:
Шесть дней мы дѣлали визиты,
Подъ солнцемъ жарились, въ пыли...
О, Гименей! повѣрь: вблизи ты
Не такъ хорошъ, какъ издали.

Я отвлекался отъ работы,
По воскресеньямъ ждалъ насъ тесть,
Къ двумъ теткамъ ѣздили въ субботы,
Во вторникъ вечеръ гдѣ-то есть.

Сестра жены открыла среды,
У насъ открылись четверги.
Балы, концерты и обѣды...
Отъ очага хоть вонъ бѣги!..
Передъ женой средь разной свиты
Казался ниже я земли...
О, Гименей! повѣрь, вблизи ты
Не такъ хорошъ, какъ издали.

На пятый мѣсяцъ послѣ свадьбы
Жена мнѣ сына родила.
Иной, пожалуй, сталъ ругать-бы,
Но мнѣ наука помогла.
Своимъ роднымъ твердилъ весь день я:
(Они всѣ подняли скандалъ)
—„Въ природѣ самозарожденье
Одинъ ученый доказалъ“...
Но все жъ мечты мои разбиты,
Рѣкою слезы потекли...
О, Гименей! повѣрь, вблизи ты
Не такъ хорошъ, какъ издали.

Трудился я по долгу службы,
Жена же—дѣлала долги
И,—унижаться мнѣ къ чему жъ бы?
Одну мнѣ роль дала—слуги.
Иной нахалъ въ моемъ же домѣ
Въ глаза смѣяться мнѣ готовъ,
А отъ жены нѣтъ слова, кромѣ...
Не повторю всѣхъ этихъ словъ.
Такъ, къ счастью двери мнѣ закрыты,
Скорѣй бы годы протекли...
О, Гименей! повѣрь, вблизи ты
Не такъ хорошъ, какъ издали.

ПѢСНЯ О КЛУБѢ.

I.

Слѣдя за всѣмъ невольно,
Я сталъ прогресса другъ,
Стою я за Линкольна
И порицаю „Югъ“.
Я съ Фогтомъ солидаренъ,
Что негръ есть человѣкъ,—
Но все таки я баринъ
И въ прогрессивный вѣкъ.
Нѣтъ, гоноръ въ насъ не вымеръ,
Я врагъ подобныхъ сценъ,
Что въ клубъ мой камердинеръ
Является, какъ членъ.
Мальчишкамъ только любо
Хоть этимъ насъ дразнить...
„Служительскаго клуба“
Нельзя переносить...

II.

Лакей мой—въ клубѣ членомъ!...
Завоешь тутъ, какъ звѣрь:
Вѣдь эдакъ на землѣ намъ
И жить нельзя теперь.
Положимъ, я гуманенъ,
Но это вонъ изъ рукъ...
Обычай новый страненъ —
Открыли клубъ для слугъ
Съ квартирой въ бель-этажѣ...
Придетъ и та пора,
Что клубъ откроютъ даже
И наши кучера.
Невольно крикнешь грубо:
Эй, *ты*, Петрушка! хамъ!..."
Служительскаго клуба
Бояться нужно намъ.

III.

Я нанялъ „человѣка".
Вотъ праздникъ настаетъ,
(О, тутъ одинъ Громека
Гнѣвъ честный мой пойметъ!..)
Въ дворянское собранье
Сбираюсь на концертъ,
Смотрю (забылъ и брань я)
Одѣтый, словно фертъ,
Слуга мой, — что за нравы! —
Взялъ шляпу и пальто.
— Любезнѣйшій, куда вы? —
— „Я-съ въ клубъ, играть въ лото..."
Вѣдь будь тутъ крѣпче дуба,
А какъ не обругать!...

Служительскаго клуба
Нельзя не проклинать.

IV.

Подъ вечеръ захворала
На дняхъ моя жена,
За горничной послала:
Нѣтъ Любы. Гдѣ она?..
Жизнь эта — хуже ада!..
Прислуживай хоть самъ:
За бабкой съѣздить надо,
Купить киндербальзамъ;
Съ супругой перебранка...
Какъ баньщикъ, я усталъ...
Вернулась въ ночь служанка,
Одѣта, какъ на балъ.
Я къ ней: — Откуда, Люба?
— „Изъ клуба", — былъ отвѣтъ...
Служительскаго клуба
Повсюду чуешь слѣдъ.

V.

Давно ужь всѣ признали —
Не нужно въ томъ порукъ, —
Намъ мѣсто — въ клубной залѣ,
Въ прихожей — мѣсто слугъ.
Я прессѣ благодаренъ
За множество идей,
А все таки я баринъ
Для всѣхъ своихъ „людей".
Но въ вѣкъ нашъ беззаботный
Жизнь вовсе не строга:
Дворяне — въ „переплетной",

А въ клубѣ — ихъ слуга.
И я твержу сквозь зубы,
Исполненный заботъ:
Когда же будутъ клубы
Лишь для однихъ „господъ?“

НЕ ВѢРЬТЕ НИКОМУ.

Повсюду счастье разлито,
Заботъ не вѣдаетъ никто,
Повѣрьте вы тому!
А если слышали про то,
Что раззоряетъ всѣхъ лото —
Не вѣрьте никому!

Отлично свѣтитъ намъ Шандоръ:
На свѣтлыхъ улицахъ — просторъ —
Повѣрьте вы тому!
И только злые языки
Кричатъ, что давятъ рысаки:
Не вѣрьте никому!

Насъ поучаетъ рядъ газетъ,
Родимой прессы лучшій цвѣтъ —
Повѣрьте вы тому!

И хоть про „Голосъ“ говорятъ,
Что онъ юлитъ, какъ ретроградъ...
Не вѣрьте вы тому!..

У насъ есть клубы—счетомъ пять,
Гдѣ насъ умѣютъ развлекать —
Повѣрьте вы тому!
Но что актрисъ выводятъ тамъ,
О людяхъ судятъ по лѣтамъ —
Не вѣрьте вы тому!..

Хоть что тамъ критикъ не пиши,
Артисты наши хороши —
Повѣрьте вы тому!..
Не вѣрьте слухамъ на ходу,
Не вѣрьте общему суду —
Не вѣрьте никому!

Въ Москвѣ свой Маріо — Сѣтовъ,
У насъ Бетховенъ свой — Сѣровъ —
Повѣрьте вы тому!
Летите въ оперу стремглавъ
И, какъ сказалъ самъ Ростиславъ, —
Не вѣрьте никому!..

ПРОПУСТИТЕ!..

Это слово въ разномъ смыслѣ
Повторяется у насъ,
Выраженье новой мысли
Принимая каждый разъ.

Въ массѣ черни важнымъ беемъ
Выступая, сибаритъ
Повелительно плебеямъ:
„Пропустите!“ говоритъ.

Подводя гостей къ закускѣ
И, принявши сладкій видъ,
Имъ хозяинъ самъ по русски:
„Пропустите!“ говоритъ.

Дописавши строчки эти,
Я сомнѣніемъ горю
И въ Цензурномъ Комитетѣ:
„Пропустите!“ говорю.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ.

Есть престранный на свѣтѣ народъ.
Или я ужъ такой идіотъ,

Иль тѣ люди особой закалки,
Но они мнѣ рѣшительно жалки.

Всѣ простыя явленія дня,
Все, что только забавитъ меня,

Обыденныя встрѣчи и сцены
Въ нихъ всю желчь поднимаютъ до пѣны.

Жизнь для нихъ невозможна безъ драмъ,
Незамѣтныхъ ни мнѣ и ни вамъ,

И глядятъ они темною тучей...
Разскажу для примѣра здѣсь случай:

У меня есть пріятель одинъ,
Человѣкъ, какъ и всѣ: гражданинъ,

Не дерется съ женою и прачкой,
Но страдаетъ онъ той же болячкой

И не можетъ пройти двухъ шаговъ,
Не наткнувшись на новыхъ враговъ

И на сцены изъ страшныхъ трагедій,
Словно всѣ мы живемъ средь медвѣдей,

Словно міръ весь берлогою сталъ...
Съ нимъ по Невскому разъ я гулялъ.

Шла прогулка отлично вначалѣ:
Мы заглавія книжекъ читали

Въ Базуновскомъ зеркальномъ окнѣ;
Любовались, идя въ сторонѣ,

Этимъ пышнымъ проспектомъ столицы,
Гдѣ скользили роскошныя львицы;

Мы въ Пассажъ заходили въ буфетъ
Съѣсть отличный горячій пастетъ,

Но потомъ, за Аничкинымъ мостомъ,
Словно выросъ пріятель мой ростомъ,

Даже дрогнулъ, затрясся слегка,
Услыхавъ, что старикъ у лотка

Закричалъ: „*Продаются* газеты!“...
Другъ, сказалъ я, въ своемъ ли умѣ ты?

Здѣсь повсюду, любезный, повѣрь,
Продаются газеты теперь, —

Но сквозь шумъ экипажей и грохотъ
Раздался его бѣшеный хохотъ

И до дóму твердилъ онъ одно:
„*Продаются* газеты!...“ Смѣшно!

Въ каждомъ фактѣ по странной причудѣ
Ищутъ смысла другаго тѣ люди, —

Все по своему каждый пойметъ...
Безтолковѣйшій, право, народъ...

---

* * *

Въ кругу друзей у камелька
Усѣлся старичекъ
И льются рѣчи старика,
Какъ въ полѣ ручеекъ.
О прошлыхъ дняхъ онъ вспоминалъ,
Скрывая тайный вздохъ:
„Друзья! людей я умныхъ зналъ,
Хоть самъ былъ очень плохъ.
Карамзина я зналъ, какъ васъ, —
Не счесть его услугъ.
Хоть Николай Михайлычъ разъ
Сказалъ: „ты глупъ, мой другъ“.
Въ тѣ дни, скажу безъ дальнихъ словъ,
Извѣстность я стяжалъ:
Въ каррикатурахъ самъ Брюловъ
Меня изображалъ.
Я самъ ходилъ къ Ростопчиной,
Хотя меня потомъ,

Она, — нельзя жъ мѣшать больной! —
И не пускала въ домъ.
Въ одномъ пріятельскомъ кругу
Съ Жуковскимъ говорилъ:
Меня онъ принялъ за слугу
И квасу попросилъ.
Меня почтилъ своимъ стихомъ
Самъ Пушкинъ, нашъ пѣвецъ:
„Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ“... *)
Я позабылъ конецъ.
Меня обѣдать Дельвигъ ждалъ
И всѣхъ смѣшилъ до слезъ:
Изъ хлѣба шарики каталъ
И ихъ бросалъ мнѣ въ носъ.
Я съ Соколовскимъ **) вмѣстѣ пилъ.
Отличный былъ піитъ:
Меня однажды онъ прибилъ —
Ну, Богъ его проститъ.
Булгаринъ! Съ нимъ я до зари
Игралъ однажды въ вистъ...
Булгаринъ, что не говори,
Былъ честный публицистъ.
Самъ Грибоѣдовъ мнѣ сказалъ
Вотъ также у огня,
Что онъ Молчалина списалъ
Съ меня, друзья, съ меня!
Баронъ Брамбеусъ, какъ родной,
Снималъ мнѣ свой картузъ
И хоть смѣялся надо мной,
Но этимъ я горжусь.

---

*) Извѣстная эпиграмма Пушкина, которая кончается такъ:
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ — и слава Богу!

**) Покойный авторъ „Мірозданія“.

Я былъ съ Гоголемъ знакомъ
Цѣню такую роль:
Онъ какъ-то въ циркѣ каблукомъ
Мнѣ отдавилъ мозоль.
Когда хилѣя день отъ дня
Я ѣздилъ на Кавказъ,
Тамъ встрѣтилъ Лермонтовъ меня,
Обрызгалъ грязью разъ;
Любилъ трунить и Полевой,
Заставъ меня въ расплохъ...
Все это люди съ головой
И я предъ ними—плохъ.
Панаевъ былъ мой ученикъ,
Хоть говорятъ враги
Онъ осмѣялъ и мой парикъ
И съ скрыпомъ сапоги.
Теперь иныя времена,
Куда не погляжу
Вездѣ иныя имена
Въ журналахъ нахожу,
Но я ужъ старъ, почти безъ ногъ,
Знакомыхъ новыхъ нѣтъ
И даже я достать не могъ
Хоть Лейкина портретъ.

ОСЛИНАЯ УСЛУГА.

Древняя римская легенда.

Каждый годъ весь Римъ сходился
Для моленій къ Вестѣ въ храмъ,
И съ утра въ тотъ день курился
Предъ богиней ѳиміамъ.

Весь народъ и императоръ,
На колѣняхъ, говоря:
„Защити насъ, Vesta Mater!“
Падалъ ницъ у алтаря.

Дѣвы пламя охраняли...
Жглась душистая смола...
И плющемъ въ тотъ день вѣнчали
Стойло римскаго осла.

Чистой Весты изваянье
Жрецъ цвѣтами обвивалъ,
И старинное преданье
Цѣлый Римъ припоминалъ:

Разъ на званый пиръ къ Цибелѣ
Боги вѣчные сошлись, —
Кубки съ нектаромъ кипѣли,
Звуки лирные неслись...

Наполняла Геба чаши...
Межъ богинь была одна
Всѣхъ плѣнительнѣй и краше,
Всѣхъ роскошнѣй создана.

Поднялися боги съ мѣста,
Лишь подъ сладкій шепотъ лиръ,
Цѣломудренная Веста
Посѣтила шумный пиръ.

Весь Олимпъ влюбленъ въ богиню,
Весь Олимпъ предъ ней дрожалъ,
Самъ Нептунъ свою гордыню
Передъ Вестой забывалъ.

Каждый богъ предъ ней терялся
И, забывъ покой и сонъ,
Передъ Вестою склонялся
Лучезарный Аполлонъ.

Но богиня оставалась
Непреклонна и чиста,
Для лобзанья не рѣшалась
Раскрывать свои уста.

И не рѣдко богъ надменный
Слышать могъ такую рѣчь:
„Я дала обѣтъ священный
Цѣломудріе сберечь“.

А межъ тѣмъ Цибелы праздникъ
Шелъ въ весельи. За столомъ
Засѣдалъ Пріапъ, проказникъ,
Былъ Силенъ съ своимъ осломъ.

Сильно боги подгуляли
(Какъ и люди отъ вина)
И за чашей задремали...
Вдругъ настала тишина.

Задремала Веста тоже,
Но Пріапъ одинъ не спалъ:
Цѣломудренное ложе
Онъ глазами пожиралъ.

Веста спитъ... близка измѣна,
Но еще тамъ зритель былъ:
Вдругъ заржалъ оселъ Силена
И богиню разбудилъ...

Потому-то въ древнемъ Римѣ
Былъ осламъ большой почетъ:
Ихъ любимцами своими
Называлъ вездѣ народъ.

И осламъ всѣмъ въ праздникъ Весты
Лѣнь не ставили въ вину...
Ахъ, оселъ! имѣй же вѣсъ ты
И теперь, какъ въ старину...

ПУБЛИКѢ.

По проспектамъ, гдѣ мчатся, чуть свѣтъ
Рысаки, лихачи, катафалки,
Попадая подъ дышла каретъ —
Не ходите въ столицѣ безъ палки.

Въ этомъ вихрѣ свистящихъ бичей,
Гдѣ на каждомъ шагу — перепалки,
Гдѣ слова — тяжелѣй кирпичей —
Не ходите въ столицѣ безъ палки.

Позднимъ вечеромъ, днемъ, по утру,
Чтобъ не сдѣлаться жертвою свалки,
Чтобъ жену защитить иль сестру, —
Не ходите въ столицѣ безъ палки.

Не для всѣхъ же пріятны пинки,
Не для всѣхъ же бока ихъ не жалки...
Будетъ многимъ совѣтъ мой съ руки —
Не ходите въ столицѣ безъ палки.

ЧТО ТАКОЕ ЗНАЧИТЪ?

Родился ребенокъ...
Что жъ такое значитъ:
Мать въ лохмотьяхъ жалкихъ
Надъ ребенкомъ плачетъ?

Свадьба... храмъ сіяетъ...
Что жъ такое значитъ:
Блѣдная невѣста
У налоя плачетъ?

Деспотъ умираетъ...
Что жъ такое значитъ:
Вкругъ толпятся люди
И никто не плачетъ?

СОРВАЛОСЬ!...

(Романическое приключеніе въ Галерной.)

(*Посвящается Скорбному Поэту.*)

1.

Въ шляпѣ Циммермана,
Въ платьѣ отъ Сарра,
Я, поднявшись рано,
Вышелъ со двора.
Крапъ по панталонамъ,
Съ лентою лорнетъ,
Галстухъ съ медальономъ, —
Въ медальонѣ ономъ
Блондена портретъ, —
Струйки по жилету,
Въ таліи изгибъ...
Скорбному поэту
Я отличный типъ.

2.

Я иду. На рожахъ
Всюду злости дрожь:
По лицу прохожихъ
Вижу, что хорошъ.
Даже вотъ съ кухаркой
Встрѣтился, — она
Ротъ раскрыла аркой,
Мной поражена,
А на дняхъ на Мойкѣ
Я узрѣлъ вдали,
Какъ у судомойки
Слюнки потекли.

3.

Брелъ я, мысля, гдѣ бы
Провести мнѣ день,
Вдругъ въ обличьи Гебы
Промелькнула тѣнь.
Дама мчится скоро
Въ кофтѣ Фигаро...
Глазки — „свѣтъ“ Шандора,
Смотрятъ такъ хитро.
Крошечная ножка,
Кудри—мягкій ленъ,
Носикъ же немножко
Къ верху заостренъ.

4.

Я лечу къ блондинкѣ,
Какъ локомотивъ:

— „Промочивъ ботинки,
Схватите вы тифъ.
Дождикъ васъ замочитъ“
(Смотритъ съ высока)
— „Вотъ мой зонтъ!“ (Не хочетъ
Брать и антука)
Но, я смѣлъ, какъ кочетъ,
Знаю недотрогъ:
Тотчасъ, строчекъ въ двѣсти,
Какъ въ „Доходномъ мѣстѣ“,
Дернулъ монологъ.

5.

Такъ я развернулся
(Рѣчь была пестра),
Что пошевельнулся
Монументъ Петра.
И—каковъ же я-то?—
Подняли главы
Даже у Сената
Каменные львы.
Мой успѣхъ былъ вѣрный,
Убѣжденъ я въ томъ,
Вдругъ *она* въ Галерной
Завернула въ домъ.
— „Вы куда?—Къ себѣ я.
— „Какъ?“—Я здѣсь живу,
Васъ, какъ чичисбея,
Я съ собой зову.

6.

Входимъ. Шелъ я гордо,
Сердце: тукъ! тукъ! тукъ!

Вдругъ на встрѣчу морда.
— „Это мой супругъ!
Долгъ теперь не нашъ ли
Васъ благодарить“.
(Задыхаясь въ кашлѣ,
Потерялъ я прыть)
— „Подъ дождемъ вы мокли,
Сядьте“... мужъ просилъ.
(Господа! я могъ ли
Не лишиться силъ?)

7.

— Думаю, не разъ вы
Посѣтите насъ?
(Ядъ сибирской язвы
Слаще этихъ фразъ)
Я бѣжалъ отъ сраму,
Быстро, какъ ядро,
Проклиная даму
Въ кофтѣ фигаро.
И сквозь шумъ и грохотъ
Я изъ-за спины
Слышалъ злобный хохотъ
Мужа и жены.

УЖАСНЫЙ НАСЕЛЖЪ

или истинное повѣствованіе о томъ, какъ одинъ господинъ важнаго сана обратился въ водолаза, и что отъ этого произошло.

(*Подражаніе Ѳ. Достоевскому.*)

I.

Однажды я съ супругой Анной
Почилъ отъ дѣлъ
И скоро сонъ благоуханный
Ко мнѣ слетѣлъ.
Вкругъ насъ легло молчанье гроба
И царство тьмы...
Подъ одѣяломъ ватнымъ, оба
Храпѣли мы.
Вдругъ клопъ, столь лакомый до кожи,
Въ меня впился
И на своемъ двуспальномъ ложѣ
Я поднялся.

Хотѣлъ рукой схватить злодѣя,
Чтобъ не кусалъ,
Но отъ волненья холодѣя,
Я застоналъ,
И въ страшномъ ужасѣ, въ испугѣ
Созналъ въ тотъ часъ,
Что я—не мужъ своей супруги,
А... *водолазъ!..*
Собачья шерсть, собачья морда...
Пропалъ мой ростъ...
И по ковру шагалъ я твердо,
Поднявши хвостъ.
Себѣ не вѣря, я у шкапа
Огня ищу,
И вотъ моя собачья лапа
Зажгла свѣчу.
И я въ трюмо смотрѣлъ въ два глаза
И изнывалъ,
Что въ немъ фигуру водолаза
Я узнавалъ.

II.

Испуганъ случаемъ той ночи,
(Онъ былъ жестокъ!)
Хотѣлъ я крикнуть, что есть мочи
И... и не могъ.
Застигнутъ новой неудачей,
Я началъ выть
И только громкій лай собачій
Могъ испустить.
Жена проснулась въ полу-мракѣ...
Раскрыла ротъ...
Но мужа вѣрнаго въ собакѣ
Не признаетъ.

Напрасно ей хотѣлъ сказать я,
Что я — не песъ,
И что законныя объятья
Ей въ даръ принесъ,
Но шерсть моя, мой видъ звѣриный
Ее смущалъ
И предъ дражайшей половиной
Я зарыдалъ.
Когда жь на грудь хотѣлъ я рыло
Склонить къ женѣ,
Она съ подсвѣчникомъ вскочила
На встрѣчу мнѣ.
И вотъ на крики глупой бабы,
Весь домъ бѣжитъ,
И если мысль мнѣ не пришла бы,
Отбросивъ стыдъ,
Отъ страха, съ удалью горячей,
Скакнуть въ окно —
Въ сырой землѣ-бъ мой трупъ собачій
Истлѣлъ давно.

III.

Пять дней безъ крова и безъ пищи
Я такъ блуждалъ,
Но вновь идти въ свое жилище
Не рисковалъ.
На пятый день меня поймали
И,—такъ добры!—
Мнѣ цѣпь на шею навязали
У конуры.
Никто не зналъ, что песъ мохнатый —
Былъ человѣкъ...
Ужель мнѣ жребій данъ проклятый
На цѣлый вѣкъ?

Ужель продлится долго прихоть
Твоя, о рокъ?
О, Достоевскій Ѳедоръ! Ты хоть
Мнѣ-бъ здѣсь помогъ!..
Хоть ты воспой мои несчастья!..
Прошу съ мольбой...
Смотри: раскрылъ собачью пасть я
Передъ тобой.
За то (не даромъ водолазомъ
Я началъ выть)
Могу межъ псовъ „Эпоху“ разомъ
Распространить.
Когда журналъ твой знаетъ плохо
Шальной народъ,
То межъ собакъ найдетъ „Эпоха“,
Большой почетъ.

ВСТРѢЧА КОМЕТЫ СЪ ЗЕМЛЕЮ.

(Трагедія въ одномъ дѣйствіи.)

Мюнхенскій профессоръ Неймаеръ предсказываетъ, что въ 1865 году будетъ столкновеніе кометы съ землею.

(*Изъ какого-то фельетона.*)

Смыслъ таинственной загадки
Міръ еще не разгадалъ,
Хоть къ разгадкамъ въ мірѣ падки,
Но въ припадкѣ лихорадки
Шаръ земной затрепеталъ.
Въ Европейцѣ, въ Эскимосѣ
Жизнь слилась въ одномъ вопросѣ:
Смерть-ли, жаля и паля,
Сходитъ съ неба на поля?..
И сорваться хочетъ съ оси
Потрясенная земля.
Подъ свинцовою эгидой

Залитъ тьмою весь эфиръ;
Солнце злобной Немезидой
Безъ лучей глядится въ міръ.
Съ трескомъ, съ блескомъ, въ брызгахъ свѣта,
Распустивъ кровавый хвостъ,
Какъ безгранная ракета,
Мчится по небу комета —
Мірозданія наростъ.
То чудовище заразы,
Ливнемъ молній на челѣ
Льетъ топазы и алмазы
И убійственные газы
Опускаются къ землѣ.
Ближе, ближе... Люди, звѣри,
Все, что юно, что старо,
Смотритъ въ небо въ тщетной вѣрѣ,
Но ростетъ въ воздушной сферѣ
Раскаленное ядро.
Обновленье міру надо,
Съ жизнью лучшей и иной...
Мигъ одинъ — и съ воемъ ада
Та кровавая громада
Разомъ сплюснетъ шаръ земной.
Дрогнулъ міръ средь общей ломки,
Землю скомкалъ ураганъ
И Америки обломки
Залетѣли въ Индустанъ.
Въ общемъ вихрѣ все кружилось,
Разсыпалось и валилось,
Искажалась красота
И на Нилѣ очутилась
Часть Уральскаго хребта.
Шаръ съ орбиты неизмѣнной
Потрясенный вдругъ спрыгнулъ
И въ надтреснувшей вселенной

Пролетѣлъ нестройный гулъ.
Все смѣшалось въ общей грудѣ,
Страны, рѣки, города,
Горы, норы, скалы, люди,
Птицы, шпицы, лица, груди,
Меримаки и суда,
Храмы, рамы, дамы, драмы,
Публицисты и мосты,
Лани, псы, гиппопотамы,
Дипломаты и кусты,
Римъ, Саратовъ, „Развлеченье“,
„Русскій Вѣстникъ“, Лиссабонъ,
„Библіотека для Чтенія“
И Луи-Наполеонъ.
Распаденье, трескъ и грохотъ,
Консерваторъ, нигилистъ,
Скрежетъ, стоны, взвизги, хохотъ,
Вой, рыданья, пискъ и свистъ,
Лава слезъ, обрывки вздоха,
Нью-Іоркъ и Кострома,
„Пончъ“, Неаполь и „Эпоха“,
Хаосъ, смерть и кутерьма.
Нѣтъ земли — и мѣсто это,
Гдѣ стояла та планета
Не увидитъ больше міръ,
И вѣщуя гибель свѣта
Долгогривая комета
Дальше ринулась въ эфиръ.

ЯНКИ.

Мрачно ходитъ строгій Янки
Скорбной вѣстью пораженъ:
Въ честь Линкольна строгій Янки
Въ полный трауръ облеченъ.

Имя проклятое Буса
Повергаетъ Янки въ дрожь,
При одномъ названьи Буса
Онъ хватается за ножъ.

Онъ идетъ и видитъ Негра,
Негръ въ костюмъ цвѣтной одѣтъ.
— „Эй, скажи мнѣ: иль у Негра
Платья траурнаго нѣтъ?“

Закричалъ Американецъ,
Но склонивъ печальный взглядъ:

„Ты не правъ, Американецъ“,
Отвѣчаетъ черный братъ.

„Намъ не нуженъ „бѣлыхъ“ трауръ!
Вѣдь, свободы лишены,
Мы природный носимъ трауръ,
Отъ природы мы черны“.

---

* * *

Отъ германскаго поэта
Перенять не въ силахъ геній,
Могутъ наши стихотворцы
Брать размѣръ его твореній.

Пусть риѳмуетъ черезъ строчку
Современный русскій Гейне,
А въ водѣ подобныхъ пѣсенъ
Можно плавать, какъ въ бассейнѣ.

Я стихомъ владѣю плохо,
Но—клянусь здѣсь передъ всѣми—
Напишу я тѣмъ размѣромъ
Каждый вечеръ по поэмѣ,

Каждый вечеръ по поэмѣ,
Безъ усидчивой работы,

Гдѣ сплетутся черезъ строку
Вмѣстѣ съ рифмами остроты.

Начинающимъ поэтамъ
Я могу давать уроки,
Какъ писать стихотворенья
Въ незначительныя сроки,

Какъ писать такія пѣсни,
(Изучилъ я ту науку)
Чтобъ читатель былъ доволенъ,
И редакторъ сжалъ вамъ руку.

Превосходная манера!...
Учитъ насъ пріемъ готовый,
Вмѣсто шляпы Циммермана
Надѣвать вѣнокъ лавровый.

Я постигъ отлично тайну,
Какъ писать оригинально:
Стихъ начну высокопарно,
А окончу—тривіально.

Запою я пѣсню звѣздамъ,
Вспомню лилій, незабудокъ,
А потомъ замѣчу *кстати*,
Что разстроилъ я желудокъ.

Разскажу я въ пѣснѣ „къ дѣвѣ“,
Какъ мои объятья жарки, —
И при этомъ ей напомню
Про горячія припарки.

Ѳиміамъ куря природѣ
Я воскликну вдругъ: о, Россы!

Всѣ по улицамъ столицы
Курятъ нынче папиросы.

Заведу я рѣчь о неграхъ,
О Жюль Симонѣ, Жюль Фаврѣ,
А потомъ перескачу я
Хоть къ своей кухаркѣ Маврѣ.

Неожиданно сближая
Всевозможные предметы,
Я увѣренъ, — о, читатель! —
Что талантъ найдешь во мнѣ ты!..

А затѣмъ, чтобъ журналисты
Поднесли мнѣ листъ похвальный,
Оскорблять я ихъ не стану
Эпиграммою нахальной.

Мимоходомъ не надѣну
Я на нихъ колпакъ дурацкій,
Чтобъ они меня не звали
„Голью нравственной кабацкой“.

Цѣлый рядъ живыхъ событій
Обходя небрежно мимо,
Буду брать сюжетъ изъ миѳовъ
Древней Аттики иль Рима.

И тогда согласнымъ хоромъ
Посреди журнальной свалки
Запоютъ мнѣ пѣсню славы
Всѣ скворцы, стрижи и галки.

НЕВСКІЯ ПРИМѢТЫ.

Всюду больницы полны,
Мертвыхъ везутъ на зорѣ,
Носятся жгучіе сны...
Значитъ—весна на дворѣ.

Солнце неистово жжетъ,
Блещетъ рѣка въ серебрѣ...
Значитъ—склоняется годъ
Къ лѣтней, горячей порѣ.

Всюду больницы полны,
Мертвыхъ везутъ на зорѣ...
Всѣ привыкать мы должны
Къ темной, осенней порѣ.

Образъ туманной луны
Свѣтитъ въ морозной игрѣ
И — всѣ больницы полны...
Значитъ, зима на дворѣ.

НАСТАВЛЕНІЯ АПОЛЛОНА

СТИХОТВОРЦАМЪ.

I.

Лучшаго девиза въ жизни не найдешь:
Истина—природа, люди—это ложь.

II.

Мысль гони, какъ преступленье,
Будь поэтомъ красоты;
Пусть твои стихотворенья,
Будутъ сладки, какъ варенье,
И душисты, какъ цвѣты.

III.

Умѣй двулично сгать къ народу,
Однообразье надоѣстъ:

Въ стихахъ пой—теплую погоду,
Ищи ты въ жизни — теплыхъ мѣстъ.

IV.

Поэтъ рабомъ не долженъ въ міръ вступать.
Капризно прикрываясь вдохновеньемъ,
И женщинамъ ты можешь измѣнять
И самымъ задушевнымъ убѣжденьямъ.

V.

Когда подъ судъ тебя влекутъ,
Внемли съ презрѣньемъ злобѣ свѣта
И вспоминай слова поэта:
„Поэтъ! Ты самъ свой высшій судъ!..“

VI.

Пой цѣлый вѣкъ одно и тоже,
Но чтобъ не ссориться съ людьми,
Ты принципъ жизненный пойми:
Жми крѣпко руку у вельможи,
А бѣдняка такъ просто жми.

VII.

Вѣкъ бойся цѣпи обручальной
И брачныхъ гибельныхъ тенетъ:
При видѣ бабки повивальной
Смутится муза — и уйдетъ.

VIII.

Родившись пѣвцомъ голосистымъ,
Свершай, какъ угодно, свой путь:

Сатирикомъ только не будь
И быть не посмѣй юмористомъ.

IX.

Всю сласть поэзіи извѣдавъ,
Узнаешь, лирикъ, что рожденъ
Ты для общественныхъ обѣдовъ
И для парадныхъ похоронъ.
Въ жилетѣ бѣломъ, какъ лилея,
Окончивъ порцію ухи,
Среди любаго юбилея
Читай хвалебные стихи.

ЖИЗНЬ СКВОЗЬ РАЗНЫЕ ОЧКИ *).

(ПАРАЛЛЕЛИ.)

I.

Съ англійскаго.

Жизнь промелькнетъ умно и скоро,
Когда умѣлъ ее постичь:
По утру — биржа и контора,
Къ обѣду ростбифъ, эль и спичь.

---

*) Гейне говоритъ, что взглядъ на жизнь зависитъ отъ очковъ, въ которыхъ мы смотримъ на жизнь. Очки бываютъ разные. Объ этихъ очкахъ всего лучше судить по поэтамъ различныхъ націй. Поэты — лучшіе представители своего народа и вполнѣ выражаютъ его симпатіи, его увлеченія, однимъ словомъ, *его очки*. Представляемый здѣсь букетъ стихотвореній составленъ съ этою цѣлью изъ произведеній пѣвцовъ разныхъ національностей, произведеній болѣе или менѣе типичныхъ и колоритныхъ.

Вопросъ: чьи очки лучше?—пусть рѣшаютъ сами читатели. Моимъ дѣломъ было — выбрать и перевести прилагаемыя стихотворенія.

Британецъ крѣпокъ, какъ рессора.
На все есть время — онъ сказалъ:
По утру — биржа и контора,
Подъ вечеръ — боксъ и клубный залъ.
Начнетъ онъ рѣчь — полна юмора,
Онъ пьетъ, пожалуй, до зари,
А завтра — биржа и контора,
На скачкахъ — призы и пари.
Готовъ онъ часто въ жаркомъ спорѣ
Себѣ хоть пулю въ лобъ всадить,
Но мясу, биржѣ и конторѣ
Нигдѣ не можетъ измѣнить.
Боксеръ, торговецъ и ораторъ,
Туристъ, работникъ, сибаритъ
И публицистъ и спекуляторъ —
Все это вмѣстѣ — каждый Бритъ.

II.

Съ французскаго.

Жизнь шарадой неудачной
Иль старухою невзрачной
Мизантропъ всегда зоветъ,
Потому что скептикъ мрачный
И не любитъ и не пьетъ.
Ma foi! на этомъ свѣтѣ
Будемъ счастливы, какъ дѣти,
Будемъ счастливы до дна,
Если сердце есть въ Лизетѣ
А въ стаканѣ — блескъ вина.
Веселъ будь, поэтъ унылый!

Ждетъ покой насъ — за могилой!
Счастье — сердце горячитъ...
Насъ согрѣетъ ласка милой,
А вино — развеселитъ.
Встрѣтимъ горе безъ испуга!
Даромъ свѣтитъ солнце юга!..
Въ васъ богатство намъ дано:
Ты — румяная подруга,
Ты — румяное вино!..
Пой, люби, играй на лирѣ!
Прежде вѣрили въ трактирѣ,
Намъ въ кредитъ повѣрятъ вновь!..
Ma foi! Я въ этомъ мірѣ
Славлю вина и любовь.

III.

Съ нѣмецкаго.

Эмма! житейскія мели
Всѣ миновали бы живо,
Если бъ въ хозяйствѣ имѣли —
Кофе, картофель и пиво.
Эмма! Иди за меня ты!
Бракъ — благодатная нива,
Если въ ней есть ароматы —
Кофе, картофеля, пива...
Книги нашъ умъ шевелили
(Движется умъ въ насъ лѣниво),
Но — дайте трубку мнѣ... или —
Кофе, картофелю, пива.

Дѣти у насъ золотушны.
Вялы... ну, экое диво!..
Къ этому мы равнодушны,
Былъ бы картофель, да пиво.
Эмма! на зло всѣмъ несчастнымъ
Жить мы съумѣемъ счастливо.
Счастье въ супружествѣ дастъ намъ:
Кофе, картофель и пиво.

IV.

Съ испанскаго.

Каждый день я вижусь съ Кларой!..
Лишь луна въ выси всплыветъ,
Лишь уснетъ ревнивецъ старый
У балкона и съ гитарой
Пѣлъ я ночи на пролетъ...
Кларѣ пѣсни эти сладки...
Я умолкнуть не могу
И горя, какъ въ лихорадкѣ,
Платья шелковыя складки
Поцѣлуями я жгу.
Ночь плыветъ... Сойди же, Клара!..
Не проснется твой старикъ!
А проснется — прочь гитара, —
Я кинжаломъ въ два удара
Положу ревнивца въ мигъ.
Этой старческою кровью
Часъ блаженства я куплю
И, охваченный любовью,
Наклонившись къ изголовью,
Страхъ вдовицы усыплю.

V.

Съ итальянскаго.

Жаръ и волны аромата...
Дремлетъ знойный небосклонъ.
Вешнимъ сномъ душа объята
И напѣвами Торквата

Чуткій сонъ мой напоенъ.
Все лежалъ бы недвижимо
Предъ громаднымъ гробомъ Рима,
Подъ колоннами руинъ,

Да смотрѣлъ, какъ ходитъ мимо,
Высоко поднявъ кувшинъ,
Всѣхъ художниковъ приманка,
Смуглолицая римлянка,—

Да смотрѣлъ, какъ въ самый зной,
Въ сѣдинахъ, съ осанкой строгой
Римскій нищій босоногій
Ищетъ тѣни за стѣной...

Все лежалъ бы,—лѣнь подняться,—
Здѣсь лѣниться—значитъ жить:
Лѣнь страдать и наслаждаться,
Лѣнь и мыслить и любить.

VI.

Мотивъ изъ американскаго поэта.

Счастье въ мірѣ Янки цѣнитъ,
Но для счастья всякихъ кастъ,
Только долларъ не измѣнитъ,
Только долларъ не продастъ.

Время—деньги! Скоро можетъ
Измѣнить намъ вѣрный другъ,
Только долларъ путь проложитъ
И на Сѣверъ и на Югъ.

Ласки милой—лотерея,
Вѣрность женъ сильна... во снѣ,—
Вѣрю доллару скорѣе
Чѣмъ и другу и женѣ.

Я здоровъ, но жизни молотъ
Раздробилъ—я слабъ и сѣдъ.
Только долларъ вѣчно молодъ,
Не мѣняется отъ лѣтъ.

Долларъ—это сила вѣка,
Съ нимъ не страшенъ жизни мракъ,
Долларъ въ жизни человѣка—
Архимедовскій рычагъ.

МОТИВЫ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

I.

Мотивъ мрачно-обличительный.

Міръ—это шайка мародеровъ,
Гдѣ что ни шагъ, то лжецъ иль тать:
Мнѣ одному такой данъ норовъ,
Чтобъ эту сволочь усмирять.

Не буду пѣть я: mia cara!
„Ночной зефиръ струитъ эфиръ“,
Но какъ гроза, какъ божья кара
Заставлю дрогнуть цѣлый міръ.

Во всѣ трактиры, рестораны,
Какъ зоркій стражъ, начну ходить,
Для васъ, общественныя раны,
Я буду пластыремъ служить.

Во всѣхъ приказныхъ, бравшихъ взятки,
(Подогрѣвая въ сердцѣ злость),
Во всѣхъ, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стихъ вопьется, словно гвоздь.

Рысакъ ли бѣшенный промчится,
Спадетъ ли съ зданія кирпичь,
Хожалый вздумаетъ напиться—
Я буду всѣхъ разить, какъ бичь.
И стану самъ себѣ дивиться.

Людей сдержу я, какъ уздой,
И буду въ жизненномъ потокѣ
Для нихъ живой сковородой,
Гдѣ станутъ жариться пороки.

II.

Мотивъ слезно-гражданскій.

Мнѣ жаль тебя несчастный братъ!...
Тяжелъ твой крестъ—всей жизни ноша.
Не предложу тебѣ я гроша,
Но плакать, плакать буду радъ.

Пусть возбуждаютъ жалость въ мірѣ
Твои лохмотья, чахлый видъ—
Тебѣ угла не дамъ въ квартирѣ,
Но плакать буду хоть на взрыдъ.

Ходи босой въ морозъ и слякоть,
Я корки хлѣба не подамъ,

Но о тебѣ въ альбомахъ дамъ
Я стану плакать, плакать, плакать!..

III.

Мотивъ ясно-лирическій.

Тихій вечеръ навѣваетъ
Грезы на яву,
Соловей не умолкаетъ...
Вотъ я чѣмъ живу.
Мѣсяцъ льетъ потоки свѣта...
Сѣлъ я на траву,—
Огоньки сверкаютъ гдѣ-то...
Вотъ я чѣмъ живу.
Въ лѣтній день, въ затишьи сада,
Милую зову,
Поджидаю въ полѣ стадо...
Вотъ я чѣмъ живу.
Лаской дѣвы ненагладной,
„Rendez-vous“ во рву,
Видомъ бабочки нарядной—
Вотъ я чѣмъ живу.
Я срываю шишки съ ели,
Незабудки рву
И пою, пою безъ цѣли...
Вотъ я чѣмъ живу.

IV.

Юбилейный мотивъ.

(кому угодно.)

Когда сномъ крѣпкимъ спалъ народъ
И спячка длилась годъ за годомъ,
(*Тутъ нужно древній эпизодъ*
Сравнить съ новѣйшимъ эпизодомъ.)

Когда на всѣхъ, въ комъ сила есть,
Смотрѣла Русь въ нѣмомъ испугѣ...
(*Поэтъ обязанъ перечесть*
Здѣсь юбилятора заслуги.)

Тогда (*обѣденный пѣвецъ*
Встаетъ въ порывѣ вдохновенья)
Ты появился наконецъ!
(*Сбѣгаютъ слезы умиленья*).

Какъ лучь изъ мрачныхъ облаковъ
Ты вдругъ сверкнулъ, намъ далъ отвагу!..
(*Чтобъ не забыть своихъ стиховъ,*
Поэтъ косится на бумагу).

И вотъ теперь весь этотъ залъ
Тебя помянетъ въ общемъ тостѣ!...
(*Пѣвецъ хватаетъ свой бокалъ,*
А лобъ пѣвца цѣлуютъ гости.)

V.

Мотивъ бѣшено-московскій

Русь героями богата,
Словно вылита она
Изъ гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не обдастъ враговъ картечью,
Не покажетъ имъ штыка,
Но отброситъ передъ сѣчью,
Молодецкой, русской рѣчью,
Просоливъ ее слегка,
Этой рѣчью сочной, рьяной,
Крѣпкой, цѣпкой такъ и сякъ,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальствомъ славянскимъ пьяной,
Ѣдкой, мѣткой какъ кулакъ.
Кто жъ противиться намъ можетъ?
Славянинъ передъ врагомъ
Руку за ухо заложитъ,
Гаркнетъ, свистнетъ и положитъ
Супостатовъ всѣхъ кругомъ.

НА БОЙКОМЪ МѢСТѢ.

(ПѢСНЯ ТЕАТРАЛА.)

1.

Въ чаду сценическихъ забавъ,
Толпу въ театрахъ наблюдая,
Постигъ въ давнишніе года я
Ея характеръ и составъ.
Пускай внизу, въ огнѣ, въ трезвонѣ
Толпой блестящей полонъ залъ,
Но настоящій театралъ
Сидитъ въ райкѣ иль на балконѣ.

2.

Взгляните въ кресла: первый рядъ
И рядъ послѣднихъ самыхъ креселъ

Глядитъ не скученъ и не веселъ,
Надѣвъ свой праздничный нарядъ.
Его не тѣшатъ строфы Кони,
Иль Марковецкаго скандалъ...
Нѣтъ, настоящій театралъ
Сидитъ въ райкѣ, иль на балконѣ.

3.

Роскошной выставкой фигуръ
Всѣхъ манятъ дамы въ бенуарѣ:
Онѣ сидятъ, какъ на базарѣ
И Куликовскій каламбуръ,
Богинь смущавшій на плафонѣ,
Улыбокъ ихъ не возбуждалъ...
Нѣтъ, настоящій театралъ
Сидитъ въ райкѣ, иль на балконѣ.

4.

Въ нарядахъ вычурныхъ своихъ
Лепечутъ дѣвы въ бель-этажѣ
И въ этотъ часъ „Рогнѣда“ даже
Не остановитъ сплетень ихъ.
Олаву ищутъ... ждутъ погони...
А шопотъ дамскій пуще сталъ...
Нѣтъ, настоящій театралъ
Сидитъ въ райкѣ, иль на балконѣ.

5.

А третій ярусъ?... О, поэтъ,
Не производишь тамъ эфектъ ты!
Тамъ жоны кушаютъ конфекты,
Мужья же бѣгаютъ въ буфетъ.

Иной, щеку склонивъ къ ладони,
Ужъ въ первомъ актѣ сладко спалъ...
Нѣтъ, настоящій театралъ
Сидитъ въ райкѣ, иль на балконѣ.

6.

Четвертый ярусъ хуже всѣхъ.
Тамъ эти выходки не рѣдки:
Слышна зѣвота — въ опереткѣ,
А въ мрачной драмѣ — громкій смѣхъ.
Персонъ пятнадцать или десять
Залѣзетъ въ ложу... вотъ такъ тонъ!...
Лишь галлерея и балконъ
Талантъ артистовъ могутъ взвѣсить.

7.

Изъ высшей области райка
Родимой сцены представленья
Встрѣчаютъ крики одобренья,
Иль осужденіе свистка...
И въ самомъ нагломъ пустозвонѣ
Театръ сознанье возбуждалъ,
Что настоящій театралъ
Сидитъ въ райкѣ, иль на балконѣ.

ПѢСНЯ СВИНЕЙ.

О, стыдъ текущихъ дней!
Зловѣщая картина:
Походомъ на свиней
Пошла вся медицина.
Подобнаго вранья
Нельзя и слушать даже,
Что русская свинья
Свиньи нѣмецкой гаже...
Ужасенъ нашъ земной удѣлъ,
Свиной нашъ міръ вездѣ смущаютъ:
Насъ прежде Фетъ стихами ѣлъ,
Теперь же ѣсть насъ запрещаютъ.

Насъ гналъ когда-то Фетъ
Въ лирической причудѣ,
Теперь-же за буфетъ
Не носятъ насъ на блюдѣ.

Взволнованы умы,
Колбасникъ въ горькой мукѣ...
Такого свинства мы
Не ждали отъ науки.
Ужасенъ нашъ земной удѣлъ,
Покой и миръ нашъ возмущаютъ:
Насъ прежде Фетъ стихами ѣлъ,
Теперь-же ѣсть насъ запрещаютъ.

Естественныхъ наукъ
Боялись мы не даромъ:
Мы всѣ изъ первыхъ рукъ
Скупались по базарамъ
Для барскаго стола,
Теперь же медицина,
О, свиньи, въ насъ нашла
Присутствіе трихина!...
Постыденъ нашъ свиной удѣлъ,
Отъ насъ всѣ лица отвращаютъ...
Сперва насъ Фетъ стихами ѣлъ,
Теперь-же ѣсть насъ запрещаютъ.

Скорбитъ свиной нашъ станъ,
Ставъ жертвой безобразій,
Что мало у славянъ
Классическихъ гимназій.
При нихъ—намъ жизнь вольнѣй,—
Откроетесь когда вы?—
Теперь-же у свиней
Нашли слѣды отравы.
Постыденъ нашъ земной удѣлъ,
Свиньей народъ вездѣ стращаютъ...
Насъ прежде Фетъ стихами ѣлъ,
Теперь-же ѣсть насъ запрещаютъ.

Вѣдь просто стыдъ и смѣхъ
Отъ этихъ разговоровъ!..
Свинья разрядовъ всѣхъ
И каждый умный боровъ —
Должны вы завѣщать
Всѣмъ дѣтямъ вашимъ, внукамъ
Презрѣніе питать
Къ естественнымъ наукамъ.
Постыденъ нашъ свиной удѣлъ,
Мы всѣ умремъ теперь съ печали...
Ахъ, лучшебъ Фетъ въ стихахъ насъ ѣлъ,
Да насъ-то ѣсть не запрещали!...

АЛЬБОМЪ СВѢТСКОЙ ДАМЫ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

---

* * *

Вдали сверкаютъ Аппенины.
Передо мной разбитый храмъ,
Гдѣ отдыхаютъ капуцины,
Но подъ плющемъ, въ тѣни руины
Я мысленно летаю къ вамъ,
И этотъ край и Римъ суровый,
Блескъ неба ярко-бирюзовый
Забылъ для улицы Садовой.

Послѣдній вечеръ помню живо.
Къ подушкамъ голову склоня,
Лежали вы полу-лѣниво,
А я читалъ вамъ пѣсню: „Нива“...

Вы чутко слушали меня,
И вотъ теперь, подъ бюстомъ Фавна,
Грущу,—вамъ, можетъ быть, забавно,—
О васъ, Настасья Николавна.

А. Майковъ.

---

* * *

Мы встрѣтились съ вами на балѣ.
Всю ночь до утра былъ въ экстазѣ я...
Со мною вы въ вальсѣ летали,
Какъ греза легки, какъ фантазія.
На эту волшебную встрѣчу,
На страсть поэтически-дѣтскую
Я драмою свѣтской отвѣчу,
Гдѣ выведу женщину свѣтскую.
Броженіе мысли неясной
Въ ней будетъ понятно для всякаго...
Вы явитесь музой прекрасной
И славой Полонскаго Якова...

Я. Полонскій.

---

* * *

Давно-ли, безумный и праздный,
Я съ вами по лѣсу бродилъ
И онъ насъ росою алмазной
Съ вѣтвей изумрудныхъ кропилъ.
Вчера я прочелъ „Положенье“,
Въ прихожей послышался стукъ:

Семенъ, — каково положенье!
Сервизъ мой сронилъ на сундукъ.
Уснулъ я — и сонъ неотвязный
Меня въ туже рощу унесъ
И сосны росою алмазной
Сверкали, какъ брызгами слезъ.

А. Фетъ.

---

* * *

Итальянскихъ пѣвцовъ-теноровъ
Я не слушаю съ ихъ примадоннами,
Но закутавшись въ плащь, подъ колоннами,
Я, съ цвѣтами, въ природу влюбленными,
Чую музыку вѣчныхъ міровъ.
Уловить этихъ звуковъ нельзя,
Выраженье для нихъ не придумано:
Слаще гимновъ Россини и Шумана,
Льется музыка, въ душу скользя.
Вѣчный врагъ театральныхъ кулисъ,
Сидя въ полѣ съ аѳинскою лирою,
Я поющимъ мірамъ аплодирую,
Восклицая неистово: bis!

Н. Щербина.

---

* * *

Позднимъ лѣтомъ, ночью тихой
Дышетъ поле теплымъ сномъ,
Спѣлой рожью и гречихой...
Тихо въ небѣ голубомъ.

Усыпительно-безмолвны
Спятъ вершины дальнихъ горъ
И серебряныя волны
Льетъ луна на сонный боръ.

Ѳ. Тютчевъ.

Изъ Саути.

Все въ природѣ плачетъ.
Плачетъ вѣтеръ въ полѣ,
Плачетъ въ хатѣ пахарь,
Плачутъ дѣти въ школѣ;
Плачетъ міръ по селамъ,
Городамъ и дачамъ...
Милая! съ тобою
Сядемъ и заплачемъ.

А. Плещеевъ.

---

* * *

Хотѣлось мнѣ для вашего альбома
Сложить десятка два веселыхъ строкъ,
Но мнѣ, увы! веселье не знакомо:
Есть скорбь одна,—скорбѣть я только могъ.
Едваль себя для васъ переиначу,
Могу лишь пѣть страданье и грозу...
Повѣрьте мнѣ: я и теперь вотъ плачу
И вмѣсто точки ставлю здѣсь—слезу.

А. Плещеевъ.

Изъ Беранже.

Выпивъ миску жженки,
Къ рѣчкѣ я подкрался:
Тамъ безъ рубашенки
Мылись двѣ сестренки...
Въ ближній кустъ въ сторонкѣ
Тихо я прижался.
Что за формы, Боже!..
Торсъ—какъ у Венеры...
Что за тонкость кожи!...
Былъ бы я моложе,
То... но для чего же
Городить безъ мѣры?...
Званіемъ поэта
Пользуяся кстати,
Про купанье это
Сорокъ три куплета
Я сложу для свѣта
И — предамъ печати.

М. Розенгеймъ.

По случаю поступленія въ домъ гувернантки изъ англичанокъ.

Вы поддалися на приманку
Цивилизованныхъ затѣй
И взяли въ домъ свой англичанку
Для обученія дѣтей.
Предупреждаю васъ заранѣ:
Онѣ вертлявѣе ужей;
Притомъ же эти англичане
Суть „фабриканты мятежей“.

Страшитесь меньше скорпіоновъ,
Кредиторовъ и обезьянъ,
Чѣмъ попирателей законовъ—
Рыжеволосыхъ англичанъ.

М. Розенгеймъ.

Изъ Гейне.

Ночь. На морѣ качка.
Убоясь истерикъ,
Милая рыбачка,
Выдь ко мнѣ на берегъ.

—

Въ вихрѣ непогоды
Предъ рыбачкой таю,
Гейне переводы
Нѣжно ей читаю.

—

Но она, о, горе! —
Сталъ предъ ней, какъ пень я,—
Вновь пустилась въ море,
Испугавшись чтенья.

В. Грековъ.

---

* * *

Я не рожденъ въ альбомы дамъ
Писать въ лирическомъ припадкѣ;
Могу кнутами эпиграммъ
Лишь бичевать людей за взятки.

Но еслибъ зналъ я, что и вы,
До лихоимства очень падки,
Тогда-бъ, не слушая молвы,
Васъ обличилъ-бы я за взятки.

Одинъ изъ многихъ.

---

* * *

На чужбинѣ каждый жаденъ
Съ землякомъ пробыть хоть часъ:
Прискакалъ я въ Баденъ-Баденъ,
Но, увы! не встрѣтилъ васъ.
Чтожъ! въ любви я безвозмезденъ,
Какъ верблюдъ я терпѣливъ —
И по рельсамъ въ милый Дрезденъ
Мчалъ меня локомотивъ.
Но на Брюлевской террассѣ
Обманулся вновь поэтъ:
Тамъ гулялъ лишь авторъ „Аси“,
А отъ васъ простылъ и слѣдъ.
Гдѣ вы? Въ Римѣ, въ Ниццѣ? или...
На судьбу свою злюсь я:
Мнѣ и риѳмы измѣнили
И старинные друзья...

Кн. Вяземскій.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

(*Посвящается всѣмъ провинціаламъ.*)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

I.

ПРОЛОГЪ.

Нашимъ пѣснямъ, часто злобнымъ,
Какъ морей безсильный валъ,
Словно надписямъ надгробнымъ
Ты не вѣрь провинціалъ.

Мы, природы финской дѣти,
Дня и солнца лишены,
Въ вѣчной мглѣ и полу-свѣтѣ,
Вѣчно хмуры и больны.

Воздухъ сѣверной столицы
И природы нашей видъ,
Какъ дыханіе больницы,
Заражаетъ и мертвитъ.

Плачетъ вѣтръ, какъ духъ могилы,
Про тяжелые грѣхи...
Потому-то такъ унылы
Наши проза и стихи,

Потому для насъ не ново,
Что, порой, въ странѣ родной,
Изъ груди пѣвца больного
Вырывался стихъ больной,

Желчь кипѣла въ каждомъ словѣ...
А межъ тѣмъ, въ нашъ свѣтлый вѣкъ,
Ты не долженъ хмурить брови
Добрый, русскій человѣкъ!

Попадая въ вихрь столичный,
Сбереги свой нравъ лихой,
Аппетитъ и сонъ обычный,
Гость провинціи глухой.

Впрочемъ, пѣсни наши хилы
И — побьюсь я объ закладъ —
Черноземной русской силы
Наши строфы не смутятъ.

Посмотрите — на панели,
Съ плечъ отбросивъ свой енотъ,
Въ картузѣ своемъ, безъ цѣли,
Кто глазѣетъ на народъ,

Сохранивъ свой стиль уѣздный?...
Я конечно васъ узналъ:
Это вы, вы, мой любезный,
Дорогой провинціалъ.

Радъ ему я безконечно...
Мой землякъ, — вотъ вамъ рука:
Пѣснью желчною, конечно,
Не смущу я земляка.

Не знакомъ мнѣ стихъ печальный.
Я не плакалъ и во снѣ:
Колоритъ провинціальный
Все лежитъ еще на мнѣ.

Какъ и онъ, я также трушу
Рѣзкихъ выходокъ, тирадъ;
Какъ ему, не вползъ мнѣ въ душу
Отрицанья тонкій ядъ;

Какъ и онъ, готовъ я всюду,
Созерцая Петроградъ,
Удивляться, словно чуду,
Дивной роскоши палатъ.

Все уму и глазу ново —
Пышныхъ улицъ блескъ и звонъ:
Съ магазина Глазунова
До кандитерской Rabon.

Обаятельныя путы
Обвиваютъ всюду насъ...
О, землякъ, дивись всему ты,
Какъ дивился я не разъ:

Этимъ лавкамъ и базарамъ,
Франтамъ, дамамъ, лошадямъ...
Здѣсь газеты даже даромъ
Раздаютъ по площадямъ...

Ни заботъ, ни слезъ не слышно,—
Здѣсь какъ будто чуждъ всѣмъ трудъ,
Здѣсь не только что живутъ —
Умираютъ даже пышно

И въ цвѣтахъ, въ блестящій залъ
Смерть приходитъ, какъ невѣста...
А прогрессъ-то нашъ, прогрессъ-то...
Руку дай, провинціалъ:

Съ этимъ городомъ прогресса,
Слово истины любя,
И правдивѣе чѣмъ пресса,
Познакомлю я тебя.

Муза насъ вести готова
По чертогамъ, чердакамъ,
Чтобъ, домой вернувшись снова,
Разсказалъ ты землякамъ,

Что у финскаго залива
Есть волшебный городокъ,
Гдѣ проходитъ жизнь счастливо
Безъ волненій и тревогъ,

Что предъ нимъ Парижъ и Плимутъ
Пусты, скучны безъ конца
И что только невскій климатъ
Хмуритъ невскаго пѣвца.

Я одинъ его хандрою
Думъ своихъ не отравлялъ
И печальныхъ минъ не строю
Какъ и ты, провинціалъ.

Какъ чумы я слезъ пугаюсь
И, средь невскихъ береговъ,
Часто весело спасаюсь
Отъ друзей и отъ долговъ.

Нѣту слезъ,—такъ взять мнѣ гдѣ-жъ ихъ?..
Другъ, прикрой енотомъ грудь
И иди за мною въ путь,
Въ сапогахъ своихъ медвѣжьихъ;

Сценъ, картинъ отрадныхъ жди,
Общій путь нашъ будетъ дологъ,
Но пока — кончаю *Прологъ:*
Наша повѣсть — впереди.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

О, муза! Нѣкогда поэтъ
Тебя тревожилъ по пустому,
Сбираясь выдти въ Божій свѣтъ.
Я вѣренъ принципу иному
И, позабывъ парнаскій бредъ —
Я просто обращусь къ портному
И намъ теперь, землякъ родной,
Не музы нужны, а портной.

II.

Пусть презирая пошлость франта
Ты вѣришь въ свой талантъ и умъ;
Но выше знанья и таланта
Свѣтъ цѣнитъ внѣшность и костюмъ,
Приличье моднаго педанта...
И ты возбудишь общій шумъ
Въ своемъ саратовскомъ нарядѣ...
Скорѣй къ портному, бога ради!..

III.

Не то, смотри,—всѣхъ бѣдъ не счесть:
Литературныя модистки
(Модистки въ прессѣ даже есть),
Тебя освищутъ въ общемъ пискѣ

И на столбцахъ газеты „Вѣсть“,
Сердитой отъ плохой подписки,—
Ты фигурировать начнешь
И въ нигилисты попадешь—

IV.

За свой пиджакъ изъ коломянки,
За волоса до самыхъ плечь.
А петербургскія гражданки,
Не пожелавъ съ тобою встрѣчь,
Не безъ презрительной осанки
Всѣ поспѣшатъ предостеречь,
Чтобъ ихъ гайдукъ въ цвѣтной ливреѣ
Тебѣ отказывалъ скорѣе.

V.

Мой другъ, одну изъ нихъ я зналъ;
У ногъ ея не разъ въ бесѣдкѣ
Я кудри мягкія ласкалъ,
Я страсть ловилъ въ глазахъ брюнетки,
Но разъ, зимою, къ ней на балъ
Явился въ бархатной жилеткѣ
И безъ перчатокъ, — съ той зимы
Другъ друга стали чужды мы.

VI.

И такъ, землякъ, сперва къ портному!..
Онъ намъ теперь дороже музъ,
Онъ дастъ помѣщику степному
Приличный видъ, въ одеждѣ — вкусъ,
Какъ петербуржцу записному,
И ты, забросивъ свой картузъ,

Милъ будешь, (шляпу закупи ты)
Какъ Пронскій въ ролѣ волокиты.

VII.

Впередъ... Предъ нами Петроградъ,
Явленій грустныхъ, горькихъ мрачныхъ,
Ты не увидишь, мой собратъ,
(То бредъ поэтовъ неудачныхъ)
Когда-жъ случайно встрѣтишь взглядъ
Людей оборванныхъ, невзрачныхъ,
Людей съ протянутой рукой,—
Храня обычный свой покой,

VIII.

Не вѣрь имъ... Спереди и сзади
Скользитъ блестящая толпа...
(*„Подайте бѣдной Христа ради!“*)
Она на горести скупа
И тяжкихъ нуждъ нѣтъ въ Петроградѣ...
(—*„Хоть грошикъ бросьте: я слѣпа...“*)
Нѣтъ нищихъ здѣсь... (—*„Къ вамъ брошусь въ ноги—
Два дня не ѣлъ я!!*) Прочь съ дороги!

IX.

Не слушай ихъ, смотри сюда:
Изъ магазина вышла дама,
Какъ хороша и какъ горда
Роскошной прелести реклама!..
Ты съ нею можешь безъ труда
Свести знакомство: ѣхать прямо
Въ тотъ день, когда ея старикъ
Визитъ ей дѣлать не привыкъ.

X.

Когда-то эту куртизанку
Зимой, въ морозъ, во мглѣ ночной
Видали пѣвшей подъ шарманку
У двери лавки мелочной;
Она бродила спозаранку
Въ рукахъ съ мартышкою ручной.—
Теперь-же возбуждаютъ говоръ
Ея модистка, грумъ и поваръ.

XI.

Но лѣтъ чрезъ десять не найдешь
Ея гостиной ты въ столицѣ:
Одна изъ русскихъ Ригольбошь
Уступитъ мѣсто новой львицѣ
И, промотавъ послѣдній грошъ,
Умретъ въ Калинкинской больницѣ...
Но, впрочемъ, я вѣдь не пророкъ,
Она, быть можетъ, въ краткій срокъ

XII.

Измѣнитъ жизнь, начнетъ амурно
Жить съ мужемъ, бросивъ вихрь столицъ,
И, какъ кладбищенская урна,
Печальна будетъ межъ вдовицъ
И станетъ дѣлаться съ ней дурно
При видѣ стриженыхъ дѣвицъ,
Въ гостяхъ курящихъ папиросы
И смѣло дѣлавшихъ вопросы.

XIII.

Нарядъ блестящій прежнихъ лѣтъ
Замѣнятъ темные капоты
И станутъ ѣздить на обѣдъ
Къ ней въ день родительской субботы
Ханжи и сплетницъ лучшій цвѣтъ
И будетъ много имъ работы:
Старухѣ въ уши напѣвать
И попрошайствомъ обирать.

XIV.

Но все-жъ она еще румяна,
Еще свѣжа — и угадать
Не можемъ мы ея романа...
Съ чего-жъ теперь намъ путь начать?
Лишь три часа,—обѣдать рано,
Мы за обѣдъ садимся—въ пять,
Иные-жъ,—долженъ я признаться,—
Совсѣмъ обѣдать не садятся.

XV.

Не потому, что аппетитъ
У нихъ плохой,—напротивъ,—звѣрскій,
Но потому, что ѣсть въ кредитъ
Здѣсь не даетъ трактирщикъ дерзкій
И многихъ искренно крушитъ
Обычай тотъ, безспорно, мерзкій,
У насъ хоть это право есть:
Свободно мыслить... т. е. ѣсть...

XVI.

А намъ, степнякъ, съ тобой не худо
Часъ подождать... Вѣдь все равно:
Насъ ждетъ въ обѣдъ четыре блюда
И Воронцовское вино
И непремѣнная посуда
Буфета Палкина — давно
Умолкшій Скальдъ, отдавшій лиру
Въ наслѣдство невскому трактиру.

XVII.

Но помни мой совѣтъ, смотри:
На то есть сильныя причины —
Газеты „Голосъ" не бери
И, по совѣту медицины,
Себя хоть голодомъ мори,
Но не касайся до свинины:
Въ ней, какъ и въ „Голосѣ" — одинъ
Ужасный ядъ сокрытъ — трихинъ.

XVIII.

Но шагъ умѣрь и шествуй тише,
Отъ насъ трапеза не уйдетъ,
Когда-жъ на городскія крыши
Въ своихъ туманахъ ночь сойдетъ,
То намъ Стелловскаго афиши
Укажутъ новый путь впередъ:
Въ театръ помчимся, въ циркъ Карре мы,
Иль даже въ невскіе гаремы.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

I.

Дряхлый міръ нашъ, прожившій вѣка,
Не питаетъ пристрастья къ обновамъ;
Только съ виду нарядъ старика
Поражаетъ насъ чѣмъ нибудь новымъ.
Все по старому въ мірѣ идетъ,
Но, не вѣря грядущимъ невзгодамъ,
Каждый годъ восклицаетъ народъ —
Съ новымъ годомъ!..

II.

Что жъ!—И въ насъ лучъ надежды запалъ,—
Отрицанью вѣдь тоже есть мѣра,—
Такъ наполнимъ граненый бокалъ
Ароматной струей редерера

И теперь, какъ въ былые года,
Встрѣтимъ праздникъ мы вмѣстѣ съ народомъ...
Предлагаю свой тостъ. Господа! —
Съ новымъ годомъ!..

III.

Ты, владѣлецъ роскошныхъ палатъ,
Весь заплывшій отъ праздности жиромъ,
Ты червей пожиралъ, говорятъ,
Каждый день вмѣстѣ съ лимбургскимъ сыромъ.
Можетъ быть въ этотъ годъ червяки
Доберутся подземнымъ проходомъ
До тебя у могильной доски...
Съ новымъ годомъ!

IV.

Ты, развратникъ и ловкій дѣлецъ,
На француженокъ тратившій взятки,
Есть надежда: подъ судъ, наконецъ,
Попадешь ты за всѣ безпорядки,
Потеряешь блестящій свой постъ
И отправишься въ Вятку походомъ...
Въ честь твою свой тостъ:
Съ новымъ годомъ!..

V.

Сладострастный и хилый старикъ,
Взявшій въ жоны почти что ребенка!..
Къ этой мысли давно я привыкъ —
Проведетъ тебя эта дѣвчонка
И на лбу твоемъ выростутъ вдругъ,
Вслѣдъ за грустнымъ однимъ эпизодомъ,

Два рожка... Пей, счастливый супругъ! —
Съ новымъ годомъ.

VI.

Честный юноша! Лгать не могу:
Онъ тяжелъ — долгій трудъ гражданина
И навѣрно на каждомъ шагу
Путь тебѣ загородитъ рутина,
Встрѣтитъ пошлость и мелкій развратъ,
Міръ, гдѣ цѣнятъ людей по доходамъ...
Знай все это и — юный собратъ —
Съ новымъ годомъ!..

VII.

Толковать о судьбѣ бѣдняка
Со слезами въ глазахъ — намъ пріятно,
А у двери его чердака
Голодъ будетъ стоять, вѣроятно.
Пусть!... При блескѣ сверкающихъ свѣчь,
Прокричавъ о сближеньи съ народомъ,
Въ честь его заключимъ свою рѣчь —
Съ новымъ годомъ!..

VIII.

Всѣ чего-то надѣются, ждутъ
Встрѣтить праздникъ желаніемъ добрымъ,
Даже кляча, которую кнутъ
И подъ праздникъ стегаетъ по ребрамъ;
По чертогамъ, по темнымъ угламъ,
По зловоннымъ и темнымъ проходамъ,
Слышенъ возгласъ одинъ — здѣсь и тамъ —
Съ новымъ годомъ!..

IX.

Всѣхъ, кому въ этотъ годъ суждено
Раздавить подъ колесами нищихъ,
Проиграться въ лото-домино
И отъ дѣлъ опочить на кладбищахъ,
Всѣхъ, глотающихъ невскій туманъ
Подъ гноящимся сѣвернымъ сводомъ,
Поздравляемъ, поднявши стаканъ—
Съ новымъ годомъ!..

УЧИСЬ, МОЙ ДРУГЪ!

Всегда, какъ куколка, одѣтъ,
Какъ дѣвочка, завитъ,
Смышленный Федя въ восемь лѣтъ
Семью дивитъ.
Но больше всѣхъ дивится онъ,
Что весь семейный кругъ
Твердитъ ему со всѣхъ сторонъ:
Учись, мой другъ!..

Разбогатѣлъ въ короткій срокъ
Отецъ его старикъ,
Но никогда прочесть не могъ
Двухъ дѣльныхъ книгъ.
Онъ въ клубахъ время убивалъ,
Забывъ про свой недугъ,
Но сыну строго завѣщалъ:
Учись, мой другъ!..

Въ атласъ и шелкъ облечена,
Внимая похваламъ,
Его maman вся предана
Однимъ баламъ, —.
Но сына, гладя иногда
Перстами нѣжныхъ рукъ,
Мать шепчетъ сыну безъ стыда —
Учись, мой другъ!..

Его красивая сестра
Въ толпѣ другихъ наядъ
Бѣжитъ ужъ съ самаго утра
Въ Юсуповъ садъ,
Скользитъ съ мальчишками по льду,
Злословитъ межъ подругъ,
А брату крикнетъ на ходу:
Учись, мой другъ!..

У Феди братъ есть; онъ живетъ,
Спустивши рукава;
Игрокъ онъ, пьяница и мотъ!
Гласитъ молва.
Но даже онъ свой разговоръ
Умѣлъ окончить вдругъ,
Схвативши Федю за вихоръ:
Учись, мой другъ!

Французъ наставникъ сохранялъ
Огонь въ своей крови:
Служанокъ въ домѣ соблазнялъ,
Пилъ l'eau-de-vie, —
Пропѣть двусмысленный куплетъ
Любилъ друзьямъ въ примѣръ,
Но даже онъ давалъ совѣтъ:
Учись, mon chere!..

Учись, мой другъ!.. Какъ твой отецъ
Умѣй пріобрѣтать,
Какъ братъ жуируй подъ конецъ,
Будь строгъ, какъ мать.
Какъ твой наставникъ безъ заботъ
Смотри на жизнь вокругъ...
Тебѣ ученье въ прокъ пойдетъ —
Учись, мой другъ!..

СЪ ГОРЯЧА.

Мой знакомый лѣтъ не мало
Жилъ спустивши рукава,
Но горячъ былъ,—и молва
Такъ его изображала:
Ухъ, какая голова!
Многимъ сталъ онъ тѣмъ извѣстенъ,
Что рубилъ всегда съ плеча
И не рѣдко былъ онъ честенъ....
Съ горяча.

Бывши школьникомъ чрезъ мѣру,
Онъ лѣнивъ былъ, словно волъ,
Всѣ въ него теряли вѣру,
Но однажды стихъ нашелъ
И—составилъ онъ карьеру:
Съ книгой таялъ, какъ свѣча,

Трудъ смѣнилъ ему забаву,
Онъ экзаменъ сдалъ на славу...
Съ горяча.

Тихъ, уступчивъ, какъ овечка,
Началъ онъ служебный путь,
Зналъ искуство спину гнуть,
Проронить не смѣлъ словечка
Предъ начальствомъ какъ нибудь,
Но,—въ принципѣ врагъ нахальства,—
Замѣчанье получа,
Обругалъ онъ разъ начальство....
Съ горяча.

Убѣжденій шаткихъ очень
Онъ тѣхъ словъ не различалъ:
Консерваторъ, радикалъ...
Ихъ борьбой не озабоченъ,
Тѣхъ и этихъ отвергалъ,—
Но, прочтя статью въ журналѣ,
Кулаками въ грудь стуча,
Радикальничалъ онъ въ залѣ....
Съ горяча.

По баламъ, обѣдамъ званымъ,
Чтимъ за грацію манеръ,
Рыскалъ онъ средь разныхъ сферъ
И жены искалъ съ приданымъ—
Тысячь въ дватцать, напримѣръ:
Въ домѣ—пышныя кушетки,
Бронза, бархатъ и парча...
И—женился на гризеткѣ...
Съ горяча.

Въ игрокахъ онъ видѣлъ плутовъ

И рѣшилъ, что къ играмъ страсть,
Какъ зловѣщая напасть,
Человѣка разъ опутавъ,
На всегда возьметъ во власть,
Но, забывъ покой улитки,
Въ клубѣ, время улуча,
Разъ продулся онъ до нитки....
Съ горяча.

Съ черствымъ сердцемъ мизантропа
Онъ незналъ чужихъ заботъ;
Онъ и глазомъ не моргнетъ
Если цѣлая Европа
Завтра по міру пойдетъ.
Но страшась гуманныхъ бредней,
Часто нищихъ залуча
Отдавалъ имъ рубль послѣдній...
Съ горяча.

Съ горяча онъ промотался,
Съ горяча попалъ подъ судъ,
Съ горяча съ дѣтьми былъ крутъ,
Съ горяча съ женой ругался
И скончался въ пять минутъ:
Разъ, поспоривъ съ кѣмъ то яро,
Онъ домой пришелъ ворча,
Легъ и—умеръ отъ удара...
Съ горяча.

ЧЕЛОВѢКЪ НА ВСѢ РУКИ.

Умъ намъ данъ для дѣла —
Не для громкихъ словъ,
И себя готовъ
Мудрымъ звать я смѣло.
Пусть наплывъ идей
Всходитъ въ родѣ тучи —
Какъ кумачь, линючи
Мнѣнія людей.
Чѣмъ сегодня толпа увлекается,
Отъ того черезъ день отрекается.

Грамотность нужна намъ,
Слышно издавна...
Точно, что она
Вноситъ свѣтъ къ славянамъ,
Въ этомъ спору нѣтъ,
Но скажу однако:

Быстрый шагъ изъ мрака
Порождаетъ вредъ,—
Потому къ перемѣнамъ негаданнымъ
Торопиться и рваться не надо. намъ.

Гласность намъ понятна,
Слава ей и честь...
Но однако есть
И на солнцѣ пятна.
Гласность истреблять
Зло начнетъ спѣсиво—
Новая крапива
Выростетъ опять
И на зло обличенію ярому
Соръ въ избѣ нашей будетъ по старому.

Дурно,—въ томъ нѣтъ спора,—
Если мужъ—деспотъ,
Онъ жену забьетъ
И замучитъ скоро;
Но у жёнъ есть блажъ,—
Мягокъ будь, какъ лайка,
Но супругѣ дай-ка
Волю—и шабашъ.
Не найду дома счастья большаго я
Безъ тебя рукавица ежёвая.

„Сѣчь дѣтей—безплодно“,
Новый вѣкъ изрёкъ;
Новый педагогъ
Судитъ благородно,
Я его цѣню...
Впрочемъ, осторожно
Ребятишекъ можно
Сѣчь... чрезъ простыню

И ребёнокъ отъ каши березовой
Встанетъ смирный, послушный и розовый.

Вѣка умозрѣнья
Можно уважать,
Нужно лишь мѣнять
Чаще точку зрѣнья,
Въ мысляхъ переходъ
Лучше, чѣмъ онъ круче,
Мнѣнія линючи
Какъ и самъ народъ,
Какъ ребёнокъ онъ куклой плѣняется
И игрушка игрушкой смѣняется.

НА КАЖДОМЪ ШАГУ.

БАЛЛАДА.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Ночью въ три часа изъ клуба
Мужъ спѣшилъ къ женѣ пригожей.
Входитъ—видитъ чья-то шуба
На гвоздѣ виситъ въ прихожей.

Свѣчи тухнуть стали въ залѣ,
Полу-свѣтъ довольно странный,—
И до мужа долетали
Чьи-то рѣчи изъ диванной.

Сладко спитъ кухарка Мавра
Предъ огаркомъ въ жаркой кухнѣ...
Шепчетъ мужъ со злобой мавра:
„Страсть въ груди моей потухни!

„Вѣрь женѣ неблагодарной...
„Нѣтъ въ ней вѣрности ни крошки“...
И къ преступницѣ коварной
Сталъ онъ красться тише кошки.

Онъ крадется съ видомъ хмурымъ,
Заскрыпѣть боясь паркетомъ.
Вотъ покой... Подъ абажуромъ
Свѣтитъ лампа на столѣ тамъ.

На столѣ—„Сатиры въ прозѣ“
И—любовникъ, вѣроятно,—
Близко сѣвъ къ румяной Розѣ,
Ихъ читалъ довольно внятно.

Видѣнъ былъ лишь край затылка...
Вдругъ всю тайну обнаружа,
Руку Розы сжалъ онъ пылко...
Ноги дрогнули у мужа.

Тутъ онъ грозно крикнулъ „ergo!..
Не терплю я въ домѣ шашенъ“...
Въ этотъ часъ, какъ слонъ у Берга,
Блѣдный мужъ казался страшенъ.

И... читателямъ скандала
Ждать напрасно для чего же?—
Роза вдругъ захохотала,
Братъ родной смѣялся тоже.

Самъ супругъ развеселился,
Но сказалъ женѣ уныло:
„Я навѣрно-бъ застрѣлился,
Если бъ ты мнѣ измѣнила“.

———

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Пронеслось четыре года
Безъ особенныхъ тревогъ,
Но супружескому счастью
Это слишкомъ долгій срокъ.

Хороша, какъ прежде, Роза,
Ей всего лишь двадцать лѣтъ;
Написалъ съ нея Маковскій
Обольстительный портретъ.

Хороша, какъ прежде, Роза,
Выѣзжала въ свѣтъ большой,
Даргомыжскаго романсы
Пѣла съ чувствомъ и „съ душой".

На балахъ всѣ львы старались
Завести съ ней разговоръ;
На любительскихъ спектакляхъ
Роза дѣлала фуроръ.

Даже Аристовъ Василій
(Свѣтъ ему названье далъ:
„Проводникъ свободной сцены")
Въ ней талантъ не отвергалъ.

И при томъ... Но я балладу
Стану дальше продолжать.
Какъ и въ первый разъ, однажды
Мужъ домой вернулся спать.

Какъ и въ первый разъ, онъ видитъ:
Темно въ комнатахъ вездѣ
И виситъ въ его прихожей
Чья-то шуба на гвоздѣ.

Въ кухнѣ спитъ кухарка Мавра...
Все по прежнему... Лишь онъ
Дикой ревностью Отелло
Не былъ мучимъ и смущенъ.

Входитъ въ залу онъ. Въ диванной
Полу-тьма и полу-свѣтъ:
Свѣтитъ матовый фонарикъ —
Даже лампы вовсе нѣтъ.

„Шепотъ, робкое дыханье“,
Поцалуевъ робкій звукъ...
Эпизодъ изъ пѣсни Фета
Чутко слушаетъ супругъ.

Чей-то говоръ затаенный
Раздается въ тишинѣ:
(Мужъ съ сіяющей улыбкой
Тихо крадется къ женѣ.)

—„Я люблю тебя, мой милый!
Ты мой Богъ, мой властелинъ!“
(Мужъ отъ радости нежданной
Подпрыгнулъ на полъ-аршинъ.)

—„Будемъ жить мы вмѣстѣ, вмѣстѣ,
Убѣжимъ съ тобой, мой другъ...“
Тутъ ужъ скрыть не могъ восторга
Осчастливленный супругъ.

И въ диванную вошелъ онъ
Къ обезумѣвшей четѣ,
Парепуганную пару
Заставая въ темнотѣ.

—„Не волнуйтесь, ради Бога!
Вамъ мѣшать я не хочу...
Я пришелъ лишь взять халатъ свой,
Книгу на ночь и свѣчу.“

И за тѣмъ, съ своимъ халатомъ,
Съ книгой, съ свѣчкою въ рукѣ,
Мужъ ушелъ и чрезъ минуту
Ужъ храпѣлъ на тюфякѣ.

И никто не спалъ такъ сладко
Изъ мужей въ родномъ краю...
—„Я несчастливъ a priori,
A de facto—я въ раю“.

Такъ шепталъ онъ засыпая:
Счастливъ въ мірѣ глубоко,
Тотъ, кто можетъ отъ супруги
Такъ отдѣлаться легко.

ВѢЖЛИВЫЕ ЛЮДИ.

I.

Какъ нынче вѣжливы люди!
Въ грубости кто насъ винитъ?
Есть вѣдь и совѣсть и стыдъ
Даже въ продажномъ Іудѣ.
Я клеветать не могу;
Умъ къ наблюденью принудя,
Вижу на каждомъ шагу —
Какъ нынче вѣжливы люди...

II.

Мчится рысакъ впереди,
Кучеръ такъ вѣжливо правитъ:
Крикнетъ сначала—„поди!“
И уже послѣ задавитъ.

Если ты встанешь живой
И безъ раздавленной груди
Смѣло кричи съ мостовой:
Какъ нынче вѣжливы люди!

III.

Былъ я въ соборѣ. Пока
Духъ свой я нѣжилъ пріятно,
Слышу вдругъ—чья-то рука
Вѣжливо такъ, деликатно
Тянетъ часы у меня...
Я не мѣшалъ той причудѣ,
Скромность и въ ворѣ цѣня....
Какъ нынче вѣжливы люди!

IV.

Я наступилъ на мозоль
Франту на лѣстницѣ клуба.
Чувствуя сильную боль,
Онъ, очень мягко, не грубо
Крикнулъ мнѣ въ слѣдъ—дурака,
А при мучительномъ зудѣ
Могъ и ударить слегка...
Какъ нынче вѣжливы люди!

V.

Въ нынѣшній зимній сезонъ
Отдалъ въ театръ водевиль я.
Шикали съ разныхъ сторонъ,
Но, приложивши усилья,
Партеръ осилилъ свистки
И—накидали мнѣ въ грудѣ

Разныхъ размѣровъ вѣнки...
Какъ нынче вѣжливы люди!..

VI.

Входишь въ любой ресторанъ.
Тамъ только деньги плати ты:
Кушанья, вины всѣхъ странъ,
Штофомъ диваны обиты.
Будь генералъ,—мелюзга —
Но на серебрянномъ блюдѣ
Сдачу приноситъ слуга...
Какъ нынче вѣжливы люди!..

VII.

Въ банкъ я недавно ходилъ
За лотерейнымъ билетомъ,
Каждый чиновникъ при этомъ
Былъ такъ любезенъ и милъ;
При государственной ссудѣ
Не нагрубилъ мнѣ никто,
Сторожъ мнѣ подалъ пальто...
Какъ нынче вѣжливы люди!

VIII.

Пьяный въ дверяхъ кабака
Грохнется. Добрый хожалый
Въ часть отвезетъ бѣдняка,
Чтобъ не замерзъ этотъ малый,
Въ санки подъ полость забьетъ,—
Чтобъ не подвергнуть простудѣ,
До крови уши натретъ....
Какъ нынче вѣжливы люди!..

IX.

Многіе грабятъ, дерутъ
Съ мертваго саванъ предъ свѣтомъ,
Но „на общественный судъ“
Только подъ *иксомъ* и *зетомъ*
Пресса выводитъ воровъ,
На слово вѣря причудѣ
Мягкихъ своихъ цензоровъ...
Какъ нынче вѣжливы люди!

X.

Съ почты письмо получилъ,
Но ужъ конвертъ распечатанъ...
Этотъ поступокъ.... на взглядъ онъ
Только невѣжливымъ былъ.
Значитъ, васъ любятъ: „хочу-де
Знать его вдоль-поперегъ“...
А вѣдь любовь—не порокъ...
Какъ нынче вѣжливы люди!..

XI.

Голоденъ ты,—въ свой чередъ
Много духовной есть пищи,
А повезутъ на кладбище—
Шапки снимаетъ народъ.
Слушаю, словно о чудѣ,
Я про тяжелый нашъ нравъ...
Господи! я-ли не правъ:
Какъ нынче вѣжливы люди!

Объѣденный стихъ.

Уста жуютъ.
А. Пушкинъ.

I.

Господа! Высшихъ сферъ
Миновала пора золотая.
Для химеръ, напримѣръ,
Строгихъ мѣръ
Нѣтъ въ виду—и теперь отцвѣтая
Богачей обнищавшая стая
Черезъ нѣсколько лѣтъ
Станетъ кланяться въ поясъ крестьянамъ...
(Но теперь за обѣдъ,
Господа, приниматься пора намъ.)

II.

Каждый духомъ убитъ,
Нищета входитъ нагло въ чертоги

И, какъ стыдъ, намъ грозитъ
Дефицитъ
И долговъ неоплатныхъ итоги,
А потомъ, можетъ быть, и остроги.
Бѣдность—вѣка куміръ—
Сорвала съ нашихъ женъ фермуары...
(Князь! вотъ лимбургскій сыръ,
Да прошу васъ отвѣдать омары)

III.

Скромно жить—долгъ-ли нашъ?
Лишь плѣняетъ россійскихъ дервишей
Эта блажь... Вѣдь нельзя-жъ
Бель-этажъ,
Гдѣ статуи подъ каждою нишей,
Промѣнять на квартиру подъ крышей?
Вѣдь нельзя жъ кашу ѣсть
Иль носить Цѣлибѣева туфли?
(Здѣсь, mesdames, трюфли есть,
Превосходныя, свѣжія трюфли.)

IV.

Кто живетъ, какъ паша,
Тотъ гуманенъ и щедръ, но въ печали,
Чуть дыша, безъ гроша,
Не грѣша
Жить на свѣтѣ возможно едва-ли.
Счастье—въ деньгахъ, въ большомъ капиталѣ...
Впрочемъ, мотъ тоже глупъ,
Нынче деньги мотать очень скверно...
(Черепаховый супъ,
Господа, вы похвалите вѣрно.)

V.

Посреди кутерьмы
Осуждаютъ повсюду насъ строго
Всѣ умы и ужъ мы
Брать въ займы
Не успѣемъ нигдѣ—безъ залога.
Кредиторы торчатъ у порога,
Ростовщикъ, какъ нахалъ,
Векселями пугнетъ изъ кармана...
(Ба! для васъ, генералъ,
Я отрѣжу кусочекъ фазана.)

VI.

Что намъ толки газетъ?
Но статьямъ ихъ не вѣря ни крошки—
Спору нѣтъ, что бюджетъ
Пять-шесть лѣтъ
Мы должны сокращать, по одежкѣ
Научиться протягивать ножки,
Роскошь гнать навсегда,
Жить съ расчетомъ, съ умѣньемъ, безъ прыти.
(Вотъ рейнвейнъ, господа,—
Шесть рублей за бутылку... Хотите?)

VII.

Жизнь иначе идетъ:
Въ высшихъ классахъ осажено чванство,
А народъ только пьетъ
Круглый годъ,
Оскорбляя въ насъ чувство дворянства
И девизъ его—праздность и пьянство.

Съ этимъ пьянствомъ легко
Проживетъ онъ, безчинствуя въ мірѣ...
(Эй, вы! Ящикъ клико,
Да ликеру бутылки четыре.)

NE PARLEZ PAS DEVANT LES GENS.

Отъ общихъ мѣстъ, отъ общихъ фразъ
Нашъ міръ избавится не скоро,
Но фразу эту каждый разъ
Мы бережемъ для разговора;
Житейскій тактъ свой и балансъ
Съумѣла высказать толпа:
— Ne parlez pas
Devant les gens.

Съ освобожденіемъ крестьянъ
Владѣтель барскаго помѣстья
Кричалъ:—„Нѣтъ, это все—обманъ:
Вѣдь не могу же рядомъ сѣсть я
Съ своимъ лакеемъ въ преферансъ?
Какъ наша раса не тупа....“
— Ne parlez pas
Devant les gens.

Ревнивый мужъ коритъ жену,
Вернувшись ночью поздно съ бала,
И ставитъ, бѣдненькой, въ вину,
Что очень много танцовала:
„Всю ночь пропрыгала въ контръ-дансъ!..
Ты неприлична, ты глупа...“
— Ne parlez pas
Devant les gens.

Старикъ, браня всю молодежь,
Ворчитъ на сына предъ каминомъ:
„А, ты отца не ставишь въ грошь,
Забылъ почтеніе къ сѣдинамъ...
Вы, сударь, неучь, вы—болванъ-съ“...
А дочка шепчетъ:—Ахъ, рара,
— Ne parlez pas
Devant les gens.

— Вы все торчите у трюмо,—
Я недовольна очень вами.
— „Вы сами, тетинька, давно
Едва не спите съ зеркалами.
Подъ старость стали реверансъ
Всѣмъ дѣлать... Я вѣдь не слѣпа“...
— Ne parlez pas
Devant les gens.

Чиновникъ бѣдностью убитъ,
Повсюду горе, недостатки.
— „Мой другъ, супруга говоритъ,
Ты для семьи брать долженъ взятки.
Нужна мнѣ мебель *ренесансъ*...
Ахъ, если бъ были откупа...“
— Ne parlez pas
Devant les gens.

— Теперь такіе времена:
Съ прислугой обращаться надо
Гуманно, кротко... „Вотъ те-на!
Такая жизнь тошнѣе ада.
Кто станетъ съ вѣкомъ пѣть въ кадансъ?
Чтобъ хама всякаго, клопа....“
— Ne parlez pas
Devant les gens.

Боясь лакеевъ, кучеровъ,
Боясь своихъ кухарокъ даже,
Среди семейныхъ вечеровъ,
Въ театрахъ, въ клубахъ, въ экипажѣ,
И залѣзая въ дилижансъ
Вездѣ одно твердитъ толпа:
— Ne parlez pas
Devant les gens.

НИЩІЕ.

I.

Въ тьмѣ городскихъ чердаковъ,
Гдѣ-то подъ крышею самой,
Съ музой своею упрямой
Ищетъ поэтъ бѣдняковъ;
Имъ этотъ міръ разработанъ,
Но никогда не пойметъ онъ,
Чудакъ,—
Кто настоящій бѣднякъ.

II.

Такъ какъ подобный сюжетъ
Нынче сюжетомъ сталъ моднымъ,

То съ увлеченьемъ, мнѣ сроднымъ,
Выберу тотъ же предметъ,
Выясню въ сценѣ за сценой,
Хоть мнѣ не будетъ ареной—
Чердакъ,—
Кто настоящій бѣднякъ.

III.

Истинный, чуткій пѣвецъ
Драму замѣтитъ повсюду.
Лазить въ подвалъ я не буду,
Гдѣ петербургскій жилецъ
Такъ драматически бѣденъ...
Нѣтъ, не оборванъ, не блѣденъ,
Не нагъ—
Нашъ настоящій бѣднякъ.

IV.

Рыщетъ парадный болванъ
Въ свѣтѣ безъ знанья и дѣла.
Это—живая новелла,
Пошлостей мелкихъ романъ.
Всюду таскаясь отъ скуки,
Шьетъ себѣ модныя брюки
И фракъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ.

V.

Въ креслахъ глазѣя въ лорнетъ,
Левъ изъ балетнаго міра
Дремлетъ за драмой Шекспира,
Золъ, что танцовщицъ въ ней нѣтъ.

Въ черепъ такого нахала
Здравая мысль не запала
Сквозь мракъ....
Вотъ настоящій бѣднякъ.

VI.

Шествуетъ въ мірѣ впередъ,
Путь пролагая, идея,
Но ни о чемъ не радѣя,
Старый безграмотный мотъ
Только панели шлифуетъ,
Все молодое трактуетъ,
Какъ врагъ...
Вотъ настоящій бѣднякъ.

VII.

Бабочекъ пестрыхъ полётъ,
Краски весны благовонной
Съ музою тупорожденной
Лирикъ до гроба поетъ;
Ставши парнасскимъ лакеемъ,
Вирши плететъ къ юбилеямъ
На шагъ
Близкій къ позору, бѣднякъ.

VIII.

Гаеръ въ искуствѣ и гномъ,
Шутъ возмутительно-плоскій
Передъ Венерой милоской
Таетъ въ жару напускномъ
И—по заказу—вакханокъ
Пишетъ съ курносыхъ служанокъ

Кой-какъ
Этотъ бездарный бѣднякъ.

IX.

Любитъ истасканный фатъ
Грубость цинической прозы,
Въ статуяхъ—наглые позы,
Въ женщинѣ—наглый развратъ,
Въ пѣсняхъ—цыганскіе звуки,
Только не терпитъ науки—
Никакъ....
Вотъ настоящій бѣднякъ.

X.

Въ блескѣ роскошныхъ палатъ
Съ громкой извѣстностью въ свѣтѣ
Пышные нищіи эти
Праздную жизнь волочàтъ.
Праздность и тупость... Поэты!
Вотъ вамъ разгадки примѣты,
Вотъ знакъ—
Кто настоящій бѣднякъ.

XI.

Бросьте подвальную дверь:
Въ свѣтлыхъ, богатыхъ жилищахъ
Этихъ блистательныхъ нищихъ
Можете встрѣтить теперь;
Будете знать, что причесанъ,
Что не оборванъ, не босъ онъ,
Не нагъ—
Нашъ настоящій бѣднякъ.

СЧАСТЛИВЫЙ ПѢВЕЦЪ.

Въ петличку воткнутый цвѣтокъ,
Фракъ, спрыснутый духами...
Фиксатуарными стихами
Пропитанъ съ головы до ногъ,
Ты появлялся между нами,
Поэтовъ образецъ...
Люблю тебя, пѣвецъ!..

Въ столицѣ каждый фотографъ
Снималъ съ тебя портреты,
Гдѣ горделивъ, какъ всѣ поэты,
Небрежно кудри разбросавъ,
Ты словно хочешь пѣть куплеты
Про гордый свой вѣнецъ...
Люблю тебя. пѣвецъ!..

Литературныхъ вечеровъ
Поэтъ ты—спеціальный.
Ты вышелъ съ позой театральной
И—полились потоки строфъ
Изъ устъ съ свободой либеральной
И — слышенъ бой сердецъ...
Люблю тебя, пѣвецъ...

Невинныхъ пѣсенокъ тетрадь
Издашь ты очень чисто
И книжекъ двѣсти или триста
Начнешь всѣмъ барышнямъ вручать,
Сложивши рѣчь для нихъ цвѣтисто,
Какъ дамскій левъ и льстецъ...
Люблю тебя, пѣвецъ!..

Люблю тебя! Ты въ сорокъ лѣтъ
Младенецъ, нищій духомъ;
Въ столицѣ нравится старухамъ
Твоихъ элегій дѣтскій бредъ,
Хоть слухи есть... но разнымъ слухамъ
Кто вѣритъ, наконецъ?..
Люблю тебя, пѣвецъ?..

Люблю тебя... Избралъ межъ насъ
Двойную роль ты въ мірѣ:
Свободу славилъ въ вицъ-мундирѣ,
Служилъ и лазилъ на Парнасъ
И служба не мѣшала лирѣ:
То лирикъ, то дѣлецъ...
Люблю тебя, пѣвецъ!

ЖАЛОБЫ МУЗЫ.

I.

Отъ робкой музы прошлыхъ лѣтъ
При звукахъ пѣсни, прежде милой,
Какъ онъ любовницы постылой,
Порой, спасается поэтъ.
Такихъ примѣровъ въ мірѣ много,
Ужъ издавна ведется такъ:
Пускаютъ музу на чердакъ
И прогоняютъ изъ чертога.

II.

Пѣвецъ! Съ тобою я несла
Все иго бѣдности суровой,
Тебѣ сплела вѣнокъ лавровый
И лиру гордую дала.

Теперь въ цвѣтахъ твоя дорога,
Вельможей сдѣлался бѣднякъ:
Кого пускалъ онъ на чердакъ,
Того не впуститъ въ дверь чертога.

III.

Въ тебѣ я волновала кровь;
Въ каморкѣ маленькой и тѣсной
Пылалъ ты ненавистью честной,
Узналъ ты честную любовь.
Но спала маска съ демагога,
Меня смѣнилъ ему рысакъ...
Пускали музу на чердакъ
И прогоняютъ изъ чертога.

IV.

Мнѣ близъ тебя ужъ мѣста нѣтъ,
Какъ въ старину въ углу убогомъ;
Козырный тузъ твоимъ сталъ богомъ,
Твоей трибуной сталъ обѣдъ,
Гдѣ рукоплещутъ старцы много,
Когда рукой подашь ты знакъ....
Пускали музу на чердакъ
И прогоняютъ изъ чертога.

V.

Мнѣ мѣста нѣтъ вблизи тебя.
Негодованьемъ подогрѣтымъ
Людей дурачитъ разлюбя,
Ты сталъ теперь инымъ поэтомъ:
Повсюду рвется съ языка
Оффиціальная эклога

И честной пѣсни чердака
Краснѣетъ баловень чертога.

VI.

Однажды я вошла въ твой залъ,—
Мнѣ стало дико въ пышной залѣ
И „музы мести и печали“
Ты устыдился и—молчалъ.
Одѣта скромно я и строго,
Теперь всѣ рядятся не такъ,
И чемъ гордиться могъ чердакъ,
То неприлично для чертога.

VII.

Съ подъѣзда барскаго крыльца,
Рыдая, бросилась бѣжать я
И только гнѣвное проклятье
Могла оставить для пѣвца;
Съ чела развѣнчаннаго смѣло
Вѣнокъ лавровый сорвала:
На чердакѣ я пѣть могла
Но для чертога—онѣмѣла.

VIII.

Каратель маленькаго зла,
Микроскопическихъ пороковъ
И безотвѣтныхъ лежебоковъ—
Бичуй ихъ всѣхъ изъ за угла,
Но даръ обѣденнаго слога
Мнѣ не приписывай никакъ:
Я посѣщала твой чердакъ,
Но презираю блескъ чертога.

IX.

Я за прошедшее стыжусь,
Какъ опозоренная муза
И отъ постыднаго союза
Съ пѣвцомъ десертнымъ откажусь.
Твои заботы и тревоги:
Парадный спичь, парадный фракъ...
Пѣвецъ! Мнѣ милъ былъ твой чердакъ,
Но мѣста нѣтъ въ твоемъ чертогѣ.

ПѢСНЯ ЕРЕМУШКИ.

«Стой, ямщикъ! жара несносная:
Дальше ѣхать не могу!
Вѣдь пора-то сѣнокосная—
Вся деревня на лугу.»

Н. Некрасовъ.

„Стой, ямщикъ! лошадки въ мылѣ всѣ...
Жарко ѣхать по утру.
Ну-ка, братецъ, разомъ вынеси
Къ постоялому двору.“

У двора у постоялаго
Баринъ встрѣтилъ паренька:
Онъ въ рубашкѣ цвѣта алаго,
Лента вмѣсто кушака.

Кудри скобкой выше глазъ его.
Съ головы до самыхъ ногъ
Съ „Огородникомъ“ Некрасова
Потягаться бы онъ могъ.

Подъ панамской круглой шляпою
Баринъ смотритъ съ высока:
„Дай-ка я теперь состряпаю
Пестрый спичь для мужика...“

Дѣло, знаете, знакомое...
Какъ по маслу рѣчь пошла:
„Посвятилъ три ровно тома я
Честнымъ прасоламъ села.

„За обозами скрипучими
Вмѣстѣ съ вѣтромъ я стоналъ,
Надъ крестьянскими онучами
Слезъ не мало проливалъ.“

И за тѣмъ, съ одушевленіемъ
Продолжалъ онъ разговоръ,
Какъ родился съ мощнымъ геніемъ
Мужичекъ изъ Холмогоръ,—

Что онъ самъ съ свободной лирою
Вызывалъ судьбу на бой
За голодную и сирую
Жизнь подъ русскою избой,

Что вся Русь имъ отуманена,
Что каралъ онъ откупа,
Что за русскаго крестьянина
Обличилъ онъ Петипа,

Что ему знать рокомъ выдана
Власть карать по мѣрѣ силъ,
Но витію неожиданно
Мужичекъ остановилъ:

—„Полно, баринъ: Сядь на лѣсенку,—
Не останусь я въ долгу:
Ты однажды спѣлъ мнѣ пѣсенку—
Нынче спѣть и я могу.

— Пѣлъ ты съ силой потрясающей
Мнѣ у этого крыльца:
*„Будь онъ проклятъ растлѣвающій
Пошлый опытъ—умъ глупца.“*

— Эка пѣсня устарѣлая!
Ты не тотъ, какъ погляжу,
И тебѣ въ отплату смѣло я
Пѣсню новую сложу:

— Будь умнѣе... Бичь бездарности,
Тупоумья съ крѣпкимъ лбомъ,
Добивайся популярности
Ты другимъ теперь путемъ;

— Братствомъ, Истиной, Свободою
Спекулировать забудь,
Лишь обѣденною одою
Надрывай больную грудь.

— Пусть мальчишки всѣ строптивые
И засвищутъ на Руси—
На пирахъ куплеты льстивые
Въ честь вельможъ произноси.

— Чти богатство, власть великую
И въ сатирахъ уничтожь
Необузданную, дикую
И шальную молодежь

— И тогда-то....“
Тутъ у барина,
Не прошло пяти минутъ,
Показалася испарина:
„Ктò ты? Какъ тебя зовутъ?“

Баринъ сталъ желтѣй соломушки,
Потъ сбѣгаетъ по усамъ...
— „Ну-ка, вспомни пѣснь Еремушкѣ...
Тотъ Еремушка — я самъ.

— Вспомнилъ? чтожь, кваску отличнаго
Принести тебѣ, аль нѣтъ?“
Но ужъ барина столичнаго
Тамъ простылъ и самый слѣдъ.

ДЕМОКРАТКА.

По землѣ, путемъ дорогою,
Неприступно-холодна,
Мѣрнымъ шагомъ, съ миной строгою,
Вся закрыта черной тогою
Ходитъ странница одна.
Въ ея красотѣ скрыто что-то ужасное:
Черты молодыя...
Лишь кудри сѣдыя
Чело обрамляютъ безстрастное,
Идетъ она, — жизни дыханія
Найти можно болѣе въ мраморѣ...
На сушѣ и на морѣ
Не дрогнетъ лица изваяніе.
Идетъ,
Но куда не придетъ она въ гости,
Тамъ въ страшныхъ мученіяхъ гибнетъ народъ

И не кому мертвыхъ отпѣть на погостѣ:
Царитъ въ каждомъ бѣдномъ жилищѣ—
Кладбище.

Мимо пышныхъ чертоговъ, палатъ,
Мимо оргій, гдѣ пѣсни гремятъ,
Гдѣ пиры возмутительно сладки,
Эта гостья идетъ безъ оглядки:
Ихъ не видитъ презрительный взглядъ
Демократки.
Нѣтъ, чуждаясь мірской суеты,
Шумныхъ пиршествъ, циническихъ арій,
Ищетъ странница жалкихъ дѣтей нищеты,
Ищетъ всюду тебя, пролетарій!...

Только въ темныхъ подвалахъ столицъ,
На палатяхъ мужицкой артели,
Въ дымныхъ избахъ, подъ сводомъ больницъ,
Передъ нищимъ на жесткой постели,
У подушки несчатныхъ блудницъ
Въ чудной странницѣ жизнь просыпается
И,—бѣднякъ,—къ твоему изголовью
Съ лихорадочно-дикой любовью
Склоняется
Въ серебристыхъ кудряхъ голова
И—ты слышешь слова:
—„Отъ позора, отъ нищенства вѣчнаго,
„Отъ побой, отъ труда безконечнаго—
„Будь покоенъ, тебя я спасу!..
„Прокляни свою долю голодную,
„Эту жизнь, только въ пѣсняхъ свободную,—
„Какъ любовница, въ землю холодную,
„Я съ собою тебя унесу...
„Мы забвенье въ могилѣ отыщемъ...“
И надъ нищимъ,

Вѣя чарами вѣчнаго сна,
Раскрываетъ объятья она.
Въ его щеки впивается смѣло
Ледяными лобзаньями губъ
И сейчасъ еще теплое тѣло
Обращаетъ въ безжизненный трупъ.

И дальше походкой своей неизмѣнною
Идетъ она въ міръ, какъ гэтера,
И въ трепетъ и въ ужасъ приводитъ вселенную
Зловѣщее слово — Холера.

II.

ПОЭМЫ.

УСМИРЕНІЕ СВОЕНРАВНОЙ.

ПОЭМА.

I.

ДОМА.

Не Шекспиръ я, а намѣренъ
Написать свою поэму
На Шекспировскую тэму:
„Усмиренье своенравной“.

Я измыслилъ и куплеты,
Ихъ сложилъ не по рутинѣ:
Риѳмы будутъ въ серединѣ,
А съ боковъ совсѣмъ безъ риѳмы.

Это ново, — а сюжетъ мой
Хоть и взятъ изъ русской жизни,

Я увѣренъ, что въ отчизнѣ
За него сплетутъ вѣнокъ мнѣ,

Даже будутъ... но позвольте,
Я разсказъ начну картиной:
Въ очень миленькой гостиной
Раздѣвается актриса.

Въ той гостиной — такъ уютно,
Печь желѣзная горяча,
Только жаль: изъ лампы Кача
Керосиномъ очень пахло.

Героиня... героинѣ
Имя дать имѣю право;
Назову ее — Олава, —
Это имя нонче въ модѣ.

Героиня лишь вернулась
Въ экипажѣ неуклюжемъ
Изъ театра, гдѣ мы тужимъ
О паденьи драматурговъ.

Платье съ дюжиною юбокъ
Сбросивъ съ помощью служанки,
Разлеглась на оттоманкѣ
Утомленная артистка —

И глаза свои сомкнула
Послѣ перваго дебюта.
Тутъ счастливая минута
Ей представилася живо:

Блескъ театра... крикъ восторга,
Увлеченье молодежи

И изъ каждой дамской ложи
Благосклонные улыбки...

Громкій взрывъ аплодисментовъ,
И букеты, и букеты...
Вотъ одинъ изъ нихъ въ рукѣ ты
Держишь, милая Олава.

Даже, можетъ быть, сервиза
Удостоишься ты скоро,
Ну, хотя изъ... мельхіора,
Но и это будетъ лестно.

Мы теперь н етѣ, что были,
Не наглы, не сиволапы—
За пять верстъ привыкли шляпы
Мы снимать передъ артисткой.

Даже... но она уснула,
Повернувъ головку къ стѣнкѣ,
Повторяя изъ Дьяченки
Выразительныя фразы.

Спи, Олава!.. Пусть и въ грезахъ
Ты услышишь гулъ овацій.
И—и шелестъ ассигнацій
Въ заключенье бенефиса.

———

II.

НА БАЛѢ.

Залъ блестящаго собранья,
Блескъ свѣчей и женскихъ взглядовъ
И бросаетъ въ залу Лядовъ
Соблазнительные звуки.

Подъ напѣвы флейты нѣжной
И подъ страстный шопотъ скрыпки
Дамъ холодныя улыбки
Словно сдѣлались теплѣе,

Словно, люди стали лучше...
Эта публика, конечно,
Не совсѣмъ же безупречна
И не всѣ въ ней серафимы,

Не у всѣхъ чиста такъ совѣсть,
Какъ ихъ бальные жилеты...
Модный свѣтъ! Извѣстенъ мнѣ ты
Не совсѣмъ въ хорошемъ свѣтѣ.

Но на балѣ монологи
Очень глупы... Даже Чацкій
Со своей насмѣшкой адской
Насмѣшилъ бы бальныхъ куколъ.

Приклониться здѣсь лишь можно,
Удивленье обнаруживъ,

Посреди тончайшихъ кружевъ
И причесокъ трехъ-этажныхъ,

Посреди нарядовъ бальныхъ
И старушечьихъ капотовъ—
Оживленныхъ анекдотовъ
Нашей хроники столичной.

Чу! Раздался общій ропотъ...
Дамы блѣдны, рвутъ перчатки...
Изъ чужихъ волосъ накладки
Вдругъ у многихъ стали дыбомъ.

Старцевъ треплетъ лихорадка
И пронесся шопотъ дикій:
— О, скандалъ, скандалъ великій!
Какъ сюда взошла *актриса*?..

Зашипѣли, закружились
Бальныхъ сферъ орангутанги:
Въ сочиненномъ ими рангѣ
Нѣтъ ступени для актрисы.

Вотъ одинъ изрекъ Олавѣ
Мягко, вѣжливо, не грубо:
— „Просимъ выдти васъ изъ клуба:
Здѣсь актрисъ не принимаютъ...“

Смолкъ. Ушла она — и снова
Въ залѣ грянулъ вальсъ летучій...
То былъ только первый случай
„Усмиренья своенравной“.

III.

ВЪ КЛУБѢ.

Въ клубѣ дымъ такой повсюду,
Что людей не видно вовсе:
Занялись игрой въ лото всѣ—
Потому не видятъ дыма.

Дымъ отечества намъ сладокъ,
Дымъ же клубный слаще вдвое,—
Наши клубы оттого я
За отечество считаю.

Дымъ полезенъ даже въ клубѣ:
Проигравъ, иная дама
Часто на полъ рухнетъ прямо
И—никто не замѣчаетъ.

Тотъ желтѣетъ, какъ обертка
„Библіотеки для Чтенья",
Терпитъ страшныя мученья
И—никто не замѣчаетъ.

Вотъ въ дыму сидитъ Олава,
Пять ужъ разъ мѣняла кости,
Похудѣла вдругъ отъ злости—
И—никто не замѣчаетъ.—

Но не всѣ боятся дыма,
У иныхъ глазъ очень зорокъ:

Гусь какой-то разъ ужъ сорокъ
Ей заглядывалъ подъ локоть —

И надъ ухомъ вдругъ сказалъ ей
Мягко, вѣжливо, не грубо:
— „Просимъ выдти васъ изъ клуба,—
Въ клубъ актрисъ не допускаютъ.“

Такъ мы всѣ галантерейны,
Самый гнѣвъ нашъ безпороченъ:
Не стыдимся мы пощечинъ,
Данныхъ въ бархатной перчаткѣ.

И домой пошла Олава,
Проигравши кушъ исправный...
„Усмиренье своенравной“
Шло, какъ видите, успѣшно.

IV.

НА КАТКѢ.

— „Вѣрно, здѣсь дадутъ мнѣ мѣсто,
Не смутятъ меня дебошемъ“...
Подвязавъ коньки къ галошамъ,
Такъ Олава разсуждала.

И по льду Невы прозрачной
Вдругъ направила коньки тѣ...
Но постойте, не спѣшите,
Своенравная артистка!

Какъ паркетъ блестящій бала,
Скользокъ ледъ для вашихъ ножекъ,
Васъ зарѣжетъ, словно ножикъ,
Приговоръ столичныхъ фатовъ.

Но скользитъ она проворно
По лощенымъ невскимъ льдинамъ,
Подражая тѣмъ ундинамъ,
Что въ водѣ живутъ, какъ рыбы.

А кругомъ мелькаютъ пары,
На Невѣ весь блескъ столицы
„Рѣжутъ ледъ коньками“ львицы,
Холодны, какъ эти льдины.

Вдругъ,—тѣнь Банко не смущала
Грозно такъ покой Макбета,
Какъ Олаву фраза эта:
—„Здѣсь актрисъ не допускаютъ“.

—„Какъ, и здѣсь?“—И здѣсь кататься
Не имѣете вы права...—
И несчастная Олава
Обратилась снова въ бѣгство.

ЭПИЛОГЪ.

Возлѣ баней Тулякова
Вышла дама изъ кареты.
Въ кассѣ, гдѣ берутъ билеты,
Вдругъ она остановилась.

—„Неужель и здѣсь не пустятъ?
Неужель?...“ Но я заранѣ
Въ томъ увѣренъ—номеръ въ банѣ
Ей дадутъ безъ разговоровъ.

Славься нашъ прогрессъ славянскій!
Гимны пѣть тебѣ мы станемъ
Хоть за то, что къ невскимъ банямъ
Допускаются актрисы.

ХМѢЛЬ.

I.

Дровнишки стоятъ предъ избенкою,
Съ лошадки вздымается паръ,
Съ своей молодою бабенкою
Прощается молча Макаръ.

—„Прощай, мой кормилецъ, мой суженый!
Умру безъ тебя я въ тоскѣ...
Возьми вотъ—дорогой поужинай:
Лепешки зашиты въ носкѣ.

Что будетъ съ твоею Акулькою?
Деньжонки смотри не растратъ“...
И слезы застыли сосулькою
Отъ стужи—должно полагать...

II.

Въ разлукѣ съ женою законною
Извозомъ Макаръ занимается;
Живетъ онъ въ артелѣ, за Конною,
День цѣлый по Питеру мается.

Извощика—жизнь горемычная.
Нужда въ немъ всѣ радости выѣстъ.
Получитъ онъ, — плата отличная!—
Иной разъ полтинникъ за выѣздъ.

Продрогнувъ отъ холода рѣзкаго,
Кляня свою долю крестьянскую,
Онъ возитъ отъ Охты до Невскаго,
Съ Песковъ и Галерной въ Мѣщанскую.

Глядитъ безучастнымъ онъ зрителемъ
Подъ шапкой, къ бровямъ нахлобученной;
Лишь хлещетъ „кнутомъ вдохновителемъ"
Бока своей клячи измученной.

III.

По мартовски солнышко грѣло,
Великій кончается постъ,
Акульки изба опустѣла:
Бабенку свезли на погостъ...

Съ недѣлю она прохворала,
Къ Макару пошло письмецо,
Но смерть ужъ надъ нею стояла
И строго смотрѣла въ лицо.

Все тѣло дрожитъ отъ озноба...
Недугъ продолжался шесть дней,
И крышка сосноваго гроба
Захлопнулась скоро надъ ней.

Вернулся Макаръ... У амбара
Стоитъ... вся въ слезахъ борода...
На бѣднаго, значитъ, Макара
Ужъ шишки валятся всегда.

IV.

День и ночь Макаръ шатается,
Посѣдѣли волоса;
Печь въ избѣ не затопляется,
У пѣгашки нѣтъ овса.

Соръ ростетъ подъ лавкой кучами...
Не узнаешь бѣдняка
Подъ дырявыми онучами,
Подъ обрывкомъ армяка.

Ходитъ онъ въ кабакъ безъ вызова,
Пьетъ, чтобъ горе отлегло...
Носъ его сталъ цвѣту сизова
И лицо все отекло.

Ходитъ — ноги спотыкаются,
Иль ничкомъ лежитъ въ углу...
Лишь парнишки потѣшаются
Надъ Макаромъ по селу...

V.

Не вѣтеръ въ лѣсу завываетъ,
Не зимняя хлещетъ мятель,

По русскому міру ступаетъ
Неслышной походкою Хмѣль.

Глядитъ онъ, чтобъ съ водкой посуда
Вездѣ выпивалась до дна,
И нѣтъ ли гдѣ трезваго люда
И слабаго очень вина.

Онъ пьяницъ доводитъ до качки,
Онъ льетъ въ нихъ дешевку, травникъ,
И лепетомъ бѣлой горячки
Мутитъ ихъ безумный языкъ...

Идетъ онъ — по селамъ шагаетъ,
Заходитъ во всѣ города,
И каплями спирта сверкаетъ
Сѣдая его борода.

Идетъ онъ съ зловѣщимъ угаромъ,
Съ зеленою вѣткой въ рукѣ,
И сталъ наконецъ надъ Макаромъ
И пѣсню запѣлъ въ кабакѣ:

VI.

„Забудь свое глупое горе
И пей мой цѣлительный даръ...
Вѣдь, пьяному самое море
Всегда по колѣна, Макаръ.

„Меня почитаютъ бояре,
Бѣднякъ и крестьянинъ хмѣльной...
Топи жъ свою злость въ полугарѣ..
Ну, пьянъ что ли?“—„Пьянъ, мой родной!“

„Я въ голову хмѣлью ударю,
Согрѣю хоть въ лютый морозъ,
Безъ краски всю выкрашу харю
И синькой запачкаю носъ.

„Отца подзадорю на сына,
А мужа поссорю съ женой!...
Пьянѣешь-ли ты, молодчина?“
—„Какъ есть опьянѣлъ, мой родной!“

И Хмѣль своей вѣткой махаетъ,
Чтобъ пилъ онъ, безъ устали пилъ...
Макаръ всѣ гроши пропиваетъ
И тихо подъ столъ упадаетъ
Безъ словъ, безъ движенья, безъ силъ.

РОМАНЪ НА КРУГЛОМЪ ПРУДѢ.

ЛѢТНЯЯ ПОЭМА.

I.

Знойно лѣто и горячи
Воздухъ, зелень и вода;
Словно замки, смотрятъ дачи,
Дачи Круглаго пруда.
Флаги вѣтеръ развѣваетъ,
Башни, съ арками балконъ...
Все кругомъ напоминаетъ
Годы рыцарскихъ временъ,
Прежній духъ средневѣковый...
Вѣетъ тайной каждый садъ,
Будто шепчетъ лѣсъ еловый
Пѣсни рыцарскихъ балладъ.

Томный видъ у дамы каждой,
Только взоръ ихъ улови—
Всѣ онѣ томятся жаждой
Платонической любви,
Всѣ онѣ порою жаркой
Вѣрны склонности одной:
Утромъ—сплетничать съ кухаркой,
Ночью—плакать предъ луной.
Живы древнія повѣрья,
Воскресаютъ въ ихъ мечтахъ
Латы, рыцарскія перья,
Милый вензель на щитахъ,
Романическіе браки,
Героическій побѣгъ...
А межъ тѣмъ жилеты, фраки
Изобрѣлъ новѣйшій вѣкъ,
А межъ тѣмъ (какъ жизнь упряма!)
Вкругъ не слышатъ дамы тѣ:
—„Я вернусь къ тебѣ, о, дама,
Со щитомъ, иль на щитѣ!...“
И несутся съ башенъ вздохи:
Всѣмъ красавицамъ въ Лѣсномъ
Счастье рыцарской эпохи
Представляется лишь сномъ.

II.

Воскресенье. Съ баллюстрады
Раздается трескъ и громъ.
Музыканты будто рады
Оглушить толпу кругомъ.
И, услышавъ звуки эти,
Изъ садовъ сосѣднихъ дачь,
Перепуганныя дѣти
Поднимаютъ ревъ и плачъ.

Суматоха въ каждомъ замкѣ...
Подъ навѣсами вѣтвей
Подзатыльниками мамки
Усмиряютъ крикъ дѣтей.
А подъ грохотъ музыкантовъ
(Молча, глазомъ не моргнутъ),
Подъ охраной мѣстныхъ франтовъ,
Дамы строгія плывутъ,
Проплываютъ съ видомъ чиннымъ,
Не вступая въ разговоръ,
И сметаютъ шлейфомъ длиннымъ
По аллеямъ пыль и соръ.
Хоръ тирольцевъ, акробаты
И „картинъ туманныхъ" рядъ,
Въ два вершка аэростаты
Дамъ лѣсныхъ не веселятъ.
Строгій міръ ихъ заколдованъ,
Вдругъ пронесся шопотъ дамъ:
—„О, скажите, кто онъ, кто онъ?
Словно рыцарь Кольдингамъ!"
—„Соня, видишь въ плэдѣ сѣромъ,
Въ панталонахъ бѣлыхъ... Вонъ!
По лицу и по манерамъ,
Онъ чужой, не здѣшній онъ".
—„Какъ хорошъ!"—„Ахъ, что за профиль!
Какъ онъ ловокъ, посмотри"...
—„Настоящій мефистофель!"
Шепчетъ Юлія Мари.

III.

Та же музыка и дѣти
Поднимаютъ тотъ же вой;
Та же тьма стоитъ въ буфетѣ
И съ поникшей головой

Ходитъ дачникъ въ пыльномъ паркѣ,
Но на дамахъ нѣтъ лица:
Взгляды ихъ, какъ солнце, жарки,
Бьются птичками сердца.
Ужъ три дня въ аллеяхъ сада
Сталъ являться тотъ же плэдъ,
Ужъ три дня всѣхъ дамъ плэяда
За счастливцемъ бродитъ въ слѣдъ.
Ихъ мужья отъ злости сизы
И взволнованная мать
По ночамъ велитъ маркизы
Надъ балкономъ опускать.

IV.

Кто онъ? всѣ его встрѣчали
Въ плэдѣ, взброшенномъ назадъ,
То на музыкѣ въ воксалѣ,
То у входа въ „Нижній садъ“,
На скамьѣ въ аллеѣ дальной,
У перилъ передъ купальной
И, въ истомѣ блѣдныхъ лицъ
Дамы страстью запылали;
Всѣхъ влюбленныхъ насчитали
Двадцать жонъ и пять дѣвицъ.
Всѣ забыли о декохтѣ
И оставленъ рыбій жиръ,
Молодежь изгрызла ногти,
Проклиная ихъ кумiръ
И невѣдомаго франта,—
Я одинъ за всѣмъ слѣдилъ
Съ хладнокровіемъ педанта,
(Хоть Миньону самъ любилъ,
Ей бросалъ свой взглядъ несмѣлый
Съ видомъ юныхъ простаковъ,

Но и та на мѣсяцъ цѣлый
Переѣхала жить въ Псковъ).

V.

Дни проходятъ. Тѣ же замки,
Та же публика и садъ,
Та же музыка и мамки
Щиплютъ плачущихъ ребятъ.
Все по прежнему, какъ было,
Вдругъ раздался шумъ и гамъ:
Новость страшная сразила
Пять дѣвицъ и двадцать дамъ.
О, скандалъ, въ вѣкахъ примѣрный!
Онъ, владыка ихъ сердецъ,
Адонисъ ихъ лицемѣрный
Оказался, наконецъ...
Парикмахеромъ въ Галерной.
Ужасъ, горе, стыдъ и срамъ
И попадали по дачамъ
Прямо на полъ съ горькимъ плачемъ
Пять дѣвицъ и двадцать дамъ.
И за тѣмъ онѣ, — могу ли
Ложью кончить этотъ трудъ?—
Съ головою всѣ нырнули,
Какъ русалки, въ Круглый прудъ.
Долго ихъ въ водѣ ловили,
Но никто не могъ поймать;
Кринолины только всплыли —
Счетомъ ровно двадцать пять.
Всѣ нѣмѣли отъ испуга,
Не владѣли языкомъ,
Только два иль три супруга
Были счастливы тайкомъ
И шептать могли иные

Близкимъ людямъ на ушко:
„Славу Богу! отъ жены я
Такъ отдѣлался легко...“

VI.

Брилъ меня чрезъ три недѣли
Тотъ же самый куаферъ:
Онъ красавецъ, въ самомъ дѣлѣ,
И извѣстенъ сталъ съ тѣхъ поръ.
Да, въ него легко влюбиться,
Онъ не мастеръ только брить
И къ нему, читатель, бриться —
Мой совѣтъ вамъ — не ходить

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ,

СОКРАЩЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПО СТАТЬЯМЪ НОВѢЙШИХЪ ЛЖЕ-РЕАЛИСТОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Мой дядя, какъ Кирсановъ Павелъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
То натирать себя заставилъ
Духами съ головы до ногъ.
Въ послѣдній разъ на смертномъ ложѣ
Хотѣлъ придать онъ нѣжность кожѣ
И—приказалъ намъ долго жить.
Я могъ наслѣдство получить:
Оставилъ домъ онъ въ три этажа,
Но у него нашлись враги

И домъ былъ проданъ за долги,
А такъ какъ „собственность — есть кража“,
(Какъ гдѣ-то высказалъ Прудонъ),
Я радъ, что дома былъ лишенъ.“

II.

Такъ думалъ въ Сѣверной Пальмирѣ
Читавшій множество наукъ,
Пришлецъ изъ Западной Сибири,
Семинариста старшій внукъ.
Друзья мои! безъ проволочки
Хочу сейчасъ же съ первой строчки
Съ героемъ повѣсти моей
Васъ познакомить поскорѣй.
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Былъ по Базарову скроенъ:
Какъ тотъ, лягушекъ рѣзалъ онъ,
Какъ тотъ, искуства порицатель,
Какъ тотъ, поэтовъ не цѣнилъ
И съ аппетитомъ ѣлъ и пилъ.

III.

Онъ не толкался въ модномъ свѣтѣ,
Прочелъ заглавья многихъ книгъ,
Не размышлялъ о туалетѣ
И никогда волосъ не стригъ.
Умѣлъ онъ въ спорѣ ядовито
Воскликнуть вслухъ: „вотъ дураки-то!“
Умѣлъ врага отдѣлать въ пухъ:
„Шекспиръ вашъ — тоже, что лопухъ!“
Онъ былъ повсюду на готовѣ
Свалить любой авторитетъ,
Хотя-бъ его цѣнилъ весь свѣтъ,

И скоро критикъ въ „Русскомъ Словѣ“
Съ большою смѣлостью рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

IV.

Онъ отрицалъ искуство яро,
Пугалъ угрюмымъ взглядомъ дамъ,
Ему гаванская сигара
Была дороже всякихъ драмъ.
Все отвергая на свободѣ,
Читалъ онъ Фогта въ переводѣ
И Благосвѣтлова труды;
Онъ къ Миллю скрыть не могъ вражды
И съ публицистомъ Соколовымъ
Согласенъ былъ пріятель нашъ,
Что Милль — невѣжда и торгашъ,
И вслѣдъ за Зайцевымъ суровымъ
Произносилъ, что негръ есть скотъ,
Едва-ли стоющій заботъ.

V.

Бывало онъ еще въ постели,
Чтобъ дать себя кухаркѣ знать,
Начнетъ предъ нею не безъ цѣли
Авторитеты разрушать.
Бранитъ Вольтера и Бэкона,
Корнеля, Гете и Мильтона
И, булкой набивая ротъ,
Цикорный кофе жадно пьетъ.
Какъ врагъ шатанья и прогулокъ,
Не тратилъ онъ напрасно силъ
И лишь статьи свои носилъ
Порой въ Дмитровскій переулокъ

Въ одну редакцію и хмуръ
Былъ отъ помарокъ корректуръ.

VI.

Но за обѣдъ пора садится.
Куда же мчится онъ, куда?
Морозной пылью серебрится
Его густая борода.
Бѣжитъ къ кухмистеру Евгеній
И тамъ, безъ дальнихъ объясненій,
Велитъ къ столу себѣ подать
Обѣдъ копѣекъ въ тридцать пять.
Свершаетъ трапезу онъ живо,
Пересмотрѣвши пукъ газетъ,
И заливаетъ жиръ котлетъ
Бутылкой кроновскаго пива,
Ворча, что губитъ россіянъ
Зловредный этотъ кукельванъ.

VII.

Кулисъ почетнымъ гражданиномъ
Онѣгинъ не былъ; издавна
Браня театръ по всѣмъ гостинымъ,
Мѣшалъ онъ съ Нильскимъ Бурдина.
Трактуя часто, какъ медвѣдей,
Творцовъ классическихъ комедій,
Онъ могъ кричать въ театрѣ „bis!“
Лишь для хорошенькихъ актрисъ.
Онъ заходилъ минуты на три,
Билетъ имѣя даровой,
Взлянуть съ поникшей головой,
Какъ драму новую въ театрѣ

Давалъ знакомый драматургъ,
(А ими полонъ Петербургъ.)

VIII.

Театръ ужъ полонъ. Свѣчи таютъ,
Стучатъ въ партерѣ каблуки,
Въ райкѣ неистово зѣваютъ,
Бьютъ у подъѣзда рысаки.
Вотъ потянулось представленье
И началась съ того мгновенья
Съ дремотой въ публикѣ борьба:
Давалась драма „*Не судьба*“.
Хлопочутъ бѣдные актеры,
Стараясь автору помочь,
И сонъ желая превозмочь
Ведутъ по ложамъ разговоры
Купцы съ Апраксина двора
И шепчутъ жонамъ: спать пора!..

IX.

Театръ весь спитъ. Онѣгинъ входитъ,
Идетъ межъ ногъ въ девятый рядъ,
Глазами публику обводитъ,
Откинувъ волосы назадъ.
На силу выслушавъ полъ-акта,
На ложу авторскую какъ-то
Онъ покосился, молвилъ: „вздоръ!“
И чрезъ пустынный корридоръ
Шаги направилъ онъ къ буфету,
Гдѣ съѣлъ съ икрою буттербродъ,
Потомъ зѣвнулъ во весь свой ротъ,
Махнулъ рукой на драму эту

И, пледомъ закрывая грудь,
Онѣгинъ вновь пустился въ путь.

X.

Изображу ль въ картинѣ яркой
Уединенный кабинетъ
Съ огромной печью, очень жаркой,
Гдѣ жилъ Онѣгинъ пять-шесть лѣтъ,
Въ сосѣдствѣ съ шведкою старушкой?
Окно безъ сторъ, часы съ кукушкой,
Диванъ клеенчатый въ углу,
Да стулъ, приставленный къ столу,
Гдѣ на листѣ отъ старыхъ лекцій
Лежалъ креоновскій табакъ...
Виситъ на ширмахъ старый фракъ,
Скелетовъ нѣсколько коллекцій
И пара голыхъ череповъ
Глядятъ въ тѣни межъ двухъ шкаповъ.

XI.

Рядъ книгъ на полкахъ не бѣленыхъ,
Клочки бумаги, стертый грошь...
Чуть видны въ рамкахъ запыленныхъ
Жанъ-Жакъ-Руссо и Ригольбошь.
Бутыль чернилъ, бутылка рома,
Портфель и Шлессера два тома,
Сигары въ пачкѣ, микроскопъ
И безъ стекла стереоскопъ;
Два неразрѣзанныхъ журнала
И неоконченный разказъ,
Гдѣ нѣсколько начальныхъ фразъ
Перо героя замарало,

Но женскихъ ножекъ и головъ
Тамъ не чертилъ онъ вмѣсто словъ.

XII.

О, муза! ты была бы рада
Начать иначе свой обзоръ:
„Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Хрусталь и бронза и фарфоръ“
И все, что любятъ въ модномъ свѣтѣ —
Наставить въ этомъ кабинетѣ;
Но твой герой, увы! не фатъ
И будуарный ароматъ
Изъ кабинета гналъ онъ строго
И высшій свѣтъ онъ презиралъ,
Хоть въ высшемъ свѣтѣ небывалъ,
Но такъ какъ фосфору въ немъ много,
То онъ, друзья, заочно могъ
Быть къ свѣтскимъ людямъ очень строгъ.

XIII.

Не воспѣвалъ онъ дамскихъ ножекъ,
Для женщинъ жизни не терялъ,
Анатомическій свой ножикъ
Онъ въ чувство каждое вонзалъ.
Бѣсилъ артистовъ до азарта,
Браня Россини и Моцарта,
И поражать любилъ народъ,
Сказавъ, что Пушкинъ—идіотъ.
Съ любой красавицей при встрѣчѣ
Вопросъ о бракахъ поднималъ,
Иль, какъ Базаровъ, восклицалъ:
„У васъ отличнѣйшія плечи!“

И рѣчь сводилъ на геморрой...
Онъ въ новомъ родѣ былъ герой.

XIV.

Среди безцѣльныхъ похожденій,
Уже томился скукой онъ,
Но вдругъ въ одно изъ воскресеній
Съ письмомъ явился почтальонъ.
Къ нему писалъ пріятель Ленскій:
Затишье жизни деревенской
Ему описывалъ тепло.
И звалъ его въ свое село.
Онѣгинъ думаетъ: „Поѣду!
Пусть Ленскій—глупъ, пусть онъ поэтъ,—
Но до того мнѣ дѣла нѣтъ,
За то онъ къ каждому обѣду
Подастъ отличное вино!
И такъ, поѣду! Рѣшено.....“

XV.

О, ты, прелестная Татьяна!
Уже ль тебя несчастье ждетъ?
Но забѣгать еще мнѣ рано
Съ моимъ Онѣгинымъ впередъ.
Пока онъ въ шумномъ Петроградѣ
Сбираетъ платье и тетради
И наполняетъ кошелекъ —
Мы отдохнемъ на краткій срокъ,
Потомъ рядъ новыхъ приключеній
Включитъ дальнѣйшій мой разсказъ;
Я опишу въ стихахъ для васъ
„Деревню, гдѣ скучалъ Евгеній“,

Какъ жилъ, что дѣлалъ онъ въ степи...
О, мой читатель, потерпи!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Деревню, гдѣ скучалъ Евгеній,"
Хотѣлъ я было описать,
Но скука—праздныхъ фатовъ геній
Его не смѣла посѣщать.
Ставъ поселенцемъ деревенскимъ,
Онъ цѣлый день возился съ Ленскимъ,
Стыдилъ лѣниваго пѣвца,
За жажду брачнаго вѣнца,
Читалъ отрывки изъ Дарвина,
Сводилъ открытьямъ алфавитъ
И елисеевскій лафитъ
Лилъ изъ хрустальнаго графина,
А Ленскій слушалъ и слагалъ
Для милой Ольги мадригалъ.

II.

Про ограническую клѣтку
Онѣгинъ другу говорилъ,
А Ленскій Ларину сосѣдку
Ему въ отвѣтъ превозносилъ.
Одинъ—хвалилъ умно и жарко
Труды Лапласа и Ламарка,

Труды Пуше, Мюссе, Жоли
Въ академической пыли,—
Другой, поднявшись до разсвѣта,
Головки, ножки рисовалъ
И вмѣсто дѣла отвѣчалъ
Стихами Майкова и Фета.
Онѣгинъ прикусилъ языкъ
И сбросилъ въ печку полку книгъ—

III.

Творенья Байрона, Шекспира
И многихъ доблестныхъ славянъ,
Которыхъ сѣверная лира
Вводила юношей въ обманъ.
Поступкомъ новаго Омара
(Я ужъ сказалъ: ему сигара
Была дороже, чѣмъ Мильтонъ)
Былъ Ленскій очень возмущенъ.
Не поскупясь на монологи,
Съ нимъ говорилъ онъ битый часъ,
Потомъ свой сельскій тарантасъ
Велѣлъ готовить для дороги
И, сбросивъ пестрый свой халатъ,
Облекся въ праздничный нарядъ.

IV.

—„Куда ты?“—„Къ Ларинымъ“.—„Такъ скоро!
Съ тобой мы были тамъ вчера...“
— „Мой другъ, теперь мнѣ не до спора:
Я Ольгой званъ еще съ утра.
А что ты скажешь о Татьянѣ?
Предупредить спѣшу заранѣ:
Въ тебя, мнѣ кажется, она

Къ несчастью, очень влюблена.
Я наблюдалъ за ней немножко:
Вчера чертила на стеклѣ
Она твой вензель: *O* и *E*,
Склонясь головкой у окошка.
О ней какого мнѣнья ты?"
— Я врагъ унылой красоты

V.

„И этихъ барышенъ слезливыхъ,
Влюбленныхъ въ звѣзды и луну,
Всегда пугливыхъ, молчаливыхъ...
На нихъ взгляну я—и зѣвну.
Онѣ живутъ весь вѣкъ безъ цѣли,
И подъ подушкою постели
Романы пошлые хранятъ,
А въ нашемъ обществѣ молчатъ,
Да угощаютъ сладкимъ чаемъ,
Да упражняются въ любви,
Танцуя съ нами vis-à-vis,
Хоть мы любви отъ нихъ не чаемъ...
Все жъ поклонись имъ, не забудь."
„Пока прощай!"—„Счастливый путь."

VI.

Межъ тѣмъ, дѣйствительно въ Татьянѣ
Проснулась страсть. Теперь она
Лепечетъ ночью старой нянѣ:
—„Я... знаешь, няня... влюбена..."
—„Усни, родная, Бога ради!"
Но при мерцающей лампадѣ
Ночной луной озарена,
Она твердитъ: „я влюблена!"

Сорочка съ плечь ея спадаетъ,
Она не спитъ въ слезахъ всю ночь...
Чѣмъ услужить ей, чѣмъ помочь
Старушка сонная не знаетъ
И лобъ Татьяны молодой
Кропитъ крещенскою водой.

VII.

Вотъ Ленскій къ Ларинымъ явился.
Сестра къ Владиміру бѣжитъ.
—„Одинъ!“ взоръ Тани помутился
—„Одинъ!“ чуть слышно говоритъ.
—„А другъ вашъ?“ молвила старушка.
—„Онъ занятъ. Новая лягушка
Ему попалась и мой другъ
Ей посвящаетъ свой досугъ...
Вотъ вамъ мое стихотворенье!“
Тутъ Ленскій Ольгѣ подаетъ
Влюбленной музы новый плодъ,
А въ залѣ подано варенье
И,—чѣмъ богаты ихъ сады,—
Съ зеленой яблони плоды.

VIII.

Проходятъ дни. Нейдетъ Евгеній.
Однажды, званный на пирогъ,
Пріѣхалъ онъ, но трехъ мгновеній
Въ гостинной высидѣть не могъ.
Онъ похвалилъ пирогъ отличный,
И отдалъ дань водѣ брусничной,
Хозяйкѣ бросилъ пару словъ,
Фуражку взялъ —и былъ таковъ.
Служанку, шедшую съ посудой

И съ свѣжимъ вѣникомъ въ рукахъ,
Случайно встрѣтивши въ сѣняхъ,
Назвалъ Лурлеей полногрудой,
Взглянулъ на тучи и шашкомъ
Домой отправился пѣшкомъ.

IX.

Прошло три дня. Проснувшись рано,
Когда еще Владиміръ спалъ,
Когда вдали въ волнахъ тумана
Денницы лучъ едва блисталъ,
Онѣгинъ вышелъ въ садъ пустынный,
Побрелъ впередъ аллеей длинной,
Но вдругъ, какъ листъ передъ травой,
Мальчишка съ рыжей головой
Передъ Онѣгинымъ явился:
— „Письмо къ вамъ, сударь, изъ села",
Проговорилъ и, какъ стрѣла,
Онъ въ боковой аллеѣ скрылся.
Онѣгинъ сталъ читать тогда
Письмо Татьяны, господа!

X.

Читалось съ трепетомъ, бывало,
Письмо Татьяны дорогой,
Но поколѣнье то увяло,
Иль ужъ вступило въ гробъ ногой.
Онѣгинъ,—вѣрьте иль не вѣрьте,—
Сорвалъ облатку на конвертѣ
И сѣвъ покойно на пенекъ,
Сказалъ сквозь зубы:—„ну, денёкъ!"
И сталъ читать не безъ улыбки,
Царапалъ ногтемъ на листѣ

При каждой новой темнотѣ,
Иль грамматической ошибкѣ,
Въ письмо вставляя цѣлый рядъ
Непозволительныхъ цытать:

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ (*).

Я къ вамъ пишу, —чего же болѣ?
(Въ любви признанье!... вотъ-те на!)
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Подумать: какъ смѣшна она.
(Еще-бы! какъ еще смѣшна!)
Сначала я молчать хотѣла,
(Не дурно-бъ было помолчать!)
Когда-бъ надежду я имѣла,
Хоть разъ въ недѣлю васъ встрѣчать,
Чтобъ только слушать ваши рѣчи...
(Вотъ любопытная черта:
Не раскрывалъ предъ ней я рта
Отъ первой до послѣдней встрѣчи).
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
(О, мой Создатель! вотъ бѣда-то?)
Я никогда-бъ не знала васъ
И, новымъ чувствомъ не объята,
Была-бъ современемъ, — какъ знать,—
(Такъ чѣмъ же я-то могъ мѣшать?
Иль понимать я сталъ все туго!..)

(*) Въ „Русскомъ Словѣ" въ статьѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій" (1865 г. апрѣль, стран. 39—44) подробно объяснено какое впечатлѣніе должно бы произвести письмо Татьяны на *настоящаго* Онѣгина. На сколько я оставался вѣренъ новой програмѣ — желающіе могутъ узнать изъ вышеприведеной статьи.

И превосходная супруга
И добродѣтельная мать.
(*Живи, какъ знаешь, въ этомъ свѣтѣ!*
Съ кѣмъ хочешь шествуй къ алтарю!..)
Но въ высшемъ суждено совѣтѣ:
Ты — мой теперь!... (*Благодарю!*)
Я знаю, ты мнѣ посланъ богомъ,
(*Вѣдь это, наконецъ, разбой!*)
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой.
Ты въ снахъ ко мнѣ являлся часто,
(*Да чѣмъ же я тутъ виноватъ?*
Приснился вамъ я, ну и баста! —
Про всякій вздоръ не говорятъ)
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!..
(*Вотъ неожиданно попался!...*
Вотъ вамъ Вольмаръ и Рычардсонъ!)
Не правда-ль? Я тебя слыхала,
Ты въ тишинѣ меня встрѣчалъ,
Когда я бѣднымъ помогала?
(*Татьяна Дмитревна! Скандала*
Такого я не ожидалъ!
Вы помогали бѣднымъ. Вѣрю,
И это дѣлаетъ вамъ честь:
Имѣйте жалость даже къ звѣрю,
Но для чего-жъ неправду плесть?
Прогулокъ тайныхъ ожидая
Не шелъ за вами никогда я
И не слѣдилъ изъ-за куста.
Вѣдь это просто клевета)
И въ это самое мгновенье
Не ты-ли милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ
Приникнулъ тихо къ изголовью?

(Нѣтъ просто мѣры пустословью:
Вѣдь я еще не Вельзевулъ,
Я ночью сплю всегда, не тѣнь я,
Я человѣкъ, а не видѣнье).
Кто ты? скорѣе дай отвѣтъ.
Кто ты? мой ангелъ-ли хранитель?
(Я вашъ, сударыня, сосѣдъ).
Или коварный искуситель?
(Васъ искушать охоты нѣтъ)
Никто меня не понимаетъ,
(Кому понятна ерунда!)
Вообрази: я здѣсь одна,
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
(Бездѣлье—вотъ въ чемъ вся вина.
Трудиться, барышня, вамъ ново;
Трудъ освѣжилъ-бы разумъ вашъ:
Статьи читайте Шелгунова
И позабудьте эту блажь).
Кончаю. Страшно перечесть...
(Ну, перечесть-бы не мѣшало:
Въ письмѣ нелѣпостей не мало
И разныхъ глупостей—не счесть,—
И я отъ вашего припадка
Не стану таять въ уголкѣ,
Хоть сохла, можетъ быть облатка
На воспаленномъ языкѣ).

XI.

Конецъ.—„Задать ей нужно гонку
За болтавню и этотъ бредъ.
Все, что простительно ребенку,
То—безобразно въ двадцать лѣтъ.

И вотъ плоды отъ неразвитья!...“
Но здѣсь прерву расказа нить я
И умолчу, какъ мой герой
Ворчалъ и дулся той порой
На праздныхъ дѣвъ, всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ,
Какъ ноги грѣлъ у камелька,
Какъ Ленскій, вставъ съ пуховика,
Вновь разболтался о невѣстѣ
Бульдога чернаго ласкалъ,
И дождь осенній проклиналъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Сегодня Ольги день рожденья.
— „Что-жъ изъ того?“—„Намъ нужно быть:
Вчера мнѣ дали порученье
Тебя хоть силой притащить“.
— „Помилуй, тамъ съ тоски умру я
И, у труда часы воруя,
Весь вечеръ потеряю, но...“
Онѣгинъ вспомнилъ, что давно
Татьяна ждетъ его отвѣта,
Что нужно ей прочесть урокъ...
Письма измятаго листокъ
Въ карманъ широкаго жилета
Онъ опустилъ и, черезъ часъ,
Усѣлся съ Ленскимъ въ тарантасъ

II.

Межъ тѣмъ, у Лариныхъ толпились
Сосѣди,—поданъ самоваръ,
На блюдахъ сласти разносились
И о рядахъ крадрильныхъ паръ
Шептались танцевъ коноводы;
Шумѣли сельскіе Немвроды,
Хваля псарей своихъ, собакъ,
И пили сладостный коньякъ.
Дѣвицъ танцующая раса
Бродила въ залѣ и ждала,
Когда въ углу изъ-за стола
Раздастся рокотъ контробаса
И закружится сонмъ дѣвицъ
Подъ скрипъ смычковъ и половицъ.

III.

Свѣжа, нарядна и румяна
Ждетъ Ольга въ гости жениха.
Одна унылая Татьяна
Сидитъ безмолвна и тиха.
Блѣдна, какъ снѣгъ подъ луннымъ свѣтомъ,
Какъ небо ночи финскимъ лѣтомъ,
И молчалива и грустна
Въ толпѣ гостей она одна;
Полна тревоги и сомнѣній
Татьяна думаетъ теперь:
Вотъ, вотъ сейчасъ отворятъ дверь,
Предъ ней очутится Евгеній...
Какъ ей взглянуть, что ей сказать,
Что будетъ онъ ей отвѣчать?...

IV.

Но, чу! вотъ слышенъ конскій топотъ
И колокольчикъ у крыльца.
„Онѣгинъ! Ленскій!...“ въ залѣ шопотъ
Летитъ.... На Танѣ нѣтъ лица.
Полусознательно со стула
Приподнялась и скользнула
Она съ террасы въ темный садъ....
Идетъ, боясь взглянутъ назадъ,
Рыданья просятся наружу:
Въ груди любовь и страхъ и стыдъ,
Татьяна робкая дрожитъ...
Такъ измѣнивъ ревнивцу мужу,
Порой, несчастная жена
Трепещетъ, ужаса полна.

V.

Татьяна бѣдная страдала
И на скамьѣ межъ двухъ березъ
Она въ отчаяньи упала,
Скрывать не въ силахъ больше слезъ
И нѣтъ конца ея обѣтамъ...
— Что онъ подумаетъ объ этомъ
Письмѣ? Какой мнѣ дастъ отвѣтъ?
Ужель съ ужаснымъ словомъ „нѣтъ“
Придетъ ко мнѣ мой добрый геній?...
Но вдругъ—шаги... песокъ хруститъ...
Татьяна вздрогнула, глядитъ:
Предъ ней въ саду стоялъ Евгеній
И, снявъ фуражку съ головы,
Ей говоритъ: „Здоровы-ль вы?

VI.

Ну, духота! Потъ льется градомъ...
Потомъ онъ вынулъ свой платокъ,
Стеръ потъ съ лица, сѣлъ съ Таней рядомъ
И началъ длинный монологъ
О томъ, что физикъ Маттеучи
Былъ яркимъ солнцемъ въ темной тучѣ,
Что всѣмъ намъ праотецъ—полипъ,
И что похожъ на мелкій грибъ
Acetabulum известковый,
Что отъ несчастій всѣхъ народъ
Ассоціація спасетъ,
Что реалистъ закалки новой —
Иль пьянства мрачнаго поэтъ,
Иль геніальный Архимедъ.

VII.

Потолковавъ о меньшемъ братѣ,
Онѣгинъ началъ рѣчь опять:
—„Татьяна Дмитревна! я кстати
Хотѣлъ совѣтъ вамъ добрый дать.
Ко мнѣ письмо вы написали
И имъ отлично доказали,
Что вы—чувствительны, больны,
Но, но... простите... не умны.
Страсть вдругъ не можетъ появиться:
Вамъ чуждъ и я и мой языкъ
И я, ей Богу, сталъ въ тупикъ—
Какъ вы изволили влюбиться
Въ два-три визита, съ пары фразъ?
Нѣтъ, не любовь смутила васъ.

VIII.

„Когда-бъ безъ дѣла, безъ занятья
Не убивали жизни вы
(Жизнь безъ труда—не могъ понять я),
Когда-бъ развитьемъ головы
Вы занялись, забывъ романы,
И вѣчно блѣдный ликъ Діаны
И неба звѣзднаго лазурь,
Тогда-бъ, клянусь, такая дурь
Къ вамъ не являлась въ наказанье
И я, слуга покорный вашъ,
Не зналъ, что вамъ приходитъ блажь
Писать любовныя посланья
И въ томъ другаго увѣрять,
Чего самимъ вамъ не понять.

IX.

Какой вы будете женою?
Что вы за мать, скажите мнѣ,
Умѣя только предъ луною
Мечтать въ полночной тишинѣ?
Что для жены быть можетъ хуже —
Искать опоры только въ мужѣ,
Его трудиться заставлять,
Самой же плакать и вздыхать,
Краснѣть предъ дочерью и сыномъ,
Своимъ невѣжествомъ казнясь,
И постепенно падать въ грязь....
Мужъ будетъ честнымъ гражданиномъ,
Жена же—куклою нѣмой!..
Вотъ идеалъ, но онъ не мой...

X.

Я все сказалъ. Теперь довольно.
Нашъ разговоръ забыть я радъ
И вамъ отдамъ я добровольно
Письмо безумное назадъ.
Мы всѣ отъ случая зависимъ
И мой совѣтъ — подобныхъ писемъ
Вамъ не писать... Но ужъ темно,
Насъ вѣрно дома ждутъ давно,
При томъ же я проголодался,
Татьяна Дмитревна, пора...
Теперь свалилась съ плечь гора
И аппетитъ мой разыгрался.
Но я впередъ пока пойду".
Безъ слезъ, безъ звука, какъ въ чаду,

XI.

Сидѣла блѣдная Татьяна...
Увы, Татьянѣ-ль оцѣнить,
Что онъ, герой ея романа,
Не могъ иначе поступить?
Пѣвцомъ Онѣгинъ оклеветанъ:
Могъ только дать такой отвѣтъ онъ,
Татьянѣ, барышнѣ простой.
О, мой читатель! Удостой
Вниманьемъ новаго героя
И, размышляя, оцѣни,
Что такъ поступитъ въ наши дни
Онѣгинъ лучшаго покроя,
Онѣгинъ, сшитый на показъ
Однимъ изъ критиковъ для насъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Что за романъ, гдѣ нѣтъ дуэли?
Я описать, конечно-бъ, могъ,
Какъ, прислонясь къ высокой ели,
Онѣгинъ, щелкнувъ, взвелъ курокъ,
Какъ пулю вбилъ онъ въ стволъ граненый,
Раздался выстрѣлъ и сраженный
Своимъ пріятелемъ, поэтъ
Упалъ, роняя пистолетъ.
Я могъ съ эффектомъ несомнѣннымъ
Сложить про бой пять новыхъ строфъ,
Но *мой* Онѣгинъ не таковъ.
Онъ съ хладнокровьемъ неизмѣннымъ,
Не посмотрѣвши на запретъ,
Вошелъ бы въ чумный лазаретъ,

II.

Гдѣ рядъ больныхъ почти ужъ вымеръ;
Но могъ сказать: „вы глупы, сэръ“,—
Когда-бъ задумалъ вдругъ Владиміръ
Его поставить на барьеръ.
На эпиграмму въ шумномъ спорѣ
Онъ эпиграммы сыпалъ вскорѣ,

Но на барьеръ,—таковъ принципъ,—
Его поставить не могли-бъ,
И въ крайнемъ случаѣ скандала,
Въ толпѣ обиженныхъ глупцовъ
Онѣгинъ мой въ концѣ концовъ
Прибѣгнулъ къ помощи шандала,
Къ обломку стула,- кочерги
И—горе вамъ тогда, враги!...

III.

Герой мой смѣлъ былъ, какъ Якушкинъ,
Но всѣ дуэли отвергалъ....
Да, Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Его совсѣмъ оклеветалъ.
Забывши Лариной истому,
Не ссорясь съ Ленскимъ по пустому
И у него взявъ до зимы
Четыре красненькихъ взаймы,
Онѣгинъ снова въ путь пустился...
Теперь пропустимъ лишній годъ,
Пропустимъ цѣлый эпизодъ,
Какъ Ленскій сватался, женился,
И какъ Татьяну изъ села
Въ Москву мамаша увезла,

IV.

Какъ подъ вліяньемъ страсти нѣжной
Не шла Татьяна подъ вѣнецъ
И въ бракъ законный неизбѣжный
Она вступила наконецъ...
Мы сокративъ свою дорогу,
Приступимъ прямо къ эпилогу.
И такъ, однажды на полкѣ,

Съ мочалкой взмыленной въ рукѣ,
Лежалъ Онѣгинъ въ невской банѣ
И по привычкѣ разсуждалъ
Съ своимъ знакомымъ:—„Не бывалъ
Я въ вашемъ клубѣ. Россіяне
Приличнѣй дѣла не найдутъ:
Лото и танцы—вотъ ихъ трудъ.

V.

„Вы въ клубъ отсюда?"—Въ Молодцовскій...
Вы не хотите-ль заглянуть?—
— „По мнѣ такъ въ банѣ Туляковской
Гораздо лучше отдохнуть".
— Тамъ нынче чтенье, съѣздъ не малый...
Разъ можно съѣздить.—„Чтожъ, пожалуй,
На полчаса я заверну...
Ей другъ-любезный, баньщикъ! Ну,
Теперь на каменку поддай-ка...
Еще, еще, вотъ такъ.... вотъ такъ...
Пусть буду красенъ я, какъ ракъ,
Иль какъ Филиповская сайка...
Всѣхъ европейцевъ переросъ,
Придумавъ бани, мудрый Россъ...

VI.

„Ну, въ клубъ теперь..."Былъ клубъ ужь полонъ.
Онѣгинъ, хмурясь, входитъ въ залъ,
Толпу мущинъ, „прекрасный полъ" онъ
Въ блестящей залѣ увидалъ.
Пестрѣли шлейфы, панталоны,
Наколки, ленты и шиньоны,
Чепцы, мантильи, парики...
Мелькали дѣти, старики

И капитальныя невѣсты.
Онѣ на всѣхъ смотрѣли такъ:
Съ тобой тогда вступлю я въ бракъ,
Когда получишь въ жизни вѣсъ ты,
И крупный чинъ, и важный постъ,
И капиталъ положишь въ ростъ.

VII.

Тамъ были ветхіе калѣки
Въ дыму у ломберныхъ столовъ,
Тамъ были невскіе ацтеки —
Опора танцевъ и баловъ;
Неповоротливы и скромны.
Тамъ были дѣвы изъ Коломны
И съ Петербургской стороны.
Въ четыре фута вышины,
Съ ртомъ на подобье цѣлой арки,
Тамъ былъ какой-то фотографъ,
Какой-то князь, какой-то графъ,
Тамъ былъ дарившій всѣмъ сигарки
Съ старинной мягкостью манеръ
Сѣдой, какъ лунь, акціонеръ.

VIII.

Тамъ былъ и крошечный писатель,
Живущій геніемъ пера,
Хромой какъ Байронъ и каратель
Жильцовъ Апраксина двора.
Тамъ былъ одинъ болтунъ столичный,
Отличный франтъ, танцоръ отличный,
Собой плѣнявшій клубныхъ дамъ,
Тамъ былъ на этотъ разъ я самъ,
Тамъ былъ Онѣгинъ... не безъ злости

Слѣдилъ, какъ клуба игроки,
Не безъ дрожанія руки
Вокругъ столовъ мѣняли кости,
Сердясь на цѣлый міръ за то,
Что разоряетъ ихъ лото.

IX.

Надъ игроками дымъ табачный
Волнами въ комнатѣ ходилъ
И за игрой Онѣгинъ мрачный
Въ тотъ часъ разсѣянно слѣдилъ.
Вдругъ у меня спросилъ онъ прямо:
— „Скажите мнѣ, кто это дама
Играетъ въ домино-лото?“
— Ее не знаетъ здѣсь никто.
— „Ужель она?... Да это, право,
Татьяна Ларина... ей-ей!...“
Идетъ Онѣгинъ прямо къ ней,
Подходитъ ближе и лукаво
Глядитъ на даму нашъ герой.
Но занята своей игрой,

X.

Татьяна глазъ не поднимала.
Съ волненьемъ блѣднаго лица
Она свой проигрышъ считала...
Она,—о, плачьте безъ конца
Пѣвцы любви и юныхъ грацій! —
Слѣдя за кучей ассигнацій,
Она какъ страстный банкометъ,
Готова ночи на пролетъ
Сидѣть въ дыму сигаръ и трубокъ
И все играть, играть, играть...

Счетъ деньгамъ можетъ лишь слетать
Теперь съ ея прекрасныхъ губокъ....
Вдругъ Таня вздрогнула, глядитъ:
Онѣгинъ рядомъ съ ней стоитъ.

XI.

Друзья, не въ клубѣ, у буфета,
Гдѣ вы бывали, можетъ быть,
Но въ будуарѣ съ книжкой Фета
Я могъ Татьяну посадить,
Могъ говорить ее заставить:
„Я васъ люблю,—къ чему лукавить!
Но я другому отдана....“
За тѣмъ бы вѣрная жена,
Смягчая гордость увлеченьемъ,
Герою проповѣдь прочла
И для финала бы дала
Мораль съ эффектнымъ заключеньемъ;
Но для финала я избралъ
Не безъ причины клубный залъ.

XII.

Романъ любви, романъ старинный
Съ луной, съ безмолвнымъ tete-a-tete
Въ тѣни вѣтвей въ аллеѣ длинной
Не въ нашихъ нравахъ. Какъ поэтъ
Не поэтической эпохи,
Я слышалъ дамъ столичныхъ вздохи
Лишь у игорнаго стола,
Гдѣ только стуколка могла
Все ихъ лицо разжечь румянцемъ.
Досуги ихъ идутъ на то:
Отъ танцевъ—отдыхъ за лото

И карты—добавленье къ танцамъ;
Съ ихъ устъ слетаетъ не „люблю“,
Но „пасъ“, „стучу“ или „куплю“...

XIII.

На каждый вѣкъ—свои игрушки.
Къ намъ не вернется вѣкъ нашъ вновь,
Сентиментальныя старушки!
Играли бабушки—„*въ любовь*“,
Играютъ „*въ стуколку*“ ихъ внучки...
И тѣ и эти—бѣлоручки,
Имъ надо чѣмъ нибудь играть,
Но если станемъ выбирать,
То я, какъ истый пролетарій,
Въ обиду бабушекъ не дамъ...
Избавь насъ Богъ отъ новыхъ дамъ,
Когда онѣ нашъ гонорарій,
На зло всѣмъ толкамъ и рѣчамъ,
Мотаютъ въ клубахъ по ночамъ.

XIV.

Кто-жъ удивится, что Татьяну
Онѣгинъ въ клубѣ повстрѣчалъ?
Она встаетъ, идетъ къ дивану
И въ этой дамѣ не узналъ
Евгеній прежней дѣвы томной,
Пугливой, влюбчивой и скромной.
— „Евгеній Павлычъ! Bon soir!..
Пойдемте! здѣсь ужасный жаръ...
Я рада вамъ... Извѣстно вамъ ужъ,—
Вамъ Ленскій вѣрно разсказалъ,—
Что вышла замужъ я?“—„Не зналъ!“
—„Да, ужъ полгода вышла замужъ...“

—„И счастливы?“—„Какъ вамъ сказать!..
Мой мужъ не хочетъ мнѣ мѣшать—

XV.

„Ни въ чемъ. Привыкла здѣсь играть я
Въ лото и ѣзжу иногда...“
— „Нашли отличное занятье!“
— „Въ игрѣ нѣтъ счастья—вотъ бѣда!“
— „Ну, есть за то очагъ семейный...“
— „Да, кстати: домъ нашъ—на Литейной:
По четвергамъ у насъ игра
Бываетъ съ самаго утра.
Я жду васъ... Право не замѣтимъ,
Какъ день промчится за игрой...“
— „Я ѣзжу къ женщинамъ, порой,
Но только, право, не за этимъ,
Скажу, какъ Чацкій...“—„Пустяки!
Мы васъ запишемъ въ игроки.

XVI.

„А вотъ мой мужъ идетъ...“ Подходитъ
Старикъ походкой вялой къ нимъ
И важно рѣчь о томъ заводитъ,
Что Пальмерстонъ незамѣнимъ,
Что молодежь бѣжитъ отъ службы,
Что это—странно: почему жъ бы
Ей видныхъ мѣстъ не занимать
И награжденья получать....
— „Все это вздоръ.“—„Такъ что же васъ-то
Такъ занимаетъ, господа?“
— „У насъ не мало есть труда:
Мы отрицаемъ все и баста.“

Мужъ что-то подъ носъ промычалъ
И за женой поплелся въ залъ.

XVII.

Пора! Кончая дѣло это,
Прошу прощенья у славянъ
И у славянскаго поэта:
Хоть я классическій романъ
Подвергъ цинической повѣркѣ,
Перекроилъ по новой мѣркѣ
И перешилъ на новой ладъ,—
Но я ли въ этомъ виноватъ,
Что искаженіе романа
(Я долженъ руки здѣсь умыть)
Для всѣхъ насъ можетъ только быть
Подобьемъ Тришкина кафтана,
И что былъ выкроенъ герой
На Благосвѣтловскій покрой?...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПѢСНИ И ПОЭМЫ

Д. Д. МИНАЕВА.

Стран.

Юлій Цезарь, поэма 1

I.

ДУМЫ, ПѢСНИ И САТИРЫ.

Безумцы 49
Золотой телецъ 53
Торныя дороги 58
Одинъ изъ многихъ 61
Сказка о восточныхъ послахъ. 65
Одна изъ многихъ. 67
Милліонеръ 70
Лирикъ 73
Двуликій Янусъ 76
Нравственный человѣкъ 79
Общій другъ 83
Говорящій духъ. 87
На улицѣ (четыре мгновенія) 90
Добродѣтельная дама 92
Съ невскихъ береговъ 95
„О, не смотри, мой другъ, впередъ“ 102
Кто онъ? 104

II.

ПЕРЕВОДЫ.

Блудница, поэма Альфреда де-Виньи 109
Сатира Ювенала 117
Полезные люди 124
Въ гаремѣ (*изъ Байрона*). 127
Письмо Юліи къ Донъ-Жуану (*изъ Байрона*). 130
Мостъ (*изъ Лонгфелло*) 132
Съумазбродъ (*съ итальянскаго*) 135
Волки (*изъ „Deutschland"—Гейне*) 140
Ночная бесѣда (*изъ Гейне*) 143
Балъ, поэма Альфреда де-Виньи 147
Пѣсня о рубашкѣ (*изъ Томаса Гуда*). 151

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Послѣднее блюдо 159
Прерванные куплеты. 162
Двое 164
Добрый малый 166
Модный врачъ 170
Подайте содовой воды! 172
Семейный очагъ 175
Пѣсня о клубѣ 177
Не вѣрьте никому 181
Пропустите 183
Странные люди 184
„Въ кругу друзей у камелька". 187
Ослиная услуга 190
Публикѣ 193
Что такое значитъ? 194
Сорвалось! (Романическое приключеніе въ Галерной) . . . 195

Ужасный пассажъ или истинное повѣствованіе о томъ, какъ одинъ господинъ важнаго сана обратился въ водолаза, и что отъ этого произошло 199
Встрѣча кометы съ землей (Трагедія въ одномъ дѣйствіи). . 203
Янки 206
„Отъ германскаго поэта“ 208
Невскія примѣты 211
Наставленія Аполлона стихотворцамъ. 213
Жизнь сквозь разныя очки 216
Мотивы русскихъ поэтовъ 222
На бойкомъ мѣстѣ 227
Пѣсня свиней. 230
Альбомъ свѣтской дамы, составленный изъ произведеній русскихъ поэтовъ 233
На сонъ грядущій. Отрывокъ изъ повѣсти 240
Первое января 251
Учись, мой другъ. 255
Съ горяча 258
Человѣкъ на всѣ руки 261
На каждомъ шагу 264
Вѣжливые люди 269
Обѣденный спичъ. 273
Ne parlez pas devant les gens 277
Нищіе. 280
Счастливый пѣвецъ 284
Жалобы музы. 286
Пѣсня Еремушки. 290
Демократка 294

II.

ПОЭМЫ.

Усмиреніе своенравной 299
Хмѣль 308
Романъ на кругломъ прудѣ 313
Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лже-реалистовъ. 319

50р

10 ДЕК 1937

LIBRARY OF CONGRESS
00024216020